

Министерство науки и высшего образования
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

На правах рукописи

Шпак Алёна Алексеевна

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОВЫХ СРЕДСТВ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Бибик Олег Николаевич

Омск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	16
§ 1. Понятие, функции и типология средств массовой информации	16
§ 2. Криминологические исследования средств массовой информации	29
 ГЛАВА 2. КРИМИНОГЕННОСТЬ НОВЫХ МЕДИА	45
§ 1. Понятие, особенности и виды криминогенного воздействия новых медиа	45
§ 2. Криминогенные механизмы новых медиа	62
§ 3. Криминогенный потенциал новых медиа на примере платформы Telegram	82
§ 4. Треш-стриминг и деструктивный блогинг	102
 ГЛАВА 3. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КРИМИНОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	122
§ 1. Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения криминогенного воздействия новых медиа	122
§ 2. Совершенствование уголовного законодательства в целях предупреждения криминогенного воздействия новых медиа	143
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
 СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	170
 ПРИЛОЖЕНИЯ	225

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная эпоха характеризуется глубинными социокультурными трансформациями, обусловленными цифровой революцией. Средства массовой информации, выступая на протяжении десятилетий ключевым институтом формирования общественного мнения и социального управления, в начале XXI в. претерпели кардинальные изменения. На смену традиционной, однонаправленной (от производителя контента к аудитории) модели коммуникации пришла гибридная (традиционные средства массовой информации и сетевая коммуникация) медиасреда, в которой доминирующую роль играют новые медиа – цифровые платформы, мессенджеры, стриминговые сервисы и др.

В условиях развязанной против Российской Федерации информационной войны, включая ее эскалацию в период специальной военной операции (СВО), цифровые платформы перестали быть нейтральными посредниками, превратившись в арену идеологического противоборства. Криминогенный потенциал новых медиа в значительной степени детерминирован идеологией современного капитализма, которая в цифровой среде приобрела гипертрофированные формы. Данная модель, основанная на максимизации прибыли и коммодификации (превращении в товар) всех сфер человеческой жизни, в условиях новых медиа видоизменилась: алгоритмические модели платформ создают прямую финансовую мотивацию для производства деструктивного и криминального контента. Указанная закономерность порождает противоречивую ситуацию, когда отдельные субъекты медиапространства, движимые корыстными мотивами, объективно становятся проводниками деструктивного влияния, подрывающего традиционные российские духовно-нравственные ценности и общественную безопасность.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2024 г. доля населения России в возрасте от 15 лет и старше, использующего интернет, достигла 92,5 %, при этом 84,6 % пользователей выходят в сеть еже-

дневно¹. Указанные тенденции свидетельствуют о проникновении цифровых технологий в повседневную жизнь, что создает условия для трансформации криминогенных факторов, связанных с распространением информации в новых медиа.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации в качестве угроз национальной безопасности выделяется «наращивание информационного воздействия на население Российской Федерации, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркивает: «Все, что происходит в интернете, должно подчиняться общим юридическим и моральным правилам»³. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин также акцентирует внимание на криминогенной роли новых медиа, отмечая, что Интернет, телевидение и социальные сети стали таким источником воспитания, который культивирует насилие, равнодушие к проблемам сверстников, безнравственность. В погоне за прибылью и славой блогеры создают видеоматериалы издевательств над людьми, совершают сомнительные поступки, нередко противоправные, их посты просматривают миллионы подростков, которые могут последовать дурному примеру. Социальные сети и мессенджеры стали главным оружием вербовщиков, а анонимные Telegram-каналы, закрытые группы и

¹ Федеральная служба государственной статистики. Итоги выборочного наблюдения использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей населением в 2024 году. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt24/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

² Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 10.02.2025).

³ В. В. Путин о деструктивном контенте в соцсетях // Парламентская газета. 2021. 23 дек. URL: <https://www.pnp.ru/social/putin-o-destruktivnom-kontente-v-socsetyakh-dlya-it-kompaniy-glavnoe-pribyl.html?ysclid=mp2fsl8fun752853498> (дата обращения: 10.05.2025).

чаты по интересам давно стали распространителями деструктивного контента¹.

Указанные выше изменения привели к парадоксальному результату: инструменты, изначально расширяющие возможности доступа к информации и самовыражения, одновременно стали источником качественно новых системных угроз правопорядку и общественной безопасности. Криминогенность новых медиа встроена в технологические и экономические основы, воплощаясь в устойчивых бизнес-моделях, где противоправное действие становится товаром, монетизируемым в реальном времени. Цифровые платформы, в особенности социальная сеть Telegram, эволюционировали в криминальные экосистемы платформенного типа, обеспечивающие полный цикл противоправной деятельности – от вербовки до монетизации.

Степень разработанности темы исследования. Теоретические основы анализа исследования заложены в трудах Г. А. Аванесова, Ю. М. Антоняна, О. Н. Библика, Я. И. Гилинского, Г. Н. Горшенкова, Ю. В. Грачёвой, А. И. Долговой, С. М. Иншакова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, М. П. Клеймёнова, С. В. Маликова, И. М. Мацкевича, А. В. Майорова, В. А. Номоконова, В. С. Овчинского, Е. Н. Рахмановой, В. Т. Томина, Д. А. Шестакова, В. Е. Эминова, П. С. Яни и др.

Криминологический анализ влияния средств массовой информации на правосознание и криминализацию общественных отношений рассмотрен в работах В. В. Боровиковой, Н. Ф. Бодрова, А. Г. Горшенкова, Ю. Н. Климовой, Ф. К. Рябыкина, Г. И. Узембаевой, С. А. Шоткинова, Е. М. Юцковой, Г. М. Яроша и др. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей раскрыто в трудах Э. С.-М. Ахъядова, А. Н. Берестового, М. А. Ефремовой, Н. В. Летёлкина, А. В. Макиенко, А. Г. Хлебущкина, А. А. Шутовой и др.

¹ *Интервью* Председателя СК России информационному агентству ТАСС // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/12495107> (дата обращения: 24.07.2026) ; *Интервью* Председателя СК России информационному агентству ТАСС // Следственный комитет РФ. URL: <https://sledcom.ru/search?q=Интервью+Председателя+СК+России+информационному+агентству+ТАСС> (дата обращения: 24.07.2026).

Отдельные аспекты криминогенности средств массовой информации исследовались в диссертационных работах Ю. И. Гололобовой (Москва, 2002) «Средства массовой информации и преступность: криминологический аспект», А. А. Токаревым (Москва, 2012) «Роль средств массовой информации в предупреждении преступности», П. С. Булатецким (Москва, 2013) «Влияние средств массовой информации на насильственную преступность: криминологический аспект», Е. С. Осиповой (Москва, 2014) «Средства массовой информации в системе предупреждения преступности», А. С. Ильницким (Краснодар, 2022) «Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет», А. И. Антиповым (Санкт-Петербург, 2022) «Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов», Е. В. Зотиной (Казань, 2024) «Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии: криминологическое исследование», Н. А. Ильиных (Омск, 2025) «Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий».

Положительно оценивая результаты указанных исследований, в которых заложены основы для понимания общих закономерностей взаимосвязи медиасреды и преступности, следует отметить, что они выполнены на материале традиционных СМИ и не в полной мере охватывают феномен криминогенности новых медиа. Данное обстоятельство во многом обусловлено стремительной трансформацией самих медиа: если ранее СМИ рассматривались в качестве пассивного канала распространения информации или инструмента совершения отдельных преступлений, то современные цифровые платформы представляют собой активную среду, детерминирующую новые формы преступного поведения. В частности, требуют изучения механизмы,

посредством которых технологические свойства и экономические модели новых медиа трансформируются в устойчивые криминогенные факторы.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере производства, распространения и потребления массовой информации в условиях цифровой трансформации, и связанные с ними криминогенные процессы.

Предметом исследования являются закономерности криминогенного воздействия средств массовой информации на преступность, криминологическая характеристика новых медиа как фактора преступности, а также система мер криминологического-правового предупреждения данного воздействия.

Цель исследования состоит в проведении комплексного анализа криминогенности новых средств массовой информации в условиях цифровой трансформации и разработке на его основе теоретически обоснованной и практически ориентированной системы предупреждения криминогенного воздействия новых средств массовой информации.

Для достижения обозначенной цели в процессе исследования решены следующие **задачи**:

1. Раскрыты понятие, функции и типология средств массовой информации в условиях цифровой трансформации медиасреды, определено понятие новых средств массовой информации (медиа).
2. Систематизированы научные знания о криминологических аспектах влияния средств массовой информации на преступность.
3. Сформулировано понятие, выявлены особенности и построена классификация видов криминогенного воздействия новых медиа.
4. Проанализированы основные криминогенные механизмы новых медиа, включая пропаганду, дезинформацию и манипуляцию.
5. Исследован криминогенный потенциал новых медиа на примере платформы Telegram как одного из наиболее востребованных современных средств массовой информации, обладающего значительным криминогенным потенциалом.

6. Проведен криминологический анализ треш-стриминга и деструктивного блогинга как устойчивых криминогенных бизнес-моделей.

7. Предложен комплекс общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения криминогенного воздействия новых медиа.

8. Обоснованы предложения по совершенствованию уголовного законодательства в целях противодействия криминогенному воздействию новых медиа.

Методология и методы исследования. Методология проведенного исследования основана на диалектическом методе познания, который позволил осуществить анализ криминогенности новых медиа во взаимосвязи с современными тенденциями развития информационного общества. Закон перехода количества в качество дал возможность понять, как накопление негативных эффектов от отдельных криминогенных публикаций и интерактивных практик (треш-стримов, дезинформации) приводит к качественному изменению криминологической ситуации, формированию устойчивых криминальных экосистем платформенного типа.

Методы анализа, синтеза, индукции и дедукции использованы при сборе, обобщении и интерпретации результатов научных исследований по избранной теме, уточнении понятийно-категориального аппарата (криминогенное воздействие новых медиа, гибридная криминальная экосистема), а также при формулировке итоговых выводов и предложений по совершенствованию законодательства. Сравнительно-правовой метод применен при анализе зарубежного опыта противодействия деструктивному контенту в цифровой среде.

Формально-юридический метод использован при анализе действующих уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за деяния, в которых новые медиа играют важную роль, что позволило выявить пробелы в правовом регулировании и обосновать предложения по дополнению

Уголовного кодекса Российской Федерации новыми составами преступлений.

Социологические методы реализованы в виде анкетирования и контент-анализа. Анкетирование применено при изучении структуры медиапотребления, уровня доверия к новым медиа и оценки респондентами их криминогенного влияния. Контент-анализ использован для выявления количественных и качественных характеристик криминального контента в региональных интернет-СМИ и Telegram-каналах, а также для идентификации криминогенных элементов в освещении резонансного преступления.

Теоретическую основу исследования составляют научные идеи, изложенные в трудах Г. А. Аванесова, Ю. М. Антоняна, О. Н. Бибика, Я. И. Гилинского, Г. Н. Горшенкова, Ю. В. Грачёвой, А. И. Долговой, С. М. Иншакова, М. П. Клеймёнова, А. И. Коробеева, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, С. В. Маликова, И. М. Мацкевича, А. В. Майорова, В. А. Номоконова, В. С. Овчинского, Е. Н. Рахмановой, В. Т. Томина, Д. А. Шестакова, В. Е. Эминова, П. С. Яни и других специалистов в области уголовного права и криминологии.

Правовая основа исследования включает Конституцию Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность средств массовой информации и порядок распространения информации в информационно-телекоммуникационных сетях.

Эмпирическая база исследования представлена результатами статистических данных Федеральной службы государственной статистики о доле населения Российской Федерации, использующего сеть «Интернет», за 2024 г.; статистических данных МВД России о состоянии преступности в Российской Федерации и Омской области за 2023–2026 гг.; материалами су-

дебной практики – изучено 96 судебных актов по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием новых медиа; социологического опроса (анкетирования), проведенного в 2024 г. в электронном формате с использованием платформы Google Forms ($n = 217$); результатами количественного и качественного контент-анализа региональных интернет-СМИ г. Омска; результатами контент-анализа публикаций в крупнейших русскоязычных Telegram-каналах; результатами качественного контент-анализа освещения резонансного преступления в 7 крупных Telegram-каналах (78 публикаций).

Научная новизна исследования заключается в обосновании повышенной криминогенности новых медиа, которая детерминирована технологическими свойствами и основанными на них экономическими моделями прямой монетизации криминальных девиаций. Эффективное предупреждение данного воздействия возможно лишь при условии реализации комплексной стратегии, одновременно воздействующей на спрос (через формирование цифрового иммунитета аудитории) и на предложение (через подрыв финансовых основ и модернизацию правового инструментария), а также предусматривающей совершенствование деятельности самих новых медиа, ее идеологических основ.

Свое непосредственное выражение научная новизна находит в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Под новыми средствами массовой информации (медиа) для целей криминологических исследований следует понимать цифровые платформы и сервисы (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, стриминговые платформы), функционирующие в интерактивном режиме, обеспечивающие двустороннюю коммуникацию между производителем контента и потребителем, которые характеризуются быстрым распространением информации.

2. В структуре криминологического знания выделяется специальная область – криминология средств массовой информации, предметное поле которой включает исследование закономерностей взаимосвязи медиасреды,

криминалитета и преступности. Преступность в сфере массовой информации не ограничивается двумя традиционными группами (преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, и преступления, направленные против средств массовой информации), а дополняется гибридной группой, где медиа выступают одновременно средой, инструментом и объектом криминогенного воздействия. Средства массовой информации в детерминации преступности занимают двойственное положение, их криминогенное воздействие находит выражение как на макроуровне (общие причины преступности), так и на микроуровне (причины конкретных преступлений). Основные криминогенные механизмы: культивация искаженной картины мира, нормализация и романтизация девиантного поведения, эффект подражания. Сложившиеся в науке подходы не в полной мере учитывают специфику новых медиа, трансформирующих традиционные механизмы криминогенного воздействия.

3. Криминогенное воздействие новых медиа – это обусловленное их технологическими свойствами распространение информации, создающее условия для формирования мотивации к совершению преступлений, облегчения их совершения и усвоения криминальной субкультуры. Данное воздействие выступает в качестве условия, способствующего преступности. Криминогенное воздействие новых медиа обладает тремя ключевыми особенностями: массовостью (глобальный охват аудитории), латентностью и алгоритмичностью (погружение в деструктивный контент). Указанное воздействие можно классифицировать на три вида: ценностно-нормативный (эрозия социальных норм), поведенческо-имитационный (стимулирование противоправных действий через подражание) и информационно-манипулятивный (искажение информационного поля).

4. Криминогенные механизмы новых медиа (пропаганда, дезинформация, манипуляция) образуют целостную эскалационную систему. Пропаганда закрепляет и легитимирует девиантные ценностные установки, дезинформация выступает прямым провокационным катализатором противо-

правных действий, манипуляция создает когнитивную основу для некритического восприятия. Романтизация криминала представляет собой комплексный механизм, интегрирующий пропаганду, дезинформацию и манипуляцию для оправдания преступного поведения. Криминогенный эффект достигается не только через прямое эмоциональное воздействие, но и через рутинное воспроизводство криминальных событий либо их ретроспективную подачу.

5. Telegram как одно из наиболее востребованных новых медиа представляет собой гибридную криминальную среду платформенного типа, криминогенный потенциал которой детерминирован инфраструктурными свойствами (анонимность, сквозное шифрование, массовость, минимальный уровень модерации) и реализуется через четыре функции: координационного центра (планирование преступной деятельности и управление ею), медиаинкубатора (оправдание девиаций, романтизация криминала, дезинформация), криминального маркетплейса (торговля запрещенными товарами и услугами), средства совершения преступлений (инструментарий для противоправных действий).

6. Треш-стриминг и деструктивный блогинг обеспечивают экономическую стимуляцию воспроизводства общественно опасных практик, прежде всего, путем воздействия на лиц, склонных к потреблению криминального контента. Криминогенность девиантных практик обусловлена моделью прямой монетизации девиаций и эскалационным характером соответствующей деятельности: от индивидуального насилия и эксплуатации уязвимых лиц (в частности, инвалидов, малолетних, престарелых) до посягательства на фундаментальные социальные институты и государственные символы.

7. Предупреждение криминогенного воздействия новых медиа требует комплексной стратегии, одновременно воздействующей на спрос и предложение деструктивного контента, а также совершенствование деятельности современных средств массовой информации. На общесоциальном уровне ключевым направлением является формирование цифрового иммуни-

тета аудитории: интеграция в курс «Основы безопасности и защиты Родины» тематического блока о природе деструктивного контента и встречное алгоритмическое продвижение просветительских материалов. На специально-криминологическом уровне в отношении журналистов и блогеров основным механизмом выступает саморегулирование: актуализация медиаэтического стандарта (запрет манифестов, сцен насилия, героизации преступников) и введение репутационной ответственности для блогеров через добровольную сертификацию. Системообразующей мерой является подрыв экономической рентабельности криминогенных бизнес-моделей: публичный реестр стримеров-нарушителей, блокировка донатов в их пользу и идентификация получателей крупных пожертвований.

8. Совершенствование уголовно-правового противодействия криминогенному воздействию новых медиа должно осуществляться по следующим взаимосвязанным направлениям: а) криминализация треш-стриминга, сопряженного с извлечением дохода; б) введение уголовной ответственности с административной преюдицией за публичное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях материалов, содержащих оправдание и (или) героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, в том числе распространение его манифеста, изображений, видеофрагментов, создающих привлекательный образ такого лица; в) введение уголовной ответственности с административной преюдицией за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, дезорганизующей нормальную деятельность организаций и (или) органов власти.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии частной криминологической теории – криминологии средств массовой информации. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований криминогенного потенциала цифровых платформ и механизмов противодействия девиантному поведению в интернет-пространстве. Сформулированные в работе определения «новые медиа» и «криминогенное

воздействие новых медиа», а также предложенная классификация его видов, механизмов и моделей криминальных сред платформенного типа уточняют содержание процессов детерминации преступности в условиях цифровой трансформации. Цифровизация общественных отношений создает новые риски в медиасреде, что актуализирует прогнозирование и предупреждение криминогенного воздействия средств массовой информации. Материалы исследования создают теоретическую основу для разработки концепций противодействия оправдания насилия и экономической стимуляции преступных деяний в сети Интернет.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов в правотворческой деятельности (при совершенствовании уголовного законодательства в части противодействия треш-стримингу, героизации преступников и распространению дезинформации), в деятельности правоохранительных и судебных органов (при квалификации преступлений, совершаемых с использованием новых медиа), в деятельности образовательных организаций (при преподавании дисциплин «Криминология» и «Уголовное право»), подготовке учебных и учебно-методических материалов.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов исследования обусловлена реализацией научной методологии, комплекса общенаучных и частнонаучных методов познания, использованием трудов ведущих отечественных ученых, создавших теоретическую базу осуществления уголовно-правовых и криминологических исследований. Достоверность полученных результатов обеспечивается правовой основой диссертационного исследования, включающей российское и зарубежное законодательство, эмпирической базой, а также значительным объемом специальной литературы по теме диссертации.

Апробация результатов диссертационного исследования. По теме диссертационного исследования опубликовано 17 научных работ общим объемом 5,6 п. л., из них 8 статей – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки

и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертации.

Теоретические положения и выводы работы докладывались диссертантом и обсуждались на международных научно-практических конференциях, проведенных в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского (Омск, 2023–2026 гг.), научном издательстве «СибАК» (Новосибирск, 2023 г.), Кубанском государственном университете им. А. А. Хмырова (Краснодар, 2024 г.), Барнаульском юридическом институте МВД России (Барнаул, 2024 г.), Сибирском юридическом институте МВД России (Красноярск, 2025 г.), международном центре научного сотрудничества «Наука и Просвещение» (Пенза, 2025 г.), агентстве международных исследований (Стерлитамак, 2025 г.), Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского (Симферополь, 2026 г.).

Материалы диссертационного исследования внедрены в практику работы военной прокуратуры Омского гарнизона, Омского гарнизонного военного суда, в образовательный процесс юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Высшей школы права Югорского государственного университета.

Структура и объем работы обусловлены объектом, предметом, целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка литературы и пяти приложений.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

§ 1. Понятие, функции и типология средств массовой информации

Средства массовой информации играют фундаментальную роль в жизни современного общества, выступая ключевым институтом формирования общественного мнения, обеспечения общественной коммуникации и социализации индивидов. Они служат основным каналом информирования населения, оказывая комплексное воздействие на сознание, ценностные ориентации и поведенческие модели. В условиях глобализации и цифровой трансформации данное влияние многократно усиливается, что обуславливает необходимость детального анализа средств массовой информации (СМИ): их сущности, функций и типологических характеристик.

Согласно российскому законодательству к средствам массовой информации относятся предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы; а также конкретные организационные формы, такие как периодическое печатное издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)¹. В общенаучном дискурсе термин «средства массовой информации» традиционно трактуется как печать, радио и телевидение². Действующее законодательное определение, сформированное в 1991 г., не охватывает такие современные явления, как блоги, каналы, стриминговые платформы и социальные сети.

¹ *О средствах массовой информации* : закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 26.06.2026) // Российская газета. 1992. 8 февр. ; 2026. 1 июля.

² *Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Большая Российская энциклопедия. СПб. : Норинт, 2009. С. 1265.

Традиционное правовое поле, регулирующее деятельность СМИ, вступает в противоречие с новой медийной реальностью, где производство и распространение контента децентрализованы¹.

В научной литературе предпринимаются попытки дать определение новым средствам массовой информации. Д. Г. Балугев и Д. И. Каминченко понимают под ними электронные средства массовой информации, которые позволяют аудитории взаимодействовать с производителями информации². В современном научном дискурсе термины «новые средства массовой информации» и «новые медиа» нередко используются как синонимы, обозначающие один и тот же феномен – цифровые интерактивные платформы, пришедшие на смену традиционным СМИ³. В медиаисследованиях проводится условное равенство между представленными понятиями⁴. С. Г. Носовев также фиксирует их синонимичное употребление в научной литературе. При этом она определяет новые медиа как высокотехнологичные интерактивные интернет-медиа, обладающие потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту⁵. Обобщая зарубежные и отечественные подходы, ученые определяют новые медиа как новый формат существования массмедиа, постоянно доступных на цифровых устройствах и подразумевающих активное участие пользователей в создании и распространении контента⁶.

В настоящем исследовании для единообразия терминологии и в соответствии со сложившейся научной традицией будет использоваться понятие «новые медиа». Под ними понимаются цифровые платформы и сервисы (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, стриминговые платформы), функционирующие в интерактивном режиме, обеспечивающие двусторон-

¹ Вартанова Е. Л. Медиасистема России. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 112.

² Балугев Д. Г., Каминченко Д. И. Новые средства массовой информации: проблемы теоретического осмысления // Информационное общество. 2014. № 1. С. 36.

³ Вартанова Е. Л. Указ. соч. С. 112–113.

⁴ Вартанова Е. Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ // Информационное общество. 2008. Вып. 5–6. С. 37.

⁵ Носовев С. Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 41.

⁶ Роголева О. С., Шкайдерова Т. В. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник Омского университета. 2015. № 1 (75). С. 223.

ною коммуникацию (между производителем и потребителем контента) и характеризующиеся быстрым распространением информации.

Важно разграничить смежные понятия «средства массовой информации» (СМИ) и «средства массовой коммуникации» (СМК). По мнению В. Н. Бурлакова с соавторами, данные термины имеют различное определение, тогда как в юридической практике они часто используются как синонимы¹. Как отмечал Г. Лассуэлл, массовая коммуникация – это процесс, который с помощью технологических средств позволяет передавать сообщения широкой аудитории². В контексте новых медиа данное различие утрачивает четкость, поскольку цифровые платформы (например, YouTube) совмещают функции как социального института (производство и распространение контента), так и технического канала его передачи. Таким образом, средства массовой информации являются социальным институтом по производству контента, а средства массовой коммуникации – техническими каналами его передачи.

Многообразие форм и субъектов современной медиасреды обуславливает широкий спектр выполняемых ею социальных функций. В научной литературе существуют различные подходы к их систематизации. Д. Маккуэйл выделяет ключевые функции журналистики: информационную, интегративную, формирующую общественное мнение и рекреативную (развлекательную)³. При этом он определяет медиа как институт общества, который служит общественному интересу в рамках теории социальной ответственности⁴.

В отечественной науке получила развитие расширенная классификация функций СМИ, введенная Е. П. Прохоровым. Ученый рассматривает средства массовой информации как целостную систему, функционирующую в

¹ Бурлаков В. Н., Горшенков Г. Н., Максина С. В., Шестаков Д. А. Средства массовой информации и преступность (криминология СМИ) // Правоведение. 2000. № 5. С. 263.

² Lasswell H. D. The Political Writings of Harold D. Lasswell. Glencoe: Free Press, 1951. P. 179.

³ Маккуэйл Д. Журналистика и общество / пер. с англ. М. : МедиаМир ; Факультет журналистики МГУ, 2013. С. 70.

⁴ Там же. С. 37.

рамках единого пространства и преследующую многообразные цели¹. В структуре данной системы можно выделить шесть основных функций:

1. Коммуникативная функция. Является первичной задачей СМИ, охватывает обмен информацией и установление связи в социуме².
2. Организаторская функция. Посредством информирования осуществляется управление коллективным адресатом, то есть контролирование и регулирование поведения масс, где СМИ демонстрируют свое влияние как четвертая власть³.
3. Идеологическая функция. Представление событий через призму определенных культурных ценностей и политических ориентиров, оказание воздействия на мировоззрение, систему ценностей и мотивацию поведения аудитории⁴.
4. Культурно-образовательная функция. Взаимодействие СМИ как институтов культуры с обществом для продвижения культурных стандартов и способствования всестороннему личностному развитию⁵.
5. Информационно-рекламная функция. Информирование аудитории о событиях и условиях жизни, а также воздействие на нее в целях убеждения в необходимости приобретения товаров и услуг⁶.
6. Рекреативная функция. Деятельность, направленная на развлечение, расслабление и получение удовольствия⁷.

Вместе с тем представленная классификация, разработанная применительно к традиционным СМИ, не в полной мере отражает специфику цифровой среды. Новые медиа не просто дополняют существующую систему, а

¹ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики : учебник для студентов вузов. 8-е изд., испр. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 58.

² Там же.

³ Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации : учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академический проект ; Альма Матер, 2008. С. 155.

⁴ Анхимова Р. В. Криминогенные воздействия средств массовой информации // Научный портал МВД России. 2013. № 2 (22). С. 53.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 32.

⁷ Прохоров Е. П. Указ. соч. С. 75.

формируют качественно иную коммуникационную среду, в которой изменяются сами механизмы реализации функций¹. В связи с этим в научной литературе предпринимаются попытки дополнить классификацию функциями, отражающими специфику новых медиа. В частности, выделяются:

- функция социализации в цифровой среде – формирование у пользователя норм и ценностей под воздействием алгоритмически персонализированного контента²;
- функция конструирования идентичности – возможность создавать и транслировать множественные варианты «цифрового Я»³;
- функция мобилизации – способность в короткие сроки объединять аудиторию вокруг определенной идеи или действия⁴.

Особое значение приобретает именно функция конструирования идентичности, поскольку она может использоваться для координации противоправных действий и распространения деструктивных идеологий.

Представленная классификация функций, разработанная в рамках теории традиционных СМИ, в условиях цифровой трансформации претерпевает существенную модификацию. Цифровая среда не просто добавляет новые каналы для реализации старых функций, а качественно изменяет их содержание, механизмы и последствия:

1. Коммуникативная функция была преимущественно однонаправленной (от редакции к пассивной аудитории). Новые медиа превратили данную функцию в диалоговую и сетевую. Аудитория становится активным участником коммуникационного процесса, генерируя пользовательский кон-

¹ *Медиасистема России* : учебное пособие / под ред. Е. Л. Вартановой. М. : Аспект Пресс, 2015. С. 11.

² *Шестерина А. М.* Медиапотребление современных подростков в условиях цифровой среды (на материале опроса старших школьников Калининградской области) // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2024. № 1 (51). С. 10.

³ *Кириллова Н. Б.* Медиакультура: от модерна к постмодерну. М. : Академический проект, 2006. С. 45–52.

⁴ *Опенков М. Ю.* Феномен вирусной информации в современных сетевых СМИ // *Дискуссия*. 2019. № 6(95). С. 48.

тент, комментируя, делая репосты и оценивая материалы, что создает эффект «соучастия» и иллюзию равенства.

2. Организаторская функция переходит от редакционных коллегий к алгоритмам платформ (социальных сетей, видеохостингов и др.), которые неявно, но эффективно управляют коллективным поведением. Алгоритмы, настроенные на максимизацию вовлеченности, формируют повестку дня, продвигая деструктивный контент.

3. Идеологическая функция ориентирована на широкие массы и носит относительно унифицированный характер. Новые медиа позволяют осуществлять гипертрофированное идеологическое воздействие через механизмы микротаргетирования.

4. Культурно-образовательная функция в новых медиа демократизировала доступ к знаниям, но одновременно привела к их упрощению и раздробленности.

5. Рекреативная функция претерпела наиболее радикальные изменения. Из пассивного потребителя готового продукта (телешоу, кино) рекреация в новых медиа превратилась в активное, интерактивное участие. Стриминг, интерактивные блоги и социальные сети предлагают не просто отвлечься, а погрузиться в альтернативную реальность, часто стирающую грань между игрой и действительностью.

Современные средства массовой информации представляют собой сложную, динамичную и эволюционирующую систему, интегрирующую как традиционные институциональные формы, так и новые, интерактивные цифровые платформы. Эволюция от однонаправленной модели коммуникации к диалоговой и сетевой привела к фундаментальным изменениям: аудитория трансформировалась из пассивного потребления в активного участника – производителя контента.

Типология средств массовой информации основывается на ряде устойчивых формальных признаков. Для традиционных СМИ можно выделить следующие критерии:

1. По региону распространения: транснациональные, национальные, региональные и местные СМИ.
2. По типу: печатные, электронные, сетевые.
3. По учредителю: государственные и частные СМИ.
4. По аудитории: универсальные (рассчитанные на широкую аудиторию) и специализированные (ориентированные на конкретную целевую группу).
5. По содержанию: универсальные (общественно-политические) и специализированные (тематические).
6. По цели: информационные, развлекательные, рекламные.

Исторически сложившимися институтами, осуществляющими массово-информационную деятельность, являются традиционные СМИ (печать, радио и телевидение). Ключевыми характеристиками выступают однонаправленность коммуникации (от производителя контента к пассивной аудитории), централизованное и профессиональное производство сообщений в соответствии с редакционной политикой и стандартами журналистики.

Конец XX века ознаменовался стремительным развитием и повсеместным распространением цифровых технологий, что привело к возникновению принципиально иного феномена – новых медиа.

Новые медиа охватывают разнообразные формы коммуникации и обмена сообщениями, ставшие возможными благодаря распространению компьютеров, смартфонов и интернета. К их числу относятся не только электронные медиа, но и блоги, социальные сети, приложения для мгновенного обмена сообщениями, игровые чаты и многое другое. К числу ключевых характеристик новых СМИ относятся цифровой формат, интерактивность и мультимедиа¹.

Новые медиа обеспечивают или улучшают взаимодействие между пользователями, а также взаимодействие между пользователями и контен-

¹ Новые медиа // Большая Российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/novye-media-eb906a> (дата обращения: 15.10.2025).

том¹. Главные характеристики новых медиа, коренным образом отличающие их от традиционных, включают:

1. Цифровой формат, позволяющий хранить, передавать и обрабатывать информацию единым образом.
2. Интерактивность, обеспечивающую диалоговый режим общения и активное участие аудитории в создании и распространении контента².
3. Мультимедийность – интеграцию текста, звука, фото- и видеоизображения в рамках единого цифрового продукта.
4. Гипертекстовость, обеспечивающую нелинейную навигацию между страницами и ресурсами с помощью гиперссылок³.

Важнейшим процессом, стирающим границы между различными типами медиа и платформами, является конвергенция. Как указывает Е. Л. Варганова, современные медиакомпании расширяют ассортимент продукции и используют новые каналы распространения, такие как онлайн-газеты, интернет-радио и онлайн-телевидение⁴. Конвергенция – это распространение одного и того же контента по разным каналам и разными способами⁵. Таким образом, конвергенция понимается как передача одного и того же содержания разными средствами (текст, звук или видео) и через разные каналы коммуникации (пресса, телевидение, радио, Интернет)⁶.

В отличие от традиционных СМИ, новые медиа представляют собой коммуникационные средства, возникшие благодаря развитию конвергенции цифровых технологий, сложный многоаспектный феномен, требующий системной типологизации для последующего анализа.

¹ *Rice R. E.* The New Media: Communication, Research, and Technology. Beverly Hills: Sage Publications, 1984. 320 p.

² *Uricchio W.* Cultural citizenship in the age of P2P networks // Media cultures in a changing Europe / ed. By I. Bondebjerg, P. Golding. Bristol : Intellect Press, 2004. P. 160.

³ *Носовец С. Г.* Указ. соч. С. 42.

⁴ *Варганова Е. Л.* К чему ведет конвергенция в СМИ? // Информационное общество. 1999. Вып. 5. С.12.

⁵ *Павликова М.* Сетевые технологии и журналистика: эволюция финских СМИ. М. : РИП-холдинг, 2001. С. 11.

⁶ *Качкаева А. Г.* Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М. : Фокус-Медиа, 2010. С. 69.

Типология новых медиа, в отличие от традиционных СМИ, должна учитывать не только формальные, но и содержательные характеристики, обусловленные их цифровой природой¹.

В рамках настоящего исследования предлагается следующая типология новых медиа:

1. По каналу распространения:
 - социальные сети (ВКонтакте, Telegram, TikTok, Instagram² и др.);
 - мессенджеры (Telegram, Max, WhatsApp³ и др.);
 - видеохостинги (YouTube, Rutube и др.);
 - интернет-СМИ (Lenta.ru, Ria.ru и др.);
 - стриминговые платформы (Twitch, Kick и др.).
2. По типу контента:
 - пользовательский (блоги);
 - профессиональный (интернет-СМИ);
 - новостной (интернет-СМИ, новостные Telegram-каналы, новостные группы);
 - развлекательный (стримы, челленджи, юмористические каналы).
3. По типу автора:
 - профессиональный журналист;
 - гражданский журналист (непрофессионал, освещающий события);
 - контент-мейкер (рекреативный или узкоспециализированный контент);
 - стример (работает в режиме реального времени);
 - аноним (без явной идентификации автора).

¹ Шестерина А. М. К вопросу о типологии новых медиа // Неофилология. 2023. Т. 9, № 4. С. 935.

² Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

³ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

4. По характеру интерактивности:
 - однонаправленные (вещание с минимальной обратной связью, как у традиционных СМИ);
 - диалоговые (активное общение в комментариях, стримах, чатах);
 - сетевые, активные (аудитория напрямую влияет на контент через голосования, донаты, предложения тем).
5. По характеру таргетирования аудитории:
 - массовые (максимально широкий охват);
 - нишевые (направлены на узкую целевую группу);
 - гипертаргетированные (используют алгоритмы для микросегментации аудитории, например, в рекламе или пропаганде).

Данная типология позволяет более гибко анализировать разнородный ландшафт новых медиа по сравнению с подходами, применяемыми к традиционным СМИ. Важно учитывать контекстуальный принцип медиаанализа, согласно которому контент может менять свои параметры в зависимости от восприятия аудиторией¹.

По состоянию на октябрь 2025 г. аудитория интернета составила 105 млн человек – 86 % населения старше 12 лет. Среднесуточное время, проводимое пользователями в интернете, достигло до 4 часов².

Экономическая модель новых медиа представляет собой самостоятельный фактор, усиливающий криминогенный потенциал. Современные цифровые платформы функционируют в рамках так называемой экономики внимания, где основной товар – время пользователя, а ключевой показатель успеха – вовлеченность аудитории³. Алгоритмы платформ настроены на максимизацию показателя: они продвигают контент, вызывающий наиболее сильные

¹ Вакурова Н. В., Московкин Л. И. Концепции современных российских интернет-изданий // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2001. № 6. С. 49.

² Более 4 часов в день: как россияне проводят время в цифровом пространстве // Telesputnik.ru. 2025. URL: <https://telesputnik.ru/materials/trends/news/bole-4-casov-v-den-kak-rossiyane-provodyat-vremya-v-cifrovom-prostranstve?ysclid=mrndl13le387951807> (дата обращения: 17.11.2025).

³ Simon H. A. Designing Organizations for an Informations, and the Public Interest / ed. By M. Greenberger. Baltimore: Johns Hopkins University Prwss, 1971. Pp. 40–41.

эмоциональные реакции – страх, гнев, шок, возмущение. Именно такие эмоции сопровождают деструктивный и криминальный контент¹.

Платформы экономически заинтересованы в продвижении контента, который вызывает сильную эмоциональную реакцию; создатели контента целенаправленно производят все более эпатажный и шокирующий контент; аудитория, потребляя контент, постепенно адаптируется к нему, и для получения прежнего уровня эмоционального отклика требуется все более жесткий контент. Экономическая логика новых медиа объективно стимулирует производство и распространение девиантного контента².

Важным следствием развития новых медиа и их интерактивной природы стало ключевое изменение роли аудитории, которая трансформировалась из пассивного потребителя в активного участника коммуникационного процесса, что привело к возникновению таких феноменов, как гражданская журналистика, блогинг и стриминг.

Гражданские журналисты (с меньшей аудиторией) часто мотивируются идеей распространения социально значимой информации, получая взамен признание и популярность, что позволяет характеризовать данную деятельность как независимую публицистику. Гражданская журналистика как общественно ориентированная или демократичная журналистика определяется активностью рядовых пользователей в процессе собирания, оценки и распространения новостей и отличается от профессиональной журналистики.

Правовой статус блогерской деятельности в России претерпел значительную эволюцию. Важным этапом стало введение с 1 ноября 2024 г. механизма обязательной регистрации для владельцев персональных страниц и каналов с аудиторией свыше 10 тысяч подписчиков, что было нацелено на деанонимизацию ключевых инфлюенсеров и повышение доверия

¹ *Брайт Дж.* Алгоритмы и дезинформация // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 3. С. 57.

² *Овчинский В. С.* Криминология цифрового мира. М. : Норма, 2019. С. 114.

к информационным источникам¹. Дальнейшее развитие получило законодательное закрепление блогинга как профессиональной деятельности: с 1 мая 2025 г. зарегистрированные контент-мейкеры получили собственные коды ОКВЭД, что позволило им легитимно заниматься распространением информации в качестве основного вида экономической активности².

Масштаб применения новых правил иллюстрирует официальная статистика: по данным на 1 июля 2025 г., Роскомнадзор рассмотрел более 264 тысяч заявлений и включил в соответствующий перечень 149 тысяч персональных страниц. Для прошедших регистрацию были установлены как преимущества (защита от страниц-двойников, автоматическая маркировка «А+» в крупных социальных сетях), так и дополнительные обязанности и ограничения, включая прямой запрет на распространение рекламы и сбор пожертвований для незарегистрированных страниц³.

Блогинг трансформировался в значимый канал производства и распространения информации, осуществляемый непосредственно пользователями. Как отмечает И. Б. Александрова, блоги, играя роль уникального информационного ресурса, передают новостные сообщения наравне с традиционными статьями, написанными профессионалами⁴. Отличаясь активным взаимодействием с читателями через комментарии, лайки, репосты и предоставляя платформу для обмена мнениями, блогосфера осуществляет значительное воздействие на восприятие информации аудиторией, формируя альтернативную информационную повестку.

¹ *Регистрация блогеров*: Роскомнадзор рассмотрел более 264 тыс. заявок // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. 2025. URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74942.htm> (дата обращения: 07.07.2025).

² *Блогеры получили свой ОКВЭД* // Коммерсантъ. 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7694714> (дата обращения: 07.07.2025).

³ *С начала года Роскомнадзор заблокировал 20 миллионов опасных материалов* // Общественная служба новостей. 2025. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/s-nachala-goda-roskomnadzor-zablokiroval-20-millionov-opasnyh-materialov/> (дата обращения: 07.07.2025).

⁴ *Александрова И. Б. Моблоги и блоги: альтернативные СМИ?* // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2008. № 4. С. 73.

В отличие от блогеров, которые часто создают заранее подготовленный и отредактированный контент, стримеры работают в режиме реального времени, транслируя видео- и аудиопоток без монтажа. Их деятельность строится на прямой, синхронной коммуникации с аудиторией, которая через чат может напрямую влиять на ход трансляции, задавать вопросы, предлагать темы и вступать в диалог. Данная импровизационная и высокоинтерактивная форма контента, часто связанная с онлайн-комментариями (live-комментариями) видеоигр, творческих процессов или просто общением, создает эффект личного присутствия и участия, формируя устойчивые сообщества вокруг медийной личности. Экономическая модель стриминга, основанная на добровольных донатах (пожертвованиях) зрителей, спонсорстве и рекламе, превратила его в профессиональную деятельность, требующую специфических навыков самопрезентации, модерации и удержания внимания аудитории в режиме нон-стоп.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Традиционное определение СМИ не охватывает современные цифровые реалии, что обуславливает необходимость использования понятия «новые медиа», под которыми в настоящем исследовании понимаются цифровые платформы и сервисы, функционирующие в интерактивном режиме, обеспечивающие двустороннюю коммуникацию и характеризующиеся быстрым распространением информации.

Классические функции СМИ в цифровой среде претерпевают качественную трансформацию: коммуникация становится сетевой и диалоговой, организаторская функция реализуется через алгоритмы, идеологическое воздействие становится гипертаргетированным, а рекреативная функция приобретает интерактивный характер. Механизмы медиавлияния становятся более сложными и адресными, создавая новые условия для криминогенного воздействия.

В работе предложена авторская типология новых медиа по следующим критериям: канал распространения (социальные сети, мессенджеры, видеохо-

стинги, интернет-СМИ, стриминговые платформы), тип автора (журналист, блогер, контент-мейкер, стример), характер интерактивности (однаправленные и диалоговые) и таргетирования (массовые, нишевые).

§ 2. Криминологические исследования средств массовой информации

Средства массовой информации утвердились в качестве мощного фактора конструирования социальной реальности, оказывая комплексное влияние на общественное мнение, восприятие криминальных проблем, формирование страхов и стигматизацию отдельных социальных групп¹. Культурологический подход в криминологии позволяет рассматривать СМИ как артефакты массовой культуры, обладающие криминогенным потенциалом². При этом их роль является амбивалентной: с одной стороны, СМИ выполняют просветительскую и профилактическую функцию, информируя население и способствуя укреплению правосознания; с другой – они могут выступать катализатором криминогенных процессов, потенциально воздействуя на реальное преступное поведение через механизмы культивации, подражания и нормализации насилия³. Данное социальное явление двойственности медиавоздействия, особенно обострившееся в эпоху цифровой трансформации, требует детального криминологического осмысления и формирования специального научного направления, сфокусированного на комплексном изучении взаимосвязи медиасреды и преступности.

Д. А. Шестаков обосновал выделение криминологии массовых коммуникаций в качестве самостоятельной отрасли криминологического знания,

¹ *Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии* / под ред. Д. А. Шестакова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 129.

² Бибик О.Н. Культурологический подход в криминологии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 3. С. 180.

³ Coleman L. The Copycat Effect: How the Media and Popular Culture Trigger the Mayhem in Tomorrow's Headlines. New York: Simon & Schuster, 2004. 320 p.

определил ее место в системе частных криминологических теорий и очертил предметное поле, сопряженное с изучением закономерностей взаимосвязи массовых коммуникаций и преступности¹. Г. Н. Горшенков охарактеризовал данное направление как частную криминологическую теорию, изучающую знания о природе и закономерностях преступности в сфере обращения средств массовой информации, возможностях профилактического воздействия на нее и применения методов массовых коммуникаций для оптимизации функционирования системы противодействия преступности².

А. И. Долгова, в отличие от подхода, фокусирующегося на массмедиа как на средстве манипуляции или пропаганды, исследовала их в качестве фактора, продуцирующего конкретные виды преступности. К числу условий, способствующих росту агрессии, относится пропаганда насилия средствами массовой информации, смакование в них деталей, создающее впечатление о распространенности и непобедимости преступного насилия, делающее его привлекательным для желающих самоутверждения субъектов³. СМИ могут использоваться криминальными структурами для лоббирования собственных интересов и формирования выгодного им общественного мнения⁴.

С точки зрения М. П. Клеймёнова, массовая культура, создаваемая профессионалами и тиражируемая СМИ в целях извлечения прибыли, неизбежно внедряет в общественное сознание деструктивные модели поведения, размывая границы между нормой и девиацией⁵. Данный взгляд создает прочный теоретический фундамент для анализа современных цифровых плат-

¹ Шестаков Д. А. Криминология массовых коммуникаций – формирующаяся научная отрасль // Преступность и культура общества : сборник научных трудов / под ред. А. И. Долговой. М. : Криминологическая ассоциация, 1998. С. 55.

² Горшенков Г. Н. Криминология массовых коммуникаций : научно-учебное издание. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2003. 331 с.

³ Долгова А. И. Криминология : учебник / Криминологическая ассоциация. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2020. С. 517.

⁴ Там же. С. 581.

⁵ Клеймёнов М. П. Криминализация общества в России: культурологический аспект // Преступность и культура : сборник научных трудов / под ред. А. И. Долговой. М. : Криминологическая ассоциация, 1999. С. 28.

форм, где коммерческая логика напрямую стимулирует производство девиантного контента.

В. А. Номоконов, рассматривая взаимосвязь коррупции и организованной преступности, констатирует смыкание пораженной коррупцией части чиновников с преступным миром для целенаправленного разложения и подчинения органов государства, обеспечивающих безопасность общества. По мнению ученого, инструментом реализации указанных целей выступают средства массовой информации¹. Таким образом, медиа приобретают статус не только фактора криминогенной среды, но и инструмента организованной преступности. СМИ рассматривают также как субъект антикриминогенного воздействия, указывая на необходимость их включения в антикоррупционную пропаганду и требуя больше аналитических материалов и меньше погоны за «жареными» фактами².

Формирование криминологии СМИ как самостоятельного научного направления стало результатом системных исследований ученых, работы которых охватили ключевые аспекты данной проблематики:

- комплексный характер воздействия СМИ на преступность и вопросы правовой грамотности работников медиасферы (В. В. Боровикова)³;
- определение и классификация понятия «медиаанасилие» (П. С. Булатецкий)⁴;
- криминогенное использование СМИ в интересах организованной преступности и коррупции, мотивационные установки журналистов и кри-

¹ Номоконов В. А. Организованная преступность на Дальнем Востоке: тенденции и особенности развития за 20 лет : монография. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2013. С. 6.

² Номоконов В. А., Гилевская М. А. Коррупция в России и перспективы борьбы с ней // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 1. С. 185.

³ Боровикова В. В. К вопросу о влиянии средств массовой информации на преступность // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 180.

⁴ Булатецкий П. С. Влияние средств массовой информации на насильственную преступность: криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 187 с.

минологическая характеристика представителей медиасреды (Ю. И. Гололобова)¹;

– двойственный характер использования информации в криминальных целях: информация одновременно выступает средством совершения преступления и предметом преступного посягательства (Ю. Н. Климова)²;

– криминогенные характеристики деятельности СМИ: искажение информации о преступности, пропаганда методов совершения преступлений, формирование негативного образа правоохранительных органов (Е. М. Юцкова)³;

– криминологические и судебно-экспертные подходы к анализу публикаций СМИ, стимулирующих антиобщественное поведение, с акцентом на выявление медиатриггеров (Н. Ф. Бодров, А. А. Токарев)⁴;

– систематизация направлений использования СМИ в профилактике правонарушений, включая правовое воспитание и формирование атмосферы нетерпимости к нарушениям закона (Ф. К. Рябыкин)⁵;

– В. Т. Томин и Г. М. Ярош внесли существенный вклад в разработку практических аспектов взаимодействия правоохранительных органов и средств массовой информации. В. Т. Томин акцентировал внимание на огромном побудительном потенциале СМИ, способном мотивировать аудиторию на активное участие в устранении криминогенных факторов⁶. Г. М. Ярош развил идею в прикладном ключе – каждое медийное сообщение

¹ Гололобова Ю. И. Средства массовой информации и преступность: Криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 161 с.

² Климова Ю. Н. Преступность и массовая коммуникация в период предвыборной агитации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 18.

³ Юцкова Е. М. Средства массовой информации глазами криминолога. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2000. С. 8–9.

⁴ Бодров Н. Ф., Токарев А. Л. Криминологический и судебно-экспертный подходы к изучению публикаций СМИ, стимулирующих антиобщественное поведение // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 219.

⁵ Рябыкин Ф. К. Организация применения средств массовой информации в профилактике правонарушений : учебное пособие / под ред. Г. А. Аванесова. М. : РИО Академии МВД СССР, 1980. С. 12–18.

⁶ Томин В. Т. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью : учебное пособие. Горький : Изд-во Горьковской высшей школы МВД СССР, 1976. С. 10–26.

должно быть целевым, то есть учитывать не только общие социальные закономерности и криминологические тенденции, но и специфику оперативной обстановки в конкретном регионе¹.

В зарубежном научном дискурсе сходная проблематика нашла отражение в концепции новостной криминологии, разработанной Г. Бараком. С точки зрения ученого, новостная криминология представляет собой сознательную деятельность криминологов, направленную, с одной стороны, на изучение репрезентации преступности и уголовного правосудия в СМИ, а с другой – на активное взаимодействие с медиа для формирования более адекватного и достойного освещения соответствующих материалов².

Ключевой критический тезис Г. Барака заключается в том, что средства массовой информации часто репрезентируют преступность в одномерном и искаженном формате. В погоне за рейтингами и прибылью медиа фокусируются на самых сенсационных и интересных событиях, что приводит к гиперболлизации отдельных видов преступлений (таких как насильственные или сексуальные) и игнорированию других, нередко более распространенных социальных проблем. Это создает у аудитории искаженную картину криминальной реальности, не соответствующую статистическим данным³.

Еще одна проблема, на которую указывает Г. Барак, – отсутствие надлежащего уровня экспертизы в медийном освещении вопросов преступности и правосудия. В отличие от программ на экономические или политические темы, куда регулярно приглашаются профильные специалисты, криминологические передачи часто испытывают дефицит в квалифицированных ученых-криминологах. В результате публичный дискурс формируется журналистами, политиками и другими непрофессионалами, что способствует распространению стереотипов и мифов о преступности. Новостная криминология, таким образом, призвана преодолеть этот разрыв, обеспечив прямое

¹ Ярош Г. М. Печать как средство правового воспитания в целях предупреждения правонарушений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. С. 4–5.

² Barak, G. Newsmaking criminology: Reflections of the media, intellectuals, and crime // Justice Quarterly. 1988. Vol. 5, No. 4. P. 570.

³ Ibid. P. 570.

участие ученых-криминологов в создании медиаконтента для просвещения общественности и коррекции сложившихся деформаций в восприятии¹.

Параллельно с развитием новостной криминологии в зарубежной науке сформировалось направление киберкриминологии, которое фокусируется на изучении преступности в цифровой среде, включая криминогенную роль онлайн-платформ². Исследования в данной области подчеркивают, что свойства интернета (глобальность, анонимность, скорость) создают криминогенную возможность для традиционных преступлений и порождают новые, сугубо кибернетические формы девиантного поведения³.

Эволюция медиасреды и ее стремительная цифровизация закономерно обусловили тесную связь криминологии средств массовой информации с другим активно развивающимся направлением – киберкриминологией. Если криминология традиционных СМИ формировалась на контенте и его воздействии в условиях относительно централизованной и однонаправленной модели коммуникации, то киберкриминология исследует преступность в принципиально новой, децентрализованной и интерактивной цифровой среде. Предметы данных направлений пересекаются, когда идет речь о криминогенном потенциале новых медиа: социальных сетей, мессенджеров, стриминговых платформ. Киберкриминология анализирует технологические основы цифровых платформ, которые структурно детерминируют новые формы и масштабы криминогенного воздействия.

Современное исследование криминогенности медиа не может быть полноценным без учета киберкриминологического подхода, который позволяет перейти от анализа контента к анализу криминогенных возможностей, встроенных в саму структуру цифровых систем.

Платформы построены на максимальном удержании внимания ради извлечения прибыли, они стимулируют производство и распространение де-

¹ Barak G. Doing newsmaking criminology from within the academy // *Theoretical Criminology*. 2007. Vol. 11, No. 2. P. 194.

² Jaishankar K. *Cyber Criminology: Evolution, Contribution and Impact*. P. 10.

³ Jaishankar K. *Cyber Criminology: Evolving a novel discipline with a new journal*. P. 4.

структивного контента, так как именно антисоциальная информация вызывает сильную эмоциональную реакцию. Насилие, жестокость, унижение человеческого достоинства превращаются в товар, а аудитория в заказчика. Криминогенность, следовательно, не является случайным побочным эффектом цифровизации, а заложена в экономической логике новых медиа.

Подход киберкриминологии предоставляет необходимый аппарат для анализа технологических основ цифровых платформ, которые структурно детерминируют новые формы и масштабы криминогенного воздействия. Современное исследование криминогенности медиа интегрирует подходы как криминологии СМИ, так и киберкриминологии, что позволяет сформулировать целостное представление о предмете криминологии средств массовой информации.

Криминология средств массовой информации представляет собой специальную отрасль криминологического знания, изучающую природу, закономерности, формы и последствия взаимосвязи средств массовой информации и преступности.

Криминологическое исследование средств массовой информации представляет собой комплексную деятельность, которая выстраивается вокруг нескольких ключевых направлений, раскрывающих многогранность взаимодействия медиасреды и преступности:

1. СМИ в системе причин и условий преступности. Проблема причин и условий преступности является центральной в криминологии¹. Средства массовой информации выступают значимым элементом этой системы, выполняя функцию социального моделирования. Они не просто информируют о преступлениях, но и активно конструируют символическую реальность, в которой формируются искаженные представления о социальных нормах, правовых границах и допустимых моделях поведения. Через постоянную циркуляцию тем насилия, криминальных субкультур и образов успешных

¹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Изд-во Московского университета, 1984. С. 3.

преступников СМИ опосредованно формируют криминогенные мотивы и установки, создавая благоприятный интеллектуально-психологический климат для совершения преступлений.

2. Влияние СМИ на личность преступника. Являясь, по определению Э. Гидденса, одним из важнейших агентов социализации, средства массовой информации оказывают существенное влияние на формирование социально значимых черт личности¹. Как подчеркивает С. М. Иншаков, исследуя личностные детерминанты, можно проанализировать объективные факторы преступности². Медиаканалы поставляют готовые поведенческие сценарии, ценностные ориентации и модели разрешения конфликтов, которые усваиваются индивидом. В зависимости от содержания контента, это влияние может иметь как антикриминогенную направленность, так и криминогенную (способствуя усвоению девиантных норм и криминальной идеологии), тем самым определяя траекторию социализации личности.

3. СМИ как инструмент совершения преступлений. Как отмечает Ю. И. Гололобова, тенденции использования СМИ в преступных целях требуют анализа в рамках изучения механизмов преступного поведения³. Данное направление изучает, как цифровые платформы (социальные сети, мессенджеры, форумы) используются для организации преступной деятельности, вербовки в преступные и террористические сообщества, шантажа, кибербуллинга, распространения запрещенной информации, а также совершения иных уголовно наказуемых деяний⁴. Таким образом, коммуникационные процессы активно интегрируются в криминальные практики.

4. СМИ как инструмент борьбы с преступностью. Конечной целью любого исследования является разработка рекомендаций по снижению уровня преступности – СМИ играют в этом процессе ключевую роль⁵. Данное

¹ Гидденс Э. Социология / пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов ; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Иосилевича. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 420.

² Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. С. 36.

³ Гололобова Ю. И. Указ. соч. С. 57.

⁴ Боровикова В. В. Указ. соч. С. 179.

⁵ Гололобова Ю. И. Указ. соч. С. 145.

направление рассматривает медиа как инструмент профилактики, правового просвещения и формирования общественного мнения, нетерпимого к преступлениям. Через агитационно-пропагандистскую деятельность, трансляцию позитивных социальных норм и освещение позитивных результатов работы правоохранительных органов СМИ могут способствовать оптимизации функционирования всей системы противодействия преступности.

Существенный вклад в понимание деструктивного потенциала СМИ вносит девиантологический подход, разработанный Я. И. Гилинским. Средства массовой информации не просто отражают криминальные реалии, но активно участвуют в конструировании девиантности: массмедиа определяют, что считать нормой, а что отклонением, нередко драматизируя и романтизируя противоправное поведение, особенно в погоне за аудиторией¹. Данный ракурс акцентирует внимание на социально конструируемой природе криминальных образов, что особенно значимо при анализе новых медиа, где стирается грань между производителем и потребителем контента.

В рамках криминологии массовых коммуникаций выделяется самостоятельный объект изучения – преступность в сфере массовой информации. Г. Н. Горшенков определяет ее как совокупность общественно опасных деяний, совершаемых с использованием средств массовой коммуникации либо в отношении них². При этом он выделяет две группы преступлений. Первая группа – преступления, совершаемые с использованием СМИ, где медиа выступают инструментом (средством) преступления (клевета, нарушение неприкосновенности частной жизни, экстремистские призывы, мошенничество в сети)³. Вторая группа – преступления против СМИ, где медиа или их представители являются объектом посягательства (воспрепятствование дея-

¹ *Гилинский Я. И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 413.

² *Горшенков Г. Н.* Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию (региональный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Горшенков Геннадий Николаевич. Нижний Новгород, 1997. С. 160-161, 196-199.

³ *Горшенков Г.Н.* Указ. соч. С. 196-199.

тельности журналистов, посягательства на их жизнь)¹. В современных условиях предлагается выделить третью, гибридную группу, где медиа выступают одновременно средой, инструментом и объектом криминогенного воздействия (треш-стриминг, алгоритмическое продвижение деструктивного контента, координация преступной деятельности через платформы).

Вопрос о месте СМИ в системе детерминации преступности является дискуссионным. В криминологической теории под причиной преступности понимается совокупность явлений и процессов, которые порождают преступность как закономерное следствие, а под условиями – те обстоятельства, которые способствуют реализации причин, облегчают их действие².

Большинство исследователей сходятся во мнении, что СМИ не являются непосредственной причиной преступности. Как отмечает В. А. Туляков, отсутствуют доказательства прямой причинно-следственной связи между потреблением медиаконтента и совершением преступления. Влияние СМИ всегда опосредовано иными социальными и психологическими факторами³.

Вместе с тем СМИ выступают как системное криминогенное условие. Г. Н. Горшенков подчеркивает, что массовая коммуникация создает криминогенную ситуацию и формирует благоприятный интеллектуально-психологический климат для совершения преступлений⁴. А. И. Долгова относит к числу условий, способствующих агрессии, пропаганду насилия в СМИ⁵. М. П. Клеймёнов указывает, что массовая культура, транслируемая СМИ, внедряет деструктивные модели поведения, размывая границы между нормой и девиацией⁶. А. В. Майоров связывает криминогенное влияние информационной среды с отсутствием адекватной информационной политики государ-

¹ Там же. С. 160-161.

² Клеймёнов М. П. Криминология : учебник. М. : Норма, 2018. С. 12–14.

³ Туляков В. А. Виктимология: социальные и криминологические проблемы : монография. Одесса : Юрид. лит., 2000. С. 134.

⁴ Горшенков Г. Н. Указ. соч. С. 89–92.

⁵ Долгова А. И. Криминология : учебник / Криминологическая ассоциация. 4-е изд. М. : Норма, 2020. С. 412–415.

⁶ Клеймёнов М. П. Криминализация общества в России: культурологический аспект // Преступность и культура : сборник научных трудов / под ред. А. И. Долговой. М. : Криминологическая ассоциация, 1999. С. 24–31.

ства, подчеркивая, что направленность и степень такого влияния на обыденное сознание людей приобретает особое значение¹.

В ряде случаев медиа могут выступать как опосредованная причина. Феномен синдрома копированных преступлений, исследованный Л. Коулменом и Д. Филлипсом, демонстрирует, что сенсационное освещение преступления может провоцировать совершение аналогичных деяний, выступая триггером для лиц с антиобщественной установкой². Распространение фейков также может стать непосредственным спусковым крючком для массовых беспорядков.

Таким образом, в детерминации преступности СМИ занимают двойственное положение: на макроуровне – системное условие, на микроуровне – опосредованная причина (триггер).

Ключевым аспектом криминологии СМИ выступают выявление и анализ конкретных механизмов, посредством которых медиасреда оказывает деструктивное влияние на индивидуальное и массовое сознание, провоцируя девиантное поведение. Данные механизмы можно систематизировать в несколько ключевых групп.

К основным криминогенным механизмам медиавоздействия относятся:

1. Культивация искаженной картины мира. Интенсивное потребление контента, в котором акцентируется тема насилия и преступности, формирует у аудитории искаженные представления о распространенности девиаций. Как следствие, возникает завышенная оценка личных рисков стать жертвой преступления и появляется общая атмосфера недоверия в обществе³.
2. Одобрение и романтизация девиантного поведения. Массовая культура через медиаканалы часто способствует оправданию и даже героиза-

¹ Майоров А. В. Информационная среда как фактор, детерминирующий процессы криминализации и виктимизации в современном обществе // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 1(11). С. 72.

² Coleman L. The Copycat Effect: How the Media and Popular Culture Trigger the Mayhem in Tomorrow's Headlines. New York: Simon & Schuster, 2004. P. 57.

³ Нежинская Л. А., Шутилов В. П. К дискуссии в буржуазной криминологии о криминогенности средств массовой информации // Вопросы борьбы с преступностью. 1973. Вып. 18. С. 137.

ции отклоняющихся поступков. Формируется архетип благородного преступника, что ведет к эрозии моральных ценностей и криминализации сознания, когда противоправные действия начинают восприниматься как допустимая стратегия успеха¹.

3. Эффект подражания (синдром копированных преступлений). Сенсационное освещение конкретных преступлений может инспирировать совершение аналогичных актов. Данная тенденция, детализированная Л. Колманом, включает:

- обретение известности: преступник, чье деяние широко освещается, получает сомнительную славу, что может мотивировать других на подобные действия для привлечения внимания;
- предоставление инструкции: детализированное описание способа совершения преступления предоставляет уязвимым индивидам готовый сценарий для реализации;
- гарантии медиаэффекта: широкий общественный резонанс создает у потенциального преступника ощущение значимости и гарантированности внимания к его действиям².

Дополнительно можно отметить эффект Вертера. Эмпирические исследования Д. Филлипса продемонстрировали существование эффекта Вертера – статистически значимого роста числа самоубийств в популяции в течение 7–10 дней после публикации в СМИ информации о суициде³. Данный феномен подтверждает подражательное воздействие медиа на суицидальное поведение, особенно среди уязвимых групп населения.

Представленные механизмы раскрывают различные аспекты взаимодействия медиасреды и индивида, которые всегда представляют собой ре-

¹ Клеймёнов М. П. Криминализация общества в России: культурологический аспект. С. 25.

² Coleman L. Op. cit. P. 57.

³ Philips D. P., Lesnya K., Paight D. J. Suicide and the media // Assessment and Prediction of Suicide / ed. By R. W. Maris et al. New York: Guilford Press, 1992. P. 510.

зультат столкновения личностной предрасположенности и внешней ситуации, формируемой в том числе и медиатриггерами¹.

В условиях новых медиа классические механизмы криминогенного воздействия многократно усиливаются и модифицируются.

Теория социального научения А. Бандуры в цифровом контексте получает новое звучание: если традиционные СМИ демонстрировали модели поведения, то новые медиа в формате интерактивности обеспечивают не просто наблюдение, но и опосредованное подкрепление. Зритель видит, как девиантные действия (стримера, блогера) немедленно поощряются денежными донатами (позитивное подкрепление) со стороны сотен других пользователей, и это создает мощный сигнал о социальной приемлемости и выгоды противоправного поведения.

Ключевую роль играет феномен «алгоритмического пузыря» – алгоритмы рекомендаций социальных сетей, настроенные на максимальную вовлеченность, целенаправленно погружают пользователя в информационную среду, где деструктивный контент постепенно становится нормой². Происходит одобрение через повторение: постоянная рекомендация контента, связанного с криминальными субкультурами или насилием, приводит к десенсибилизации и стиранию моральных границ, подготавливая почву для усвоения девиантных установок.

Новые медиа создают совершенную среду для криминогенного воздействия, комбинируя мощь социального подкрепления и целенаправленное сужение информационного поля до деструктивного контента.

В условиях современного информационного общества криминогенный потенциал средств массовой информации приобретает новое измерение. Цифровая революция не просто изменила способы передачи информации – она создала принципиально новую среду, где деструктивное влияние медиа

¹ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М. : ТК Велби; Проспект, 2007. С. 140.

² Паризер Э. За стеной фильтров: что Интернет скрывает от вас? / пер. с англ. М. А. Смирновой. М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. С. 35.

многократно усиливается. Данный скачок сопряжен с несколькими взаимосвязанными процессами.

Прежде всего, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий создало беспрецедентные возможности для распространения потенциально опасного контента. Если раньше распространение вредоносной информации сдерживалось техническими и географическими барьерами, то сегодня любой контент может мгновенно достичь многомиллионной аудитории.

Парадоксальным образом инструмент демократии (свобода слова) превратился в оружие манипуляции. Под прикрытием демократических ценностей в медиапространстве процветают откровенные злоупотребления: целенаправленная дезинформация, разжигание социальной ненависти, сенсационализм, попирающий этические нормы журналистики. Информационное пространство становится ареной для ведения новых, гибридных войн.

Наиболее тревожной тенденцией стала системная криминализация цифровой среды. Виртуальное пространство превратилось в рассадник киберпреступности, платформу для вербовки в террористические организации, канал распространения деструктивных идеологий¹. Опасная информация, которая ранее была достоянием маргинальных групп, теперь доступна любому пользователю, включая детей и подростков².

В своей совокупности эти факторы создают кумулятивный эффект, при котором технологические инновации, злоупотребление свободой слова и криминализация контента взаимно умножают друг друга, порождая качественно новую системную угрозу для правопорядка и общественной безопасности.

¹ Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Преступление как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. 2023. Т. 10, № 2. С. 154.

² Горшенков Г. Г. Безопасность: право, информация, личность (криминологический аспект). Казань : Новое знание, 2006. С. 61.

Цифровая среда породила не просто новые каналы для старого криминального контента, а принципиально иные риски, масштаб и природа которых требуют отдельного осмысления.

Одной из самых острых угроз стало использование социальных сетей для вербовки и идеологической обработки. Интернет, с его широким охватом и способностью таргетировать аудиторию, превратился в идеальную площадку для распространения криминальных идей. Преступные и экстремистские группы целенаправленно ориентируются на молодых людей, предлагая им искаженное чувство принадлежности и цели¹.

Еще один риск связан с кумулятивным эффектом пользовательского контента. Как отмечали У. Бек и К. Лау, особую опасность представляет вторичный информационный продукт, который генерируют сами пользователи платформ. Каждый репост, комментарий или мем может нести криминогенный заряд, который многократно усиливается по мере распространения и неизбежного искажения первоначального смысла, создавая лавинообразный и неуправляемый поток деструктивной информации².

Анонимность и доступность цифрового пространства привели к взрывному росту закрытых деструктивных сообществ. В изолированных форумах, чатах и каналах формируются устойчивые криминальные субкультуры, пропагандируются радикальные идеологии и нормы девиантного поведения. Такая информационная изоляция значительно усложняет для правоохранительных органов задачи мониторинга и противодействия этим сообществам, позволяя им развиваться в тени. Медиа при этом не просто информируют о пре-

¹ Корж П. А. Интернет как платформа развития преступности // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения) : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 24–25 марта 2022 г. / отв. ред. А. И. Долгова. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2022. С. 112.

² Beck U., Lau C. Second modernity as a research agenda: theoretical and empirical exploration in the meta-change of modern society // The British Journal of Sociology. 2005. Vol. 56, No. 4. P. 543.

ступности, но и конструируют ее образ, искажая реальные масштабы и структуру¹.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

В отечественной криминологии сформировалась специальная область знания – криминология средств массовой информации, обладающая собственным предметом и понятийным аппаратом.

В рамках криминологии СМИ выделяется преступность в сфере массовой информации, классифицируемая на деяния, совершаемые с использованием СМИ (как инструмента), и деяния, направленные против СМИ. Современные реалии порождают гибридную группу, где медиа выступают одновременно средой, инструментом и объектом криминогенного воздействия.

Место СМИ в детерминации преступности решается следующим образом: на макроуровне СМИ выступают в качестве условия преступности. На микроуровне могут выступать непосредственной причиной, запускающей механизм преступного поведения у лиц с антиобщественной установкой. В качестве основных криминогенных механизмов выделены культивация искаженной картины мира, одобрение и романтизация девиантного поведения, эффект подражания.

Сложившиеся в криминологии подходы не в полной мере учитывают специфику новых медиа, которые трансформируют традиционные механизмы криминогенного воздействия. Выявленный пробел требует перехода от изучения общих закономерностей взаимосвязи медиа и преступности к анализу конкретных механизмов и форм криминогенного воздействия новых медиа.

¹ *Номоконов В. А.* Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты : учебное пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. С. 151–176.

ГЛАВА 2. КРИМИНОГЕННОСТЬ НОВЫХ МЕДИА

§ 1. Понятие, особенности и виды криминогенного воздействия новых медиа

В современном обществе, характеризующемся тотальным доминированием цифровых коммуникаций, средства массовой информации сохраняют свою системообразующую функцию. Вместе с тем их стремительная эволюция от традиционных каналов вещания к интерактивным платформам привела к парадоксальному результату. С одной стороны, новые медиа обладают беспрецедентным позитивным потенциалом для правовой социализации, оперативного информирования, профилактики правонарушений, выступая инструментом обратной связи. С другой стороны, данная технологическая мощь и коммуникационная модель радикально трансформировали деструктивный потенциал медиасреды, породив качественно новые, масштабные и системные угрозы. Указанное противоречие обостряется сдвигом в экономических и технологических основах медиа: экономическая модель, нацеленная на максимизацию вовлеченности аудитории, вступает в конфликт с социальной ответственностью, создавая устойчивый спрос на деструктивный контент, что, в свою очередь, может отражать латентный уровень правового нигилизма и социальной фрустрации, которые новые медиа не столько порождают, сколько массово распространяют.

Как отмечает А. В. Майоров, в современных условиях основная масса противоправных деяний совершается дистанционным способом с использованием информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет¹. Данное обстоятельство подтверждает необходимость перехода от анализа традиционных СМИ к исследованию криминогенного потенциала новых ме-

¹ Майоров А. В. Виктимология цифровой преступности: концепция научного направления // Виктимология. 2024. № 1. С. 9.

диа. Таким образом, исследовательской задачей является не только констатация угроз, но и дифференцированный анализ криминогенного воздействия как специфического, усиленного цифровой средой феномена, а также поиск путей преобразования самих медиаплатформ в инструмент укрепления правопорядка.

Криминогенность (или криминогенные детерминанты) – совокупность социально негативных явлений и процессов, которые порождают и обуславливают преступность как свое следствие¹. Как отмечает М. П. Клеймёнов, криминогенность представляет собой комплекс взаимосвязанных социально-негативных экономических, демографических и иных явлений, детерминирующих преступность².

Криминогенное воздействие – это форма влияния на общественные отношения, при которой субъект (носитель воздействия), обеспечивая нормальное функционирование общества, одновременно создает для него немалую угрозу, обуславливая в конечном счете характер преступности, ее уровень, структуру, динамику, состояние, последствия, а также формируя криминогенный потенциал личности и социальных групп³.

Применительно к институту средств массовой информации под криминогенным воздействием понимается такая форма влияния на общественные отношения, при которой субъект массово-коммуникационной деятельности, обеспечивая нормальное функционирование общества, одновременно создает для него немалую угрозу, обуславливая в конечном счете характер преступности, ее уровень, структуру, динамику, состояние, последствия, а также формируя криминогенный потенциал личности и социальных групп⁴.

¹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Изд-во Московского университета, 1984. С. 11.

² Клеймёнов М. П. Криминология. 4-е изд. М. : Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 59.

³ Горшенков Г. Н. Криминологический словарь. 2-е изд., доп. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2007. С. 85.

⁴ Горшенков Г. Н. Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию (региональный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 1997. С. 204-205.

Характер криминогенного воздействия является опосредованным и вероятностным. В научном дискурсе подчеркивается, что не существует доказательств абсолютной или фатальной криминогенности СМИ. Отмечается отсутствие прямой, неизменной причинно-следственной зависимости между интенсивным потреблением негативной информации и совершением конкретного преступления. Как указывает В. А. Туляков, нет доказательств абсолютной криминогенности или антикриминогенности воздействия средств массовой информации на формирование личности преступника¹.

С. А. Шоткинов подчеркивает, что воздействие массмедиа на преступность не может быть признано прямым, не опосредованным сознанием лица, совершающего преступление. Информационное воздействие СМИ занимает место условий в процессе детерминации преступности, при этом условия, формирующие причину, воздействуют на мотивацию опосредованно – через систему личностных установок: потребностей, интересов, взглядов, убеждений². Данная мысль объясняет латентный и вероятностный характер криминогенного воздействия новых медиа. Технологическая природа такого воздействия согласуется с положением о влиянии материальной культуры на преступность, согласно которому новые технические изобретения, имея «двойное назначение», детерминируют эволюцию средств и способов совершения преступлений³.

Под криминогенным воздействием новых медиа понимается обусловленное их технологическими свойствами распространение информации, которое создает условия для формирования мотивации к совершению преступлений, облегчения их совершения и усвоение криминальной субкультуры. Такое воздействие носит латентный и массовый характер, реализуясь через стремительное распространение деструктивного контента и интерактивное

¹ Туляков В. А. Виктимология: социальные и криминологические проблемы : монография. Одесса : Юрид. лит., 2000. С. 143.

² Шоткинов С. А. К вопросу о криминогенном воздействии масс-медиа на преступность // Государство и право : теория и практика. 2016. № 2(3). С. 48–51.

³ Бибик О. Н. Материальная культура и преступность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 4 (29) С. 141.

вовлечение аудитории. Криминогенная медиасреда может быть охарактеризована как «королевство кривых зеркал» – совокупность деформаций, в которой искаженные представления о норме, успехе и допустимом поведении приобретают статус альтернативной реальности¹.

Криминогенное воздействие средств массовой информации, будучи составной частью общего комплекса условий преступности, обладает рядом специфических черт, которые в условиях доминирования новых медиа проявляются с максимальной интенсивностью. К особенностям, усиливающим общественную опасность деяния, А. И. Антипов относит: воздействие на значительное количество лиц, систематичность психологического воздействия, скорость передачи информации, анонимность, воздействие на несовершеннолетних, таргетированность и низкую критичность восприятия². Данные особенности обуславливают его повышенную опасность и сложность выявления и нейтрализации.

1. *Массовость воздействия.* Данная особенность напрямую вытекает из природы массмедиа. Как справедливо отмечает Е. Л. Вартанова, новые медиа, перенимая функции традиционных СМИ, создают качественно иную коммуникационную среду, характеризующуюся глобальным охватом и высокой интенсивностью распространения информации³. Данный тезис подтверждается статистикой: по данным Международного союза электросвязи, интернет как ключевая медиаплатформа доступен для большинства людей в мире⁴.

¹ Номоконов В. А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 254.

² Антипов А. И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022. С. 11.

³ Вартанова Е. Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ // Информационное общество. 2008. Вып. № 5–6. С. 38.

⁴ Глобальный парадокс: 5,5 миллиарда онлайн, но треть мира в цифровой тени // SecurityLab. 2024. URL: <https://www.securitylab.ru/news/554387.php.u>. (дата обращения: 20.09.2025).

Полученные в ходе анкетирования данные согласуются с представленным тезисом: подавляющее большинство респондентов (89,3 %) указывает социальные сети и мессенджеры в качестве основного источника информации, что свидетельствует о тотальном доминировании новых медиа в информационном пространстве и их глобальном охвате ключевых аудиторий (прил. 1).

2. *Латентность воздействия.* Эффективность криминогенного воздействия часто основана на его скрытости от критического осмысления аудиторией. Как отмечает Г. Шиллер, успешная манипуляция возможна только при использовании незаметных методов, когда человек не осознает происходящего¹. Латентность проявляется в том, что связь между потреблением медиапродукта и противоправным поведением носит опосредованный и отсроченный характер, реализуясь через сложные психологические механизмы, такие как суггестия и формирование криминогенных стереотипов².

Демонстрация насилия и жестокости в медиа порождает ощущение безысходности, психологической загнанности в угол, беспомощности от непрерывной угрозы криминальных посягательств, способствует развитию чувства гипертрофированного страха перед преступным миром³. Формирующийся при этом страх создает предпосылки для виктимизации личности, что усиливает латентный характер криминогенного воздействия.

3. *Алгоритмичность воздействия.* Ключевым инструментом данного механизма в новых медиа, функционирующих в интернет-среде, стали как алгоритмы, управляющие продвижением контента как рекомендательные системы платформ (TikTok, YouTube и др.), так и алгоритмы поисковых систем, формирующие информационную повестку для пользователя. Будучи

¹ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ. ; науч. ред. Я. Н. Засурский. М. : Мысль, 1980. С. 43.

² Бушев А. Б. Языковые особенности текстов, используемых в психотерапевтической коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. С. 17.

³ Кузнецова К. В., Майоров А. В. Роль средств массовой информации в виктимологической профилактике // Виктимология. 2020. № 2(24). С. 43 ; Майоров А. В. Влияет ли цифровизация на виктимизацию в современном обществе? // Виктимология. 2022. Т. 9, № 2. С. 150.

настроенными на максимальное удержание пользователя, они создают «пузыри фильтров», которые постепенно, но неумолимо погружают его в деструктивный контент. Пользователь, начав с просмотра безобидных видео, может через несколько шагов (свайпов, пролистываний) алгоритмических рекомендаций оказаться в информационной среде, где пропагандируются различные идеологии (например, «АУЕ» или «колумбайн»). Алгоритмы, не отличающие криминогенный контент от иного, целенаправленно предлагают материалы, вызывающие сильную эмоциональную реакцию (шок, возмущение, интерес), чем активно пользуются распространители деструктивных идей для вербовки новых адептов и формирования у них криминального мировоззрения. Таким образом, воздействие осуществляется не по воле случая, а становится результатом работы целенаправленной системы, эксплуатирующей психологические особенности восприятия.

Алгоритмические системы рекомендаций способствуют поэтапному вовлечению пользователя в потребление контента с повышенным деструктивным потенциалом, что может приводить к нормализации криминальных моделей поведения (как в TikTok, Instagram¹, Pinterest и др.). Пользователь, начавший с просмотра нейтрального контента, благодаря алгоритмическим рекомендациям за несколько шагов (свайпов, кликов) может быть погружен в информационный пузырь, где деструктивные идеологии, насилие или криминальная субкультура подаются как норма или привлекательный тренд.

В результате криминогенного воздействия происходит деформация правосознания. Наиболее деструктивной особенностью является прямое влияние на фундамент правопорядка – правосознание граждан. В. Н. Кудрявцев определял эту функцию СМИ как антивоспитательную, заключающуюся в подмене культуры суррогатами, пропагандой насилия, культа потребления и сексуальной распушенности². Далее происходит системный подрыв правовых

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

² Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М. : Гардарики, 2002. С. 18.

устоев, что ведет к подмене традиционных ценностей идеалами криминального мира. Последствием являются рост правового нигилизма, недоверия к правоохранительным органам и героизация образа преступника, что в совокупности создает питательную среду для преступности.

Наглядным примером системной деформации правосознания стала романтизация криминального образа жизни через сериал «Слово Пацана. Кровь на асфальте». Несмотря на заявленную создателями антикриминальную направленность, медиапродукт стал катализатором для массового интереса к криминальной субкультуре. В социальной сети ВКонтакте и Telegram-каналах были массово созданы тематические группы, где криминальные понятия и воровские традиции открыто обсуждались и преподносились как подлинный кодекс чести и справедливости, противопоставляемый лицемерным официальным законам¹. Данный пример демонстрирует, как медиапродукт может инициировать целенаправленную подмену правовых норм криминальными установками, что ведет к росту правового нигилизма и криминализации сознания подрастающего поколения, для которого граница между крутым кинообразом и реальной преступной деятельностью становится размытой.

Совокупность данных особенностей формирует качественно новый, высокоадаптивный и потому особо опасный тип криминогенного фактора, способного системно изменять ценностно-нормативную среду, что требует адекватных и комплексных мер криминологического предупреждения.

Многообразие форм и каналов трансляции криминогенного контента, обладающего выявленными выше особенностями (массовостью, латентностью, целенаправленной деформацией правосознания), обуславливает необходимость его систематизации. Информация может выступать в трех функциональных ролях: предмета посягательства, способа совершения и средства

¹ «Кровь на асфальте»: психолог рассказал о возможной связи волны агрессии подростков с новым сериалом // Комсомольская правда. 2023. URL: <https://www.tomsk.kp.ru/daily/27590/4861627/> (дата обращения: 17.10.2025).

совершения¹. В целях настоящего исследования виды криминогенного воздействия строятся на доминирующем факторе его реализации, что позволяет выделить три ключевых направления:

1. **Ценностно-нормативное воздействие.** Данный вид направлен на системный подрыв легитимных социальных норм и деформацию правосознания. Его ключевой механизм – замещение традиционных ценностей (уважение к закону, честность, неприкосновенность личности) девиантными установками. Реализуется через такие формы, как героизация и романтизация криминального образа жизни, пропаганда культа потребления, роскоши и гедонизма, дискредитация правоохранительных органов и институтов государственной власти.

Героизация и романтизация криминального образа жизни. Как отмечает А. В. Макиенко, распространение СМИ идеи могущества преступного мира способствует формированию отрицательного мнения о правоохранительных органах и порождает чувство страха и насилия². В условиях новых медиа данное воздействие приобретает форму целенаправленного конструирования криминальных субкультур. Ярким примером является популяризация идеологии «АУЕ» в молодежных пабликах и Telegram-каналах³. В данных сообществах открыто пропагандируются криминальные понятия, осуществляется сбор денег в общак и формируется устойчивое негативное отношение к государственным институтам, что ведет к стиранию границ между одобряемым и противоправным поведением⁴.

¹ *Шутова А. А.* Уголовно-правовое противодействие информационным преступлениям в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 9.

² *Макиенко А. В.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения криминогенного информационного воздействия преступных сообществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 12.

³ *Каждый* третий подросток сталкивался с АУЕ-сообществами в соцсетях // RGRU. URL: <https://rg.ru/2019/02/05/kazhdyy-tretij-podrostok-stalkivalsia-s-aue-soobshchestvami-v-socsetiah.html?ysclid=mgyqi3y147279645501> (дата обращения: 17.10.2025).

⁴ *Клеймёнов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И.* Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 17, № 4. С. 75.

По мнению Ю. М. Антоняна, следствием этого является деморализация населения и деформация духовно-нравственных ценностей, напрямую связанная с ростом корыстной и корыстно-насильственной преступности¹. В новых медиа эта пропаганда маскируется под мотивационный контент, где успех отождествляется с демонстрацией дорогих брендов, аморального образа жизни и легких денег, что формирует у аудитории социальную зависть и установку на достижение благ любыми, в том числе противоправными, способами.

Дискредитация правоохранительных органов и институтов власти. Данный вид воздействия, как подчеркивает Р. Ю. Иванова, реализуется через распространение фейковых публикаций, подрывающих доверие к правоохранительной системе и формирующих установку на ее нелегитимность². Механизм основан на эмоциональном заражении и создании негативного информационного фона, который заставляет аудиторию усомниться в справедливости и эффективности правоохранительной системы, снижая тем самым порог готовности к противоправному поведению.

2. ***Поведенческо-имитационное воздействие.*** Данный вид воздействия ориентирован на непосредственное стимулирование противоправных действий через демонстрацию и нормализацию конкретных моделей девиантного поведения. Его ключевой механизм – подражание (эффект социального научения).

Криминогенное воздействие находит документально подтвержденное воплощение в феномене смертельно опасных челленджей, таких как «чел-

¹ *Причины преступности в России : монография / Ю. М. Антонян, Е. М. Тимошина, С. В. Маликов, В. И. Шиян, И. В. Никитенко ; под ред. Ю. М. Антоняна. М. : ВНИИ МВД России, 2013. С. 267.*

² *Иванова Р. Ю. Социально-психологическое влияние фейковых публикаций, дискредитирующих органы внутренних дел Российской Федерации в период митингов 23 января 2021 года на формирование имиджа МВД России // Прикладная психология и педагогика. 2021. Т. 2, № 2. С. 233.*

лендж на потерю сознания» (Pass out challenge) в TikTok¹. Данный пример демонстрирует, как имманентные свойства платформ создают совершенную среду для массового усвоения и реализации девиантных поведенческих сценариев. Алгоритмы, настроенные на максимизацию вовлеченности, целенаправленно рекомендовали данный контент пользователям, что привело к ряду документально зарегистрированных смертельных случаев по всему миру². Это доказывает, что подражание в цифровой среде носит не случайный, а системно стимулируемый характер, а его последствия имеют прямую криминальную окраску.

Результаты анкетирования свидетельствуют о наличии поведенческо-имитационного эффекта: каждый третий респондент (33,2 %) сообщил, что ему известны случаи совершения правонарушений «на спор» или для популярности в социальных сетях. Указанный факт свидетельствует о том, что он согласуется с моделью «синдрома копированных действий» (прил. 1).

Демонстрация жестокости и насилия. М. Андрианов отмечает, что последствием длительной трансляции насилия являются повышение агрессивности поведения, снижение порога чувствительности к агрессии и формирование виктимного поведения у аудитории. Перечисленное может выступать в качестве мотивации преступного поведения³. В новых медиа этот механизм радикализуется в формате треш-стримов, где стримеры в реальном времени совершают опасные и унижительные действия за денежные вознаграждения от зрителей (донаты). Прямые трансляции с демонстрацией зацепинга, паркура на крышах многоэтажек или опасных квестов служат готовым сценарием для подражания подростков, что нередко приводит к тра-

¹ *Teens warned not to try TikTok 'Pass Out' challenge that 'can result in death'* // Mirror. URL: <https://www.mirror.co.uk/tech/teens-warned-not-try-tiktok-21466792> (дата обращения: 10.12.2025).

² *Смертельный челлендж: 10-летняя девочка умерла, пытаясь повторить испытание из Tik-Tok* // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27230.5/4356467/> (дата обращения: 10.12.2025).

³ *Андрианов М.* Злоупотребление свободой массовой информации при освещении проблем преступности // Уголовное право. 1999. № 2. С. 89.

гическим последствиям¹. Механизм основан на эффекте размытой ответственности (насилие происходит в шуточной форме и по запросу аудитории) и сиюминутном вознаграждении (донаты, лайки), что делает противоправную модель поведения привлекательной.

Информирование о методах и способах совершения преступлений. Как указывают И. Л. Хромов и К. И. Озеров, подробное освещение в СМИ схем мошенничества (например, схемы финансовых пирамид) может служить практическим пособием для лиц, склонных к совершению преступлений². В цифровую эпоху данный процесс приобрел характер краудсорсинга криминальных знаний. В закрытых чатах, форумах и Telegram-каналах пользователи активно обмениваются опытом, инструкциями по совершению киберпреступлений, взлому аккаунтов, организации нелегального бизнеса и уклонению от ответственности. Механизм реализуется через прямую передачу информации, необходимой для совершения преступления.

3. ***Информационно-манипулятивное воздействие.*** Данный вид предполагает целенаправленное искажение информационного поля для провокации социальной напряженности и дестабилизации обстановки. Его ключевой механизм – создание альтернативной, враждебной реальности, в которой противоправные действия представляются оправданными или вынужденными.

Ярким примером реализации данного механизма в новых медиа является деятельность платформы Telegram-каналов «Что делать?» в 2021 г. Администраторы канала целенаправленно создавали и тиражировали нарратив о тотальной фальсификации результатов выборов и жестокости правоохранительных органов, формируя у аудитории искаженную картину «нелегитим-

¹ Боровикова В. В. К вопросу о влиянии средств массовой информации на преступность // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 180.

² Хромов И. Л., Озеров К. И. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (оперативно-розыскная деятельность, криминологический анализ, противодействие) : монография. М. : Юриспруденция, 2024. С. 128.

ной» власти и «борьбы с репрессиями»¹. Уголовно-правовая оценка указанной деятельности дана в приговоре Бутырского районного суда г. Москвы, согласно которому организаторы и администраторы Telegram-каналов и чатов «Что делать?» были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1¹ ст. 212 УК РФ (склонение к массовым беспорядкам) и п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенное в составе организованной группы). Суд установил, что подсудимые использовали платформу для агитационной деятельности и оперативной координации участников в целях организации массовых беспорядков в период выборов в Государственную Думу РФ в 2021 г. В результате 11 человек (включая организаторов и активных участников) были осуждены на сроки от 5 до 8 лет лишения свободы за совершение преступлений экстремистской направленности в составе организованной группы².

Дезинформация (фейковые новости) и фальсификация фактов. Как установил ВЦИОМ, массив наиболее ложных новостей касается тем, непосредственно связанных с безопасностью и общественным порядком³. А. А. Шунейко и И. А. Авдеенко определяют дезинформацию как умышленное распространение ложных сведений, выступающее активным катализатором криминальных процессов⁴. Механизм воздействия основан на подрыве базового доверия к институтам и объективной реальности. Когда официаль-

¹ *Фигуранты* дела телеграм-канала «Что-делать?» получили до 8 лет колонии // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/04/2024/660fe52b9a79472985cd4f42?ysclid=miwzhpgr5g868414194> (дата обращения: 10.12.2025).

² *Приговор* Бутырского районного суда г. Москвы от 5 апреля 2024 г. по делу № 01-0010/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/butyriskij/services/cases/criminal/details/0ca7a240-716d-11ed-8c78-93e49a6cbaa8?hearingRangeDateFrom=05.04.2024&formType=fullForm> (дата обращения: 10.12.2025).

³ *Фейк-ньюс – и как с ними бороться?* // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 16.09.2025).

⁴ *Шунейко А. А., Авдеенко И. А. Информационная безопасность человека : учебное пособие для вузов.* М. : ВЛАДОС, 2018. С. 35.

ные источники информации дискредитированы, аудитория становится восприимчивой к призывам или самосуду, что может вылиться в массовые беспорядки или иные преступления.

Качественное развитие информационно-манипулятивных техник связано с внедрением технологий искусственного интеллекта, в частности дипфейков (сгенерированного видео или аудио, создаваемого с использованием нейросетей). Искусственный интеллект кардинально трансформирует инструментарий социальной инженерии: гиперреалистичный контент позволяет осуществлять практически незаметную подмену личности, обходить системы аутентификации и получать доступ к конфиденциальной информации¹. Дипфейки создают новые риски виктимизации, одновременно подрывая достоверность к визуальным источникам информации².

Создание атмосферы страха и социальной вражды. А. А. Токарев относит к последствиям криминогенного воздействия нагнетания атмосферы страха снижение толерантности общества, разобщение людей и разжигание социальной вражды, что создает благоприятную среду для массовых беспорядков и преступлений из ненависти³. Механизм реализуется через постоянное тиражирование негативного контента, направленного против определенных социальных, этнических или религиозных групп, а также через катастрофизацию событий (экономических, политических, эпидемиологических), – это ведет к маргинализации и радикализации части общества, которая начинает воспринимать насилие как допустимый инструмент защиты или восстановления справедливости.

Предложенная классификация демонстрирует, что криминогенное воздействие СМИ реализуется не единым способом, а через совокупность взаимодействующих факторов. Ценностно-нормативное воздействие подрывает

¹ Bermúdez-Bermúdez Y. A. Deepfakes and artificial intelligence in social engineering: Emerging threats in 21st-century cyberfraud // IUSTA. 2025. № 63. Pp. 54–71.

² Xie Y. Seeing is no longer believing: a study of Deep Fake identification ability and its social impact // Advances in Engineering Innovation. 2025. Pp. 28–40.

³ Токарев А. А. Роль средств массовой информации в предупреждении преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 21.

правосознание и деформирует ценностные ориентиры, поведенческо-имитационное – предоставляет конкретные инструменты и сценарии для преступных действий, информационно-манипулятивное – формирует социальный контекст, в котором эти действия воспринимаются как оправданные.

В целях верификации теоретических положений о характере криминогенного воздействия был проведен количественный и качественный контент-анализ в трех крупнейших интернет-СМИ г. Омска: «СуперОмск», «NGS55» и «БК55». Выбор данных изданий обусловлен их доминирующим положением в региональном медиaprостранстве и репрезентативностью для решения поставленной задачи.

«СуперОмск» и «NGS55» стабильно входят в топ-3 самых цитируемых СМИ Омской области и имеют наибольший охват аудитории среди интернет-ресурсов, что позволяет им формировать повестку дня для значительной части населения. «БК55» выступает в качестве значимого игрока, ориентированного на общественно-политическую и деловую аудиторию, что дополняет картину. Выбор именно этих трех ресурсов позволяет охватить разнородные сегменты аудитории и сравнить различные редакционные стратегии, не претендуя при этом на исчерпывающее статистическое описание всего регионального медиаландшафта.

Количественные показатели (прил. 2, табл. 2.3) демонстрируют существенную разницу в значимости криминальной темы для изданий. Удельный вес криминального контента в общем новостном потоке составил:

- «СуперОмск» – 17,7 % (168 из 948 публикаций);
- «NGS55» – 11,0 % (172 из 1563 публикаций);
- «БК55» – 7,9 % (70 из 886 публикаций).

Данные показатели – первый индикатор криминогенного потенциала. Высокая доля криминального контента в интернет-СМИ «СуперОмск» (17,7 %) при относительно низком показателе в «БК55» (7,9 %) позволяет предположить, что первое издание может использовать криминальную тематику для привлечения внимания аудитории. «СуперОмск» применяет

сенсационные заголовки и шок-контент, что характерно для модели эмоционального вовлечения. Структура контента внутри изданий также показательна: в «СуперОмске» 45,2 % криминальных публикаций приходится на рубрику «Происшествия», которая в силу своей событийной природы (ДТП, пожары, смерть) наиболее подвержена сенсационной подаче. В «NGS55» доля рубрики «Происшествия» еще выше – 56,3 %, что говорит об ориентации на оперативное, но при этом, как показал качественный анализ, фактологическое освещение.

Качественный анализ позволил выявить не просто стилистические нюансы, а три дискретные модели конструирования криминальной реальности, обладающие разным типом и уровнем криминогенного воздействия (прил. 2, табл. 2.5–2.8).

1. Модель эмоционального вовлечения («СуперОмск»). Издание использует гибкую тактику: для рубрики «Происшествия» характерны сенсационные заголовки («Появились кадры с места жуткой смертельной аварии под Омском»), шок-контент (фото с мест ДТП без блюра), высокая детализация события, направленная на аффективную реакцию (страх, шок, жалость). В рубрике «Криминал», напротив, может применяться объясняющий подход с элементами гуманизации фигуранта, что формирует сложный, социально-тревожный тип воздействия, подталкивающий аудиторию к поиску мотивов преступника и его возможному оправданию.

2. Фактологическая модель («NGS55»). Издание придерживается единой протокольной стилистики: нейтральные заголовки, отсутствие оценочной лексики, умеренная детализация. Высокий объем криминальных новостей (11 % от общего потока), подаваемых рутинно и без аналитики, способствует нормализации криминала. Преступность перестает восприниматься как чрезвычайное происшествие, становится фоновым, привычным элементом повседневной жизни, что снижает порог социального отторжения противоправных моделей поведения. Данная модель – латентная, но имеет не менее опасный криминогенный потенциал.

3. Минималистская модель («БК55»). Криминальная информация здесь подается предельно лаконично, часто уже как итог события – судебный приговор («Под Омском мужчина путем поджога дома убил семейную пару»). Отсутствие деталей преступления и визуального ряда минимизирует эффект подражания, но и не способствует пониманию причин преступности. Криминал здесь предстает как заверченный, архивный юридический казус, что оказывает наименьшее криминогенное воздействие из трех моделей.

Следует отметить, что приведенная градация моделей по степени криминогенного воздействия носит условный характер и основана на качественном анализе стилистики подачи материалов.

Выявленные модели освещения криминальной повестки (при всем их формальном различии) объединяет одна закономерность: все они так или иначе работают на поддержание символического порядка. Новости о преступности выполняют в обществе не столько информационную, сколько социально-контрольную функцию: через визуализацию, символизацию и драматизацию девиантных событий они очерчивают границы допустимого, легитимируют деятельность правоохранительных институтов и формируют у аудитории ощущение упорядоченности мира, даже тогда, когда фактически транслируют хаос и насилие¹. Иными словами, криминальные новости, независимо от тональности их подачи, утверждают норму через демонстрацию отклонения от нее. В цифровой среде данный механизм усиливается: двусторонняя коммуникация новых медиа превращает аудиторию из пассивного наблюдателя символического ритуала в его активного участника, а алгоритмическое продвижение наиболее эмоционально заряженного контента делает новости порядка еще более аффективными и еще более криминогенными.

Общей чертой всех трех моделей является отсутствие экспертного и аналитического контекста. Ни одно из изданий не привлекает специалистов для глубокого разбора причин, условий и последствий преступлений, что формирует у аудитории упрощенное, поверхностное понимание криминаль-

¹ *Ericson R. V., Baranek P. M., Chan J. B. L. Representing Order: Crime, Law, and Justice in the News Media / Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1991. xii, P. 358.*

ных явлений и препятствует выработке критического отношения к информации и повышает уязвимость перед манипулятивными техниками. Таким образом, криминогенный эффект может достигаться не только через прямое эмоциональное воздействие, но и через систематическое, нейтральное воспроизводство криминальных событий как рутины, а также через их ретроспективное представление в качестве завершенных фактов без какой-либо социальной рефлексии.

Редакционная стратегия региональных интернет-СМИ не соответствует криминогенной обстановке. По информации УМВД России по Омской области, динамика зарегистрированных преступлений в регионе демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. В 2023 г. было зарегистрировано 24 252 преступления, что на 5,1 % больше, чем в 2022 г.¹ В 2024 г. число сократилось до 21 451 (–11,5 %), а в 2025 г. – до 18 740 (–12,6 %)². В первом полугодии 2026 г. зарегистрировано 8486 преступлений, что на 17,7 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Раскрыто 4991 преступление, не раскрыто 2708. Раскрываемость составила 64,8 %³.

Доля криминального контента в интернет-СМИ г. Омска остается стабильно высокой. В ноябре 2025 г. удельный вес публикаций криминальной тематики в «СуперОмск» составил 17,7 %, в «NGS55» – 11,0 %, в «БК55» – 7,9 %. Таким образом, на фоне устойчивого снижения числа зарегистрированных преступлений доля криминальной тематики в региональных средствах массовой информации сохраняется на высоком уровне. Данное расхождение между снижением преступности в регионе и высокой долей криминальной тематики в медиа свидетельствует о том, что региональные средства массо-

¹ *Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года* // МВД России. 2026. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 07.08.2026).

² *Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года* // МВД России. 2026. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 07.08.2026); *Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2025 года* // МВД России. 2026. URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 07.08.2026).

³ *Состояние преступности в Российской Федерации за январь–июнь 2026 года* // МВД России. 2026. URL: <https://мвд.рф/reports/item/91991192/> (дата обращения: 07.08.2026).

вой информации используют криминальную повестку не как отражение реальной обстановки, а как инструмент привлечения и удержания аудитории.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Криминогенное воздействие новых медиа – это обусловленное технологическими свойствами распространение информации, которое создает условия для формирования или актуализации мотивации к совершению преступлений, облегчает координацию противоправной деятельности и усвоение криминальной субкультуры. Криминогенное воздействие носит латентный, массовый характер и выступает в качестве специфического системного условия, способствующего преступности.

Криминогенное воздействие новых медиа обладает тремя ключевыми особенностями: массовостью (глобальный охват аудитории), латентностью (скрытость) и алгоритмичностью (погружение в деструктивный контент). По доминирующему фактору реализации криминогенное воздействие классифицировано на три вида: ценностно-нормативное (деформация ценностных ориентиров), поведенческо-имитационное (модели противоправного поведения) и информационно-манипулятивное (противоправные действия воспринимаются как оправданные).

Контент-анализ региональных интернет-СМИ (на примере г. Омска) позволил дифференцировать три модели освещения криминальной повестки: эмоционального вовлечения (сенсационная подача, акцент на шок-контент), фактологическую (нейтральное изложение событий) и минималистскую (лаконичная констатация факта без детализации). Модели объединяют отсутствие экспертного контекста, что формирует у аудитории упрощенное восприятие криминальных явлений. Криминогенный эффект достигается не только через прямое эмоциональное воздействие, но и через рутинное воспроизводство криминальных событий или их ретроспективную подачу.

§ 2. Криминогенные механизмы новых медиа

Выявленные особенности и виды криминогенного воздействия новых медиа требуют анализа его внутренних механизмов. Криминогенное воздействие СМИ осуществляется через конкретные способы, которые в условиях цифровой среды претерпели качественное преобразование. Если в эпоху традиционных медиа основными каналами влияния были линейные модели вещания (от производителя к пассивной аудитории), то на данный момент криминогенное воздействие реализуется через сложную и высокоадаптивную систему, которая представляет собой синтез классических методов пропаганды и манипуляции с новыми технологическими возможностями цифровых платформ.

Теоретической основой для анализа данных механизмов служат как классические, так и современные концепции. Прежде всего, это теория социального научения А. Бандуры, объясняющая усвоение девиантных моделей через наблюдение и подкрепление, теория культивации Д. Гербнера, раскрывающая долгосрочные эффекты медиавоздействия, а также современные исследования алгоритмического продвижения контента, которые детерминируют масштаб и скорость распространения криминогенных нарративов в новой медиасреде¹.

Пропаганда представляет собой наиболее системную и долгосрочную форму воздействия, направленную не на ситуативную провокацию, а на целенаправленное конструирование криминальной картины мира. Если манипуляция создает основу для некритического восприятия, а дезинформация выступает спусковым крючком, то пропаганда выполняет функцию закрепления и легитимации девиантных установок, осуществляя тотальную деформацию ценностно-нормативной системы общества.

¹ *Bandura A.* Social Learning Theory. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1977. 247 p ; *Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N.* Living with Television: The Dynamics of the Cultivation Process // *Perspectives on Media Effects* / Ed. By J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. Pp. 17–40 ; *Червонных Е. В.* Формирование криминогенных ситуаций в сфере социальных медиа и их влияние на процесс криминализации личности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 5. С. 199.

В контексте настоящего исследования пропаганда понимается как целенаправленное и систематическое распространение определенных идей, ценностей и интерпретации событий в целях оказания массированного воздействия на общественное сознание и формирования заданных поведенческих алгоритмов. Ее ключевой характеристикой является способность не просто информировать, а активно конструировать социальную реальность, выступая, по сути, формой информационно-психологического насилия над личностью¹. Формируя информационную повестку дня и задавая эмоциональный тон восприятия событий, пропаганда системно деформирует коллективные представления о нормальном и девиантном, допустимом и неприемлемом.

Криминогенный потенциал пропаганды реализуется через несколько ключевых направлений, наиболее деструктивным из которых выступает пропаганда криминальных ценностей и культа потребления. Данное направление заключается в систематической популяризации роскошного образа жизни, чрезмерного потребления материальных благ, гедонизма и вседозволенности как единственных атрибутов жизненного успеха. Следствием этого являются деморализация населения и деформация духовно-нравственных ценностей, что напрямую связано с ростом корыстной и корыстно-насильственной преступности². Формируя у аудитории, особенно у молодежи, социальную зависть и установку на достижение благ любыми, в том числе противоправными, способами, такая пропаганда создает устойчивую мотивационную основу для преступного поведения.

Пропаганда культа потребления и роскоши, выступающая катализатором социальной фрустрации, в современную эпоху обрела ключевой канал в новых медиа. По данным ВЦИОМ (2023 г.), у трети россиян (33 %) пуб-

¹ Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М. : Изд-во РАГС, 1998. С.19.

² Корсантия А. А., Максименко И. В. Основные причины детерминации преступности в Российской Федерации // Право и безопасность. 2009. № 2(31). С. 27.

личные блогеры вызывают раздражение и немотивированную агрессию¹. Именно публичные личности (чья популярность и экономическая модель напрямую зависят от вовлеченности аудитории в социальных сетях и видеоплатформах) становятся главными трансляторами ценностей потребления. Контент, построенный на демонстрации чрезмерного потребления, целенаправленно достигает социально уязвимых групп. Новые медиа не просто отражают, но и структурно усиливают данный негативный фон, что наглядно демонстрирует, как пропаганда роскоши усугубляет социальную фрустрацию и создает психологические предпосылки для девиантных действий.

Таким образом, пропаганда представляет собой системообразующее звено в цепи криминогенного медиавоздействия. Она закрепляет девиантные установки, внедренные через манипуляцию, и легитимизирует противоправные действия, спровоцированные дезинформацией, формируя устойчивую культурную среду, в которой криминальные модели поведения воспринимаются как допустимые и даже желательные.

Криминогенный эффект **дезинформации** проявляется в ее способности провоцировать широкий спектр опасных последствий. К числу основных направлений воздействия заведомо ложной информации относятся: провокация массовых беспорядков и иных групповых нарушений общественного порядка; создание в обществе атмосферы страха и неопределенности, способствующей росту ситуативной преступности (панические настроения, ажиотажный спрос); дискредитация институтов государственной власти и правоохранительной системы, ведущая к подрыву доверия граждан и снижению эффективности социального контроля; а также использование дезинформации в качестве непосредственного инструмента совершения мошеннических и иных корыстных преступлений.

Метод провокации массовых беспорядков. Ложные сообщения о действиях властей, безнаказанности преступлений или несправедливости могут

¹ *Управление гневом* // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-gnevom> (дата обращения: 16.09.2025).

стать спусковым крючком для организации массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма¹. Дезинформация здесь играет роль мобилизующего сигнала, переводя социальную напряженность в стадию открытого конфликта. Провоцирующим фактором может выступать не только ложь, но и реальные действия властей, которые, будучи искаженно воспринятыми через призму цифрового дискурса, вызывают лавинообразную реакцию.

Рассмотренный механизм приобретает особую разрушительную силу, когда на смену разовым вбросам приходит системная кампания по конструированию образа врага. Средства массовой информации не просто сообщают о девиантном поведении, но драматизируют и преувеличивают угрозу, назначая на роль виновных конкретную социальную группу или явление, которые начинают восприниматься обществом как воплощение зла. Ключевая роль в запуске и раскручивании такой спирали принадлежит именно медиа, создающим символический барьер между нормальным большинством и девиантным меньшинством². В цифровой среде данный процесс многократно ускоряется и приобретает глобальный масштаб: алгоритмически управляемые потоки дезинформации способны в считанные часы превратить любое резонансное событие в триггер моральной паники, а его фигурантов – в «народных дьяволов» нового типа, чей образ немедленно монетизируется через кликбейт-заголовки и донаты.

Метод провокации массовых беспорядков через дезинформацию в эпоху цифровых платформ приобретает нелинейный характер, когда реальные административные меры могут быть использованы как ресурс радикализации повестки. Качественно новым проявлением дезинформации как криминогенного механизма выступает ее синергия с реальными политическими решениями, порождающая эффект «самоисполняющегося пророчества», где само ограничение информационного поля становится спусковым крючком для дестабилизации.

¹ Там же. С. 35.

² *Cohen S.* Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers. London: MacGibbon and Kee, 1972; 3rd ed. London; New York: Routledge, 2002. 1xxiv, 201 p.

Ярким примером служат массовые беспорядки в Катманду (Непал) в сентябре 2025 г.¹ Власти, стремясь снизить накал протестных настроений в социальных сетях, ввели тотальную блокировку 26 цифровых платформ (Facebook², WhatsApp³, YouTube и др.). В криминологической перспективе данная мера вместо подавления угрозы сама превратилась в мощнейший криминогенный триггер. Молодыми людьми, чья социализация, коммуникация и экономическая активность (фриланс, цифровой маркетинг) были неразрывно связаны с этими платформами, блокировка была воспринята не как временная санкция, а как акт тотального социального исключения и символического насилия со стороны государства.

В условиях искусственно созданного «информационного вакуума» слухи и радикальные призывы, циркулировавшие в новых медиа (Telegram) и игровых коммунитаторах (Discord), приобрели гипертрофированную достоверность. Организация в Discord сервера с более чем 100 000 участников для координации акций демонстрирует классический для новых медиа механизм: децентрализованное сообщество, устойчивое к цензуре, способное к быстрой мобилизации⁴. Эскалация насилия (погромы, поджоги зданий парламента и Верховного суда) и последующая отставка премьер-министра Непала стали закономерным итогом не столько изначальных социально-экономических требований, сколько лавинообразной криминализации протеста, катализированной именно технологическим разрывом между властью и молодежью, чья повседневная жизнь неразрывно интегрирована в цифровую среду. Данный пример демонстрирует, как в современной медиасреде дезинформация и провокация перестают быть просто информационным явлением и приводят к общественно опасным последствиям.

¹ Массовые протесты в Непале // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250909/nepal-2040665686.html> (дата обращения: 12.12.2025).

² Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

³ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

⁴ *Nepalese Gen Z Protests* // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/event/2025-Nepalese-Gen-Z-Protests> (дата обращения: 12.12.2025).

Провокация социальной дезориентации. Умышленно распространяемая ложь о надвигающемся экономическом коллапсе, дефиците продуктов или лекарств провоцирует панику в обществе, что, в свою очередь, ведет к всплеску корыстных и корыстно-насильственных преступлений: массовым кражам, грабёжам в магазинах, мародерству и мошенничеству, эксплуатирующему страх и дезориентацию граждан.

Примером реализации метода стала массовая паника в России в сентябре 2022 г., спровоцированная волной фейковых новостей о проведении мобилизации. В информационное поле былоброшено несколько сотен недостоверных сообщений, в том числе о якобы закрытии границ и всеобщей мобилизации. Фейки, активно тиражируемые через социальные сети и мессенджеры, вызвали широкий общественный резонанс: фиксировался ажиотажный спрос на авиабилеты, в ряде регионов у военных комиссариатов фиксировалось скопление граждан, явившихся для уточнения информации, а также возросло число обращений на «горячие линии». Данная искусственно созданная атмосфера неразберихи и страха стала благодатной почвой для всплеска мошеннических действий: злоумышленники воспользовались ситуацией, предлагая за деньги «помощь» в выезде из страны или уклонения от призыва, чем наживались на дезориентированных и напуганных гражданах¹.

Механизм дискредитации и подрыва доверия. Систематическая дезинформация о коррумпированности судей, неэффективности полиции и их противоправных действиях формирует у аудитории устойчивое убеждение в безнаказанности и нелегитимности правоохранительной системы, так как это снижает порог правосознания и готовности граждан к сотрудничеству с органами власти.

Метод дезинформации как инструмент совершения преступлений. В цифровую эпоху дезинформация превращается в прямой инструмент криминального воздействия, а платформы новых медиа – в его необходимую

¹ В Сети появился миллион фейков о частичной мобилизации // РИА. 2022. URL: <https://ria.ru/20220923/feyki-1818886306.html?ysclid=mhngpxaxe288151574> (дата обращения: 20.10.2025).

операционную среду. Роль новых медиа выходит за рамки пассивного канала рассылки. Алгоритмы социальных сетей и мессенджеров целенаправленно продвигают фишинговые сообщения и фейковые новости в персональные ленты пользователей, маскируя их под контент от друзей или достоверных источников. В отличие от безличного email-спама, атака, пришедшая через ленту ВКонтакте, сообщение в WhatsApp¹ или Telegram от «коллеги» или рекламный пост в Instagram², вызывают более высокое доверие. Социальная инженерия достигает беспрецедентной точности: мошенники используют данные открытых профилей (о работе, увлечениях, круге общения и др.) для персонализации атак и создания убедительных предложений. Кроме того, сами платформы предоставляют преступникам готовый криминальный инструментарий: Telegram-боты для автоматизации фишинга и приема платежей, закрытые каналы для торговли базами данных, стикеры и мемы для шифрования преступных коммуникаций.

Таким образом, новые медиа не просто «используются» для старых схем, а придают им качественно иной масштаб и характер, облекая их в более массовые, таргетированные и технологические формы. Это напрямую отражается на статистике: по данным МВД России, в 2025 г. было зарегистрировано около 424,9 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий, что составило 39,2 % от всех зарегистрированных преступлений. При этом более половины из них (51,8 %) являются тяжкими и особо тяжкими. В структуре указанного вида преступности доминируют мошенничества и кражи (62,5 %), а также наблюдается резкий рост (+51,6 %) преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, координация которых также активно ведется через цифровые платформы³.

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

² Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

³ В России за январь–июль 2025 года ущерб от ИТ-преступлений вырос на 16 % и составил почти 120 млрд рублей // Ассоциация юристов России. 2025. URL: <https://alrf.ru/news/v-rossii-za-yanvar-iyul-2025-goda-ushcherb-ot-it-prestupleniy-vyros-na-16-i-sostavil-pochti-120-mlrd/> (дата обращения: 20.10.2025).

Технологический прогресс, в особенности развитие искусственного интеллекта, предоставил злоумышленникам принципиально новые, высокотехнологичные инструменты для генерации и дистрибуции дезинформации, многократно усиливающие ее провокационный потенциал: применение голосовых дипфейков для несанкционированного перевода средств, создание фальшивых голосовых сообщений и видеосообщений в мессенджерах для повышения уровня доверия жертвы и совершения мошеннических действий¹.

Мошенники активно используют ИИ для создания голосовых клонов близких родственников жертв. Создав в мессенджере фальшивый чат «Семья» или «Родные» и разместив в нем голосовое сообщение (с подделанным голосом или видеокружком), преступники добиваются мгновенного эмоционального отклика. Подобные схемы, основанные на социальной инженерии и доверии к голосовой коммуникации, демонстрируют, как технологии превращают мессенджеры в мощное оружие для совершения мошенничества².

Согласно опросу ВЦИОМ (2023 г.), с ложной информацией в течение месяца сталкивались 40 % россиян, причем наиболее значимый массив фейков касается тем, непосредственно связанных с безопасностью и общественным порядком: специальной военной операцией (46 %) и событиями внутри страны (20 %). При этом 74 % граждан считают распространение фейков умышленным действием, что свидетельствует о восприятии обществом дезинформации как реальной угрозы³.

Таким образом, дезинформация в современной медиасреде эволюционировала из средства обмана в мощный криминогенный ресурс, способный целенаправленно провоцировать широкий спектр противоправных деяний –

¹ Новые риски цифровой эпохи: как мошенники применяют искусственный интеллект // РИА Новости. 2025. URL: <https://ria.ru/20250715/ii-2029059218.html?ysclid=mgay5hpy4v26398816> (дата обращения: 15.09.2025).

² «Кружки» в мессенджерах стали оружием мошенников // Новые Известия. 2025. URL: <https://newizv.ru/news/2025-06-18/ni-na-sekundu-ne-zapodozrila-kruzhenki-v-messendzheraх-stali-oruzhiem-moshennikov-437213> (дата обращения: 22.10.2025).

³ Фейк-ньюс – и как с ними бороться? // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 16.09.2025).

от массовых беспорядков до высокотехнологического мошенничества. Прямая провокационная природа делает ее наиболее опасным элементом в цепи криминогенного воздействия.

Манипуляция общественным сознанием представляет собой криминогенный механизм, который выступает основой для некритического восприятия последующих деструктивных установок. В контексте криминологического анализа под манипуляцией понимается метод скрытого управления поведением и установками аудитории посредством целенаправленного искажения и селекции информационных потоков¹. Данный механизм не просто информирует, а создает предпосылки для принятия девиантных моделей поведения как легитимных.

Криминогенная цель манипуляции заключается в системном подавлении критического мышления, формировании устойчивой когнитивной зависимости от навязанных оценок и, как следствие, добровольном ограничении автономии личности². Данное состояние закономерно трансформируется в социальную пассивность и конформность, создавая благоприятный психологический фон для некритического усвоения противоправных моделей поведения и их последующей реализации.

В современных медиа манипуляция реализуется через ряд специфических методов, которые эксплуатируют психологические особенности восприятия. К числу таких методов относятся:

– *Суггестия (внушение)*. Метод заключается в целенаправленном формировании у аудитории состояния повышенной внушаемости для обеспечения некритического восприятия информации, когда потребитель начинает доверять транслируемым тезисам без требования доказательств³. Ярким примером является деятельность блогеров, строящих коммуникацию на со-

¹ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ. ; науч. ред. Я. Н. Засурский. М. : Мысль, 1980. С. 27.

² Серов А. А. О роли дезинформации в современных конфликтах и войнах // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 7. С. 20.

³ Бушев А. Б. Языковые особенности текстов, используемых в психотерапевтической коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 20 с.

здании иллюзии доверительного общения и личной привязанности, что может эксплуатироваться для продвижения сомнительных финансовых схем или девиантных ценностей.

Классическим примером суггестии, перерастающей в системную манипуляцию, выступает деятельность блогеров Аяза Шабутдинова и Елены Блиновской. Блогеры строили свой бизнес на продаже курсов, используя инструменты новых медиа (социальные сети, таргетированную рекламу, мессенджеры) для привлечения многомиллионной аудитории. Деятельность Аяза Шабутдинова была квалифицирована по ч. 4 ст. 159 УК РФ как мошенничество в особо крупном размере¹. Блогер систематически вводил потребителей в заблуждение относительно сути и качества предлагаемых образовательных услуг, обещая гарантированный результат, который не мог быть обеспечен².

Основу коммуникационной стратегии Аяза Шабутдинова составляло конструирование и тиражирование образа простого парня из провинции, достигшего финансового благополучия с нуля. Через личный блог в социальной сети «ВКонтакте» и регулярные прямые эфиры транслировался нарратив успеха, несущий в себе послание: «Если у меня получилось, значит, гарантированно получится и у тебя». Данный прием обеспечивал некритическую идентификацию аудитории с блогером, снижая порог рационального восприятия рисков. Ключевым инструментом вовлечения выступала агрессивная таргетированная реклама, заполнившая ленту пользователей. Наиболее узнаваемым стал креатив с фразой «Парни, вы издеваетесь?», ставший интернет-мемом. Использовались шаблоны «сделаю предпринимателя из девуш-

¹ *Приговор* Пресненского районного суда г. Москвы от 31 октября 2025 г. по делу № 01-0236/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/criminal/details/0f66ca40-e968-11ef-bf6f-cdbc5d5a9799?participant=Шабутдинов+А.+> (дата обращения: 10.12.2025).

² *Блогер* и предприниматель Аяз Шабутдинов заслушал приговор по делу о мошенничестве в особо крупном размере // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. 2025. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/news/blogger-i-predprinimatel-ayaz-shabutdinov-zaslushal-prigovor-po-delu-o-moshennichestve-v-osobo-kрупnom-razmere?ysclid=mkv0y7uq1622425487> (дата обращения: 10.12.2025).

ки/парня», креативы с посылом о желании «помочь мамам», а также объявления с заголовком «Набираю команду», обещавшие бесплатное обучение. Даже ошибки в настройке таргетинга, вызывавшие насмешки, работали на усиление виральности и узнаваемости бренда.

Аязом Шабутдиновым была создана организованная группа, участники которой с помощью агрессивного маркетинга и активной рекламной кампании от имени подконтрольных юридических лиц (ООО «Лайк Центр» и др.) продавали гражданам якобы образовательные программы. Блогер лично обеспечивал разработку текстов тренингов и договоров (оферты), содержание которых создавало ложное представление о способности программ гарантировать финансовую защиту и успех в предпринимательской деятельности. Формировалась иллюзия правомерности его действий и их исключительно гражданско-правового характера. По данным прокуратуры г. Москвы, от действий организованной группы пострадали 113 граждан, заплативших за некачественные образовательные продукты суммы от 60 тыс. рублей до 12 млн рублей (общий ущерб превысил 57 млн рублей)¹.

В похожем деле Елены Блиновской уголовно-правовая оценка оказалась совершенно иной². Несмотря на то что ее «марафоны желаний» также содержали признаки введения потребителей в заблуждение (обещания, не имеющие материального обеспечения), суд квалифицировал действия блогера по совокупности финансовых преступлений: уклонение от уплаты налогов (ч. 2 ст. 198 УК РФ), легализация денежных средств (п. «б» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ) и незаконный оборот средств платежей (ч. 1 ст. 187 УК РФ)³. Основной

¹ Блогер Шабутдинов получил 7 лет колонии за мошенничество на 57 млн рублей // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/incident/blogger-shabutdinov-poluchil-7-let-kolonii-za-moshennichestvo-na-57-mln-rublej.html> (дата обращения: 11.11.2025).

² Савеловским районным судом г. Москвы провозглашен приговор «Королеве марафонов», блогеру Елене Блиновской // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/news/savelovskim-rajonnym-sudom-g-moskvy-provozglashen-prigovor-koroleve-marafonov-bloggeru-elene-blinovskoj> (дата обращения: 10.12.2025).

³ Приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 3 марта 2025 г. по делу № 10-19924/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL:

состав не обман потребителей, а нарушение финансовой дисциплины и неуплата налогов с многомиллионных доходов, полученных благодаря деятельности в новых медиа.

Данный пример демонстрирует вариативность правоприменительной практики в отношении предпринимательской активности в цифровой среде. В одном случае (Аяз Шабутдинов) суд усмотрел непосредственный обман потребителей, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что повлекло квалификацию по статье о мошенничестве. В другом (Елена Блиновская) акцент сместился на финансовую составляющую, поскольку основной ущерб был причинен государству в результате уклонения от налогов. Такая непоследовательность (дифференциация) подходов подчеркивает сложность квалификации моделей монетизации контента в медиасреде, где грань между недобросовестным маркетингом, мошенничеством и финансовыми нарушениями остается размытой;

– *эмоциональное воздействие через рекреативный контент*. Внедрение деструктивной идеологии вседозволенности и культа насилия, а также криминальных сценариев в массовое сознание под видом развлекательного материала позволяет обойти рациональные барьеры личности.

Примером является треш-стриминг, где девиантное поведение подается как развлечение. Классическим примером выступает деятельность стримера Андрея Бурима (Mellstroy), инсценировавшего унижительные сцены и физическое насилие в формате «развлекательного шоу», напрямую монетизируя агрессию через донаты и формируя у аудитории восприятие жестокости как допустимой формы досуга¹. Уголовно-правовая квалификация одного из публичных эпизодов была дана в приговоре мирового судьи судебного участка № 376 Пресненского района г. Москвы². Суд установил, что 19 ок-

<https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/98156de0-91fd-11f0-af55-15eccc5a4ae1?participant=Блиновская+Е.+> (дата обращения: 10.12.2025).

¹ *Кого и как кинул Mellstroy* // Газета.Ru. 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2024/03/20/18440581.shtml> (дата обращения: 20.10.2025).

² *Мировой судья рассмотрел уголовное дело в отношении блогера Андрея Бурима* // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. 2021. URL: <https://mos->

тября 2020 г. Андрей Бурим, в ходе прямой трансляции на видеохостинге YouTube, умышленно схватил потерпевшую за шею и не менее шести раз ударил ее лицом о поверхность стола, после чего оттолкнул, причинив физическую боль. Данные действия были квалифицированы по ст. 116 УК РФ (побои) как совершенные из хулиганских побуждений, что является квалифицирующим признаком данного состава. Стримеру было назначено наказание в виде 6 месяцев исправительных работ с удержанием части заработка¹.

Публичный и демонстративный характер действий стримера был зафиксирован судом, но действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику подобных деяний, совершаемых в условиях интерактивной трансляции с прямой экономической мотивацией. Насилие в данном случае носило не просто публичный, но и интерактивно монетизируемый характер: донаты зрителей выступали прямым экономическим стимулом для эскалации конфликта, превращая противоправное действие в товар, а аудиторию в соучастника-заказчика. При существующем подходе закон не видит разницы между бытовой дракой и трансляцией насилия на многомиллионную аудиторию, приносящей организатору стабильный доход.

Криминальный профиль стримера не исчерпывается единичным эпизодом побоев. В отношении Андрея Бурима вынесены судебные акты правоохранительными органами Республики Беларусь (изготовление и распространение порнографических материалов с участием несовершеннолетних) и Объединенных Арабских Эмиратов (привлечение ответственности за оскорбление), а также за уклонение от военной службы в Республике Беларусь². В

gorsud.ru/rs/presnenskij/news/mirovoj-sudya-rassmotrel-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-blogera-andreya-burima?ysclid=mkv13xnd30880098399 (дата обращения: 10.12.2025).

¹ *Приговор* Пресненского районного суда г. Москвы от 09 июля 2021 г. по делу № 10-0007/2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/appeal-criminal/details/07d05860-0fb3-11ec-b7eb-29b38580e904?participant=Бурим+А.+> (дата обращения: 10.12.2025).

² *Блогер* устраивал стримы под наркотиками и избивал девушек на камеру // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/10/26/mellstroy/> (дата обращения: 09.09.2025) ; *Стример Mellstroy уехал из Дубая после оскорбления мусульманина* // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2024/02/13/22327453.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 09.09.2025) ; *В России объявили в розыск треш-стримера Mellstroy* // РБК. URL:

2025 г. суд в Беларуси признал информационную продукцию блогера, включая его каналы и символику, экстремистской, установив, что он через интернет обещал вознаграждение за совершение и публикацию видео с противоправными действиями. Данный спектр преступлений (побои, порнография, экстремизм) указывает на системный, а не эпизодический характер угрозы.

Деятельность треш-стримера, где насилие является не побочным эффектом, а основным товаром и инструментом удержания аудитории, требует отдельного криминологического осмысления. Традиционные правовые конструкции, сформированные без учета медийного, интерактивного и монетизируемого контекста, не в полной мере отражают общественную опасность подобных деяний, что свидетельствует о появлении качественно новой формы криминогенного воздействия, сущность которого не сводится к отдельным противоправным эпизодам, а заключается в системном посягательстве на общественную безопасность и нравственность, осуществляемом с использованием технологических возможностей цифровых платформ;

– *дискредитация через создание лжесобытий*. Целенаправленное конструирование и вброс в информационное пространство событий, не имевших места в реальности, с последующей их подачей в качестве достоверного факта, подрывает основы рационального восприятия действительности¹. Данный метод используется для системной дискредитации институтов власти и правоохранительной системы, формируя у аудитории установку на их нелегитимность.

Яркой иллюстрацией данного метода является деятельность ряда блогеров и медиапроектов, целенаправленно создававших и распространявших заведомо ложные нарративы о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации. Так, екатеринбургский блогер Валентина Когут в своих видео на YouTube, маскируя ложные утверждения под эзотерические откровения (рассказы об «ангелах», показывающих ей «улы» с «пчелами», символизирую-

<https://www.rbc.ru/society/13/02/2024/65cb535a9a794700a79a9894> (дата обращения: 09.09.2025).

¹ Шиллер Г. Указ. соч. С. 27–28.

щими Россию и Украину), на деле проводила прямые аналогии между современной Россией и нацистской Германией, что по результатам экспертизы было квалифицировано как информация, направленная на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации¹. 23 мая 2025 г. Орджоникидзевский районный суд Екатеринбурга приговорил Валентину Когут к двум годам условно по ч. 1 ст. 280³ УК РФ (повторная дискредитация использования Вооруженных Сил РФ), назначил ей наказание в виде 2 лет лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием веб-сайтов, форумов, чатов и групп в социальных сетях, электронных или информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет, на срок 2 года².

Более изощренный пример – деятельность создателей Telegram-канала «Сканер» Майкла Наки и Руслана Карпука, которые были заочно приговорены к 11 годам колонии. Они не просто распространяли ложную информацию, а искусственно создавали доказательства ее подтверждения, записывая видеоролики о событиях на Запорожской АЭС и в Мариуполе, которые представляли собой смонтированные и сфабрикованные лжесобытия³.

Масштаб реакции государства на данный механизм подтверждается официальной статистикой: по состоянию на март 2025 г. Следственным комитетом России по статьям о распространении заведомо ложной информации о Вооруженных Силах РФ (ст. 207³ УК РФ) и их дискредитации (ст. 280³

¹ *Против* екатеринбургского youtube-блогера возбудили дело за дискредитацию ВС РФ // Ura.Ru. 2024. URL: <https://www.uralweb.ru/news/society/563244-protiv-ekaterinburgskogo-youtube-blogera-vozbudili-delo-za-diskreditaciyuvs-rf.html> (дата обращения: 15.10.2025).

² *Приговор* Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 23 мая 2025 г. по делу № 1-247/2025 // Интернет-сайт Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. URL: https://ordzhonikidzevsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&case_id=493426138&case_uid=35469756-f4e1-4855-ac50-75ebe3fa70e0&delo_id=1540006 (дата обращения: 07.08.2025).

³ *Приговор* Басманного районного суда г. Москвы от 29 августа 2023 г. по делу № 01-0378/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/criminal/details/83c6ff40-f57c-11ed-8a33-596e6e4ee36f?participant=Наки%2C+Карпук&year=2023&formType=fullForm> (дата обращения: 15.10.2025).

УК РФ) в совокупности возбуждено более 600 уголовных дел¹. Наблюдается тенденция к последовательному сокращению числа возбуждаемых дел: если в 2022 г. было возбуждено 183 дела по ст. 207³ УК РФ, то в 2024 г. – 140, а за первые девять месяцев 2025 г. – 115 дел. По делам о публичной дискредитации Вооруженных Сил РФ (ст. 280³ УК РФ) в 2023 и 2024 гг. было возбуждено 76 и 72 дела соответственно, а за девять месяцев 2025 г. – в два раза меньше². Указанная динамика может свидетельствовать как о реализации превентивного потенциала уголовно-правовых норм, так и о признании государством механизма манипуляции через создание лжесобытий общественно опасным деянием.

Таким образом, манипуляция выступает не просто фоном, а активным криминогенным механизмом, который целенаправленно готовит почву для деформации правосознания и последующей реализации более агрессивных форм воздействия, таких как дезинформация и прямая пропаганда. Скрытый характер манипуляции делает ее особенно опасным инструментом в цифровой среде, где скорость распространения контента многократно усиливает деструктивный потенциал.

Манипулятивные практики в цифровой среде не являются разрозненными приемами, а нередко объединяются в целостную систему. Криминальная идеология в сети Интернет представляет собой мощный криминогенный фактор, не только продуцирующий девиантное поведение, но и создающий устойчивые идеологические платформы для оправдания и героизации насилия³. Именно эта идеологическая основа, транслируемая через социальные сети и мессенджеры, создает благоприятную почву для последующей дезин-

¹ СК возбудил более 600 дел о фейках и дискредитации армии с 2022 года // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/03/03/1095542-sk-vozbudil> (дата обращения: 04.05.2025).

² Бастрыкин: в России сокращается число дел о дискредитации армии // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2026/01/14/76214933/> (дата обращения: 16.01.2026).

³ Ильницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 213 с.

формации и пропаганды, превращая их в еще более эффективные инструменты воздействия на общественное сознание.

Особым проявлением выступает романтизация криминала, представляющая собой комплексный механизм, интегрирующий в себе инструменты пропаганды, дезинформации и манипуляции для эстетизации и нормализации противоправного поведения. Если предыдущие механизмы создают предпосылки, провоцируют и системно деформируют ценности, то романтизация криминала выполняет функцию культурного закрепления, переводя криминальные модели из сферы допустимого в сферу привлекательного и желаемого.

Под **романтизацией криминала** в данном контексте понимается целенаправленное или стихийное представление преступного образа жизни, ценностей криминального мира в привлекательном, героизированном и эстетизированном виде, что приводит к искажению их восприятия аудиторией и формированию позитивного отношения к девиантным моделям поведения.

Данный метод реализуется через синтез нескольких взаимосвязанных компонентов:

- *героизация образа преступника*. Данный компонент заключается в наделении преступника чертами благородного мстителя, жертвы несправедливой системы или сильной личности, бросающей вызов устоям. Ярким проявлением данной тенденции выступает романтизация реальных преступников, таких как «ивантеевский стрелок». После совершения нападения на школу его страница в социальной сети «ВКонтакте», несмотря на блокировку, успела набрать тысячи подписчиков. Анализ содержимого и реакции аудитории показал, что подростки воспринимали его как «борца с системой», а его псевдоним Mike Klebold, отсылающий к одному из исполнителей массового убийства в американской школе Колумбайн (Дилан Клиболд), прямо указывает на формирование культа «колумбайнеров», где преступники-

подростки становятся символами протеста и ролевыми моделями для молодежи¹.

Криминальная субкультура обретает привлекательность для молодежи и из-за особой преступной романтики, создающей иллюзию свободы и власти². Преступник перестает восприниматься как нарушитель закона, несущий угрозу, и начинает представляться в ореоле борца за справедливость или страдальца, что кардинально искажает реальную оценку общественной опасности его деяний. Данный образ активно тиражируется через сериалы и контент в социальных сетях, формируя у аудитории устойчивые положительные ассоциации с криминальным миром³;

– *эстетизация насилия и криминальной атрибутики*. Второй компонент предполагает облекание криминальной реальности в эстетически привлекательные формы, что проявляется в использовании татуировок (и иной символики), определенного стиля одежды, жаргона, которые подаются в медиа как модные, культовые и авторитетные⁴. Как следствие, внешние атрибуты преступного мира превращаются в молодежные тренды, за которыми скрывается их подлинное деструктивное содержание. Подростки, перенимая эту эстетику, неосознанно впитывают и связанные с ней криминальные ценности, что является первым шагом к интеграции в криминальную субкультуру⁵. Новые медиа выступают ключевым катализатором данного процесса: в клипах и образах российских рэп-исполнителей обыгрывается тюремная и бандитская символика, включая стилизованные наколки.

Примером прямого воздействия через новые медиа стал вирусный скандал с рэпером Айсгергертом, который во время выступления публично

¹ Как подростки делают культ из американских стрелков // РИА. 2017. URL: <https://ria.ru/20170909/1502116828.html> (дата обращения: 24.09.2024).

² Шнак А. А. Криминальная субкультура в молодежной среде // Власть Закона. 2024. № 1(57). С. 327.

³ Клеймёнов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 75.

⁴ Шнак А. А. К вопросу о влиянии криминальной субкультуры на молодежь // Правовоприменение в публичном и частном праве : материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2025. С. 225.

⁵ Причины преступности в России : монография / Ю. М. Антонян, Е. М. Тимошина, С. В. Маликов, В. И. Шиян, И. В. Никитенко ; под ред. Ю. М. Антоняна. С. 267.

произнес фразу «жизнь ворами!». Видео с его высказыванием мгновенно разошлось по многочисленным новостным пабликам и социальным сетям, вызвав широкий резонанс и дискуссии¹. Подобные инциденты, тиражируемые с огромной скоростью и охватом, делают криминальные концепции и лексику элементом повседневного культурного поля;

– *подмена ценностей*. Наиболее опасной характеристикой является системная подмена легитимных социально-правовых норм криминальными понятиями. Криминальные традиции, воровские законы, идеологии деструктивных движений («АУЕ») преподносятся в медийном пространстве как подлинные и честные (кодексы чести и справедливости), противопоставляемые лицемерным официальным законам². Как итог, все это порождает у молодежи правовой нигилизм, убежденность в неэффективности государственных институтов и веру в то, что истинная справедливость может быть достигнута только через следование криминальным установкам, что в конечном счете выступает мощным катализатором криминализации молодежной среды³.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Криминогенные механизмы новых медиа (манипуляция, дезинформация, пропаганда) в цифровой среде качественно трансформируются за счет специфических свойств новых медиа, что многократно усиливает деструктивный потенциал.

Манипуляция создает когнитивную основу для некритического восприятия, дезинформация выступает прямым провокационным катализатором противоправных действий, пропаганда закрепляет и легитимирует девиантные ценностные установки. Романтизация криминала представляет собой комплексный механизм, интегрирующий манипуляцию, дезинформацию и пропаганду для нормализации противоправного поведения (ведет к деформа-

¹ *Рэпера Icegergert уличили в пропаганде АУЕ из-за фразы: «Жизнь ворами!»* // Газета.ru. 2025. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/10/28/27047762.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 01.11.2025).

² *Шпак А. А.* Криминальная субкультура в молодежной среде. С. 328.

³ *Гусев М. В.* Проблема распространения криминальной субкультуры в России // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. № 5. С. 106.

ции правосознания, героизации преступников и подмене социальных норм криминальными установками).

Манипуляция, дезинформация и пропаганда образуют целостную эскалационную систему, где каждый этап усиливает действие последующего.

Криминогенные механизмы создают условия для формирования криминогенных бизнес-моделей и криминальных сред платформенного типа, что предопределяет необходимость разработки мер противодействия.

§ 3. Криминогенный потенциал новых медиа на примере платформы Telegram

В системе современных цифровых платформ Telegram представляет собой не просто канал коммуникации, а качественно новую угрозу правопорядку и общественной безопасности. Интернет-платформы, социальные сети, мессенджеры превратились в основную среду для распространения криминальных идеологий, вербовки и координации противоправной деятельности¹. Архитектура платформы Telegram (анонимность, шифрование, возможность создания закрытых каналов) предлагает условия для формирования устойчивых криминальных субкультур, недоступных для традиционного контроля². Экстремистские группы используют Telegram не только как канал пропаганды, но и как инструмент оперативного управления ячейками, что качественно отличает его от традиционных СМИ³. Киберпреступность превратилась в те-

¹ Корж П. А. Интернет как платформа развития преступности // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения) : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2022. С. 112.

² Ильиницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. С. 118–120.

³ Ильиных Н. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2025. С. 68–70.

новой рынок с разделением труда¹. В новых медиа эта тенденция привела к формированию криминальных экосистем платформенного типа.

Криминогенный потенциал Telegram детерминирован интеграцией функций анонимного координационного центра, маркетплейса запрещенных благ, медиаинкубатора деструктивных идеологий и технологического инструментария для совершения преступлений. В. А. Номоконов обратил внимание на криминализацию Интернета как становление особого сегмента, нацеленного на сплочение и координацию субъектов криминальной среды, где беспрепятственно формируется и пропагандируется криминальная идеология².

На основе анализа 6022 каналов и 172 млн сообщений в социальной сети выявлено, что пересылки выступают высокоточным индикатором для идентификации криминальных каналов³. Данная целостность и взаимосвязь противоправных функций, усиленная технологической продвинутой и минимальным контролем, формирует беспрецедентный по масштабу и эффективности криминогенный феномен, требующий пересмотра традиционных подходов к криминологическому противодействию.

Трансформация цифровой платформы из средства коммуникации в полноценную криминальную инфраструктуру не является уникальной чертой Telegram, а отражает общую закономерность развития преступности в цифровом мире. Информационно-телекоммуникационные технологии создают для преступности принципиально новую среду, где формируются гибридные криминальные системы, объединяющие в себе функции коммуникации, координации, финансирования и масштабирования противоправной деятельности. Ключевыми характеристиками такой среды выступают анонимность,

¹ Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1(24). С. 53.

² Номоконов В. А. Глобализация информационных процессов и преступность // Інформаційні технології та безпека: збірка наукових праць. Київ, 2002. Вип. 1. С. 97.

³ Ricaldi R., Marjanov T., Allodi L., Hutchings A. TeleHUNT: Large-Scale Analysis of Criminal Communities on Telegram // IEEE Transactions on Information Forensics and Security. 2025. Vol. 20. P. 183.

трансграничность и минимальный порог входа для новых участников¹. Именно эти свойства находят концентрированное выражение в структуре и функционале Telegram, что и обуславливает его лидирующую роль в качестве платформы для современной организованной киберпреступности.

Устойчивость криминогенного потенциала и функциональность Telegram детерминирована рядом структурных и организационных особенностей, которые изначально нейтральные технологии превращают в инструменты противоправной деятельности. Данные особенности формируют каркас криминальной среды.

1. Двусторонняя модель коммуникации. Платформа сочетает два уровня, стирая границу между публичным вещанием и приватной координацией:

– *публично-вещательный уровень* (Telegram-каналы): функционирует как СМИ без редакторского контроля, обеспечивая мгновенное распространение идеологий, дезинформации и криминальных нарративов на миллионные аудитории. Односторонний характер вещания создает эффект непрекращаемого авторитета, основанный на психологических механизмах.

Ярким примером реализации данной модели служит информационно-политический Telegram-канал «Поздняков 3.0»² (аудитория более 770 тыс. подписчиков), который представляет собой концентрированное выражение трех ключевых криминогенных свойств платформы:

– демонстрирует способность Telegram служить средой для воспроизводства и масштабирования деструктивных идеологий. Владелец канала (Владислав Поздняков) является основателем движения «Мужское госу-

¹ Овчинский В. С. Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры. М. : Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 147–149.

² Telegram-канал «Поздняков 3.0» // Telegram. URL: https://t.me/+k_Z9AGYLS7g5ZGUy (дата обращения: 01.11.2025).

дарство», признанного экстремистской организацией и запрещенного на территории Российской Федерации¹;

– канал иллюстрирует модель персонифицированного медиа, в котором отсутствует традиционная редакционная фильтрация. Единоличное формирование повестки, эмоционально окрашенная подача и прямая апелляция к аудитории создают эффект доверительного общения, усиливая суггестивное воздействие и способствуя формированию замкнутого «информационного пузыря»;

– контент канала наглядно реализует криминогенные механизмы от манипуляции и дезинформации до распространения материалов, разжигающих межнациональную рознь и нормализующих насилие.

Блогер канала не просто транслирует новости, а предлагает их эмоционально окрашенную, глубоко субъективную интерпретацию. Успех и влияние канала базируется на нескольких факторах, характерных для новых медиа.

Во-первых, это персонификация подачи. Подписчик взаимодействует не с безликой редакцией, а с харизматичным лидером мнений, чья точка зрения подается как результат независимого анализа, что создает иллюзию особых отношений и доверительной беседы, следовательно, сближает аудиторию с блогером.

Во-вторых, ключевую роль играет феномен стадного инстинкта. Многомиллионная аудитория сама по себе служит для нового подписчика сигналом солидности и значимости информации, распространяемой каналом. Вовлекающий контент, подкрепленный поддержкой тысяч других пользователей (через реакции, комментарии, подарки, репосты), усваивается без критической оценки. Формируется «информационный пузырь», где мнение блогера и его интерпретация событий становятся для сообщества единственной реальностью.

¹ *Решение* Нижегородского областного суда от 18 октября 2021 г. № 3а-224/2021. URL: <https://судебныерешения.рф/63343289?ysclid=msiw7uyj34947273547> (дата обращения: 01.11.2025).

В-третьих, у канала отсутствует традиционный редактор. В классических СМИ редактор выполняет предварительную функцию фильтрующей информации, проверяющего факты и отвечающего за соблюдение профессиональных и этических стандартов. В случае с Telegram-каналом «Поздняков 3.0» функции сбора, отбора, интерпретации и подачи информации сосредоточены в руках одного человека, что обеспечивает оперативность и уникальный стиль, а вместе с тем создает зону повышенного риска (субъективное мнение блогера, не прошедшее редакционную фильтрацию, может стать катализатором для формирования искаженной картины мира у миллионов людей). Повестка дня конструируется исключительно на основе личного выбора блогера, что делает аудиторию крайне уязвимой для манипуляций и распространения непроверенной или тенденциозной информации, особенно в периоды социальной и политической напряженности;

– *приватно-координационный уровень* (чаты, секретные чаты): обеспечивает конспиративное общение преступных групп в режиме защищенных чатов со сквозным шифрованием. Данный контур служит для оперативного планирования, обмена инструкциями и координации действий, оставаясь невидимым для внешнего наблюдения.

Двухуровневая структура создает уникальные возможности для поэтапной радикализации аудитории: на первом этапе (публичные каналы) осуществляются распространение деструктивной идеологии и поиск потенциальных адептов, на втором (закрытые чаты) – их вербовка и координация конкретных действий¹. Именно сочетание публичной пропаганды и приватной координации является ключевым криминогенным фактором, отличающим современные цифровые платформы от традиционных СМИ². Стирание границы между данными уровнями позволяет осуществлять идеологическую обработку в открытых каналах с последующим переходом адептов в закры-

¹ Ильницкий А. С. Указ. соч. С. 118.

² Ильиных Н. А. Указ. соч. С. 70.

тые чаты для получения конкретных указаний, что многократно повышает эффективность вербовочных практик¹.

2. Технологический инструментарий, адаптируемый для противоправных целей. Встроенные возможности платформы целенаправленно эксплуатируются в криминальных целях:

- боты трансформируются из сервисных инструментов в средства автоматизации фишинговых атак, массовой рассылки дезинформации, приема платежей за запрещенные товары и управления нелегальными маркетплейсами;

- сквозное шифрование, изначально гарантирующее приватность, становится инструментом обеспечения безнаказанности, делая переговоры о подготовке преступлений недоступными для правоохранительных органов.

3. Режим анонимности и минимального контроля. Организационная политика платформы минимизирует риски для нарушителей:

- упрощенная регистрация по номеру телефона позволяет легко создавать одноразовые анонимные аккаунты и оперативно восстанавливать активность после блокировок;

- реактивная модерация контента создает «окна возможностей», когда противоправные материалы и координация успевают нанести ущерб до принятия мер на основе пользовательских жалоб;

- кросс-платформенность и миграция позволяют криминальным сообществам мгновенно создавать каналы-клоны и восстанавливать аудиторию, снижая эффективность репрессивных мер.

Именно синергетический эффект от сочетания данных особенностей создает качественно новый уровень угрозы. Шифрование защищает координацию, боты автоматизируют преступную деятельность, каналы обеспечивают масштабируемость воздействия, а режим анонимности и слабого контроля сводит к минимуму риски для нарушителей. Данная структура не просто

¹ *Штак А. А.* Криминогенный потенциал средств массовой информации: манипуляция, дезинформация и пропаганда // Вестник Югорского государственного университета. 2025. Т. 21, № 4. С. 42.

«вместилище» для преступлений, а активный катализатор криминальной активности.

Следует отметить, что криминогенный потенциал не служит исключительной особенностью платформы Telegram, хотя именно здесь он проявляется наиболее системно и комплексно. Аналогичные, хотя и менее масштабные, риски наблюдаются и в других сегментах медиасреды:

- ВКонтakte для России остается ключевой площадкой для вербовки в деструктивные молодежные сообщества и распространения идеологий (например, «АУЕ») благодаря развитой системе пабликов и групп;
- видеохостинг TikTok с его сверхэффективным алгоритмом рекомендаций создает «эффект скользкой горки» (тянет за собой зрителя), когда пользователь за несколько свайпов (листание) погружается из нейтрального контента в деструктивные тренды и челленджи;
- Pinterest и Instagram¹ благодаря своему функционалу (публикации фотографий и видео, связанных с преступной тематикой) также могут использоваться для пропаганды культа потребления, наркотиков и формирования «эстетики» девиантного поведения.

Таким образом, можно говорить о распределенном характере инфраструктуры новых медиа, где разные платформы выполняют специализированные функции, а Telegram играет роль ее универсального и наиболее опасного системообразующего узла.

Структурные особенности Telegram не только облегчают совершение преступлений, но и формируют четко дифференцированные и взаимосвязанные функции, превращающие платформу в универсальную инфраструктуру для противоправной деятельности. Криминогенный потенциал реализуется через четыре ключевые функции:

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

1. *Функция координационного центра преступности.* Telegram обеспечивает оперативное и конспиративное взаимодействие преступных групп, выступая их виртуальным штабом:

– *коммуникация и планирование.* Закрытые и секретные чаты используются для обсуждения деталей преступлений, распределения ролей, передачи инструкций и отчета о выполнении. Шифрование делает коммуникацию недоступной для внешнего мониторинга. Социальные медиа формируют криминогенные ситуации, в которых анонимность и мгновенность коммуникации позволяют преступным группам действовать с беспрецедентной оперативностью и скрытностью¹.

Ярким примером реализации данной функции являются судебные процессы над создателями и администраторами Telegram-каналов, использовавших платформу для координации действий, направленных на дестабилизацию общественного порядка². Так, в Белоруссии создатели канала «NEXTA», признанного террористической организацией, были заочно приговорены к 19 и 20 годам лишения свободы за организацию массовых беспорядков, разжигание социальной вражды и руководство экстремистским формированием³.

В Российской Федерации по смежным составам преступлений (склонение к массовым беспорядкам и возбуждение ненависти в составе организованной группы) были осуждены от 5 до 8 лет лишения свободы организаторы и администраторы сети Telegram-каналов и чатов «Что делать?». Бутырский суд Москвы приговорил организаторов, администраторов и участников Telegram-канала «Что делать?» на сроки от 5 лет до 7,5 года колонии по делу о склонении к беспорядкам во время выборов в Госдуму в 2021 г. Канал ис-

¹ *Червонных Е. В.* Формирование криминогенных ситуаций в сфере социальных медиа и их влияние на процесс криминализации личности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 5. С. 201.

² *Приговор* создателям телеграм-канала NEXTA вступил в силу // РИА Новости. 2023. URL: <https://ria.ru/20230518/nexta-1872659889.html> (дата обращения: 13.11.2025).

³ *Решением* суда Центрального района г. Минска информационный канал интернет-мессенджера «Telegram» – «NEXTA-Live» (t.me/nexta_live) и логотип «NEXTA» признаны экстремистскими материалами. Решение суда подлежит немедленному исполнению // Верховный суд Республики Беларусь. 2020. URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/685432b980d4453e.html (дата обращения: 13.11.2025).

пользовался для агитационной деятельности и оперативной координации участников с целью организации массовых беспорядков в период выборов в Государственную Думу РФ в 2021 г.¹;

– *идеологическая обработка и вербовка*. Экстремистские и террористические организации активно используют публичные каналы для распространения пропагандистских материалов, а приватные чаты – для индивидуальной вербовки и радикализации новых адептов, что подтверждается многочисленными уголовными делами².

2. *Функция медиаинкубатора деструктивных субкультур*. Платформа служит средством производства и распространения контента, системно деформирующего правосознание и ценностно-нормативные ориентации:

– *одобрение девиаций и романтизация криминала*. Telegram в силу своей структуры (каналы как СМИ, стикеры как язык субкультур, чаты как пространство для закрепления норм) предоставляет идеальную инфраструктуру для легитимации криминальных практик. Реализация функции медиаинкубатора деструктивных субкультур в Telegram является закономерным этапом эволюции криминального влияния новых медиа. Именно цифровые платформы стали основной средой для трансляции криминальных понятий и ценностей³. Отсутствие редакционной фильтрации и персонифицированная подача создают у аудитории иллюзию доверительного диалога, что много-

¹ Приговор администраторам Telegram-канала «Что делать?» вступил в силу // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22478565> (дата обращения: 13.11.2025).

² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. по делу № 225-АП/19-1 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Oa2NVn0IEBld/?ysclid=mtfldwl6cv592484689> (дата обращения: 10.08.2026) ; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 3 сентября 2019 г. по делу № 201-АП/19-36 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/PIox2iXGXFxE/?ysclid=mtfljuig5z897760900> (дата обращения: 10.08.2026) ; Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 30 октября 2024 г. по делу № 222-УД24-65-А6 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-30102024-n-222-ud24-65-a6/?ysclid=mtfljq7k9te523025321> (дата обращения: 10.08.2026) ; Администраторов Telegram-каналов заподозрили в распространении запрещенных идей // Lenta.ru. 2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/10/01/administratorov-telegram-kanalov-zapodozrili-v-rasprostraneni-zapreshchennyh-idey/> (дата обращения: 20.10.2025).

³ Клеймёнов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 75.

кратно усиливает суггестивное воздействие¹. Ранее маргинальные идеологии здесь получают формат массового, эстетически оформленного и повседневного контента, что приводит к снижению порога критического восприятия;

– *массированная дезинформация*. Публичные каналы функционируют как СМИ, целенаправленно тиражирующие фейковые новости, подрывающие доверие к государственным институтам, правоохранительным органам и армии². Механизм быстрого распространения создает альтернативную информационную реальность, которая может служить катализатором массовых беспорядков или оправданием противоправных действий.

3. *Функция криминального маркетплейса*. Платформа выступает в роли масштабируемой и доступной цифровой площадки для торговли запрещенными товарами и услугами:

– торговля веществами и оружием. Существуют многочисленные «каналы-витрины» с десятками тысяч подписчиков, открыто рекламирующие сбыт наркотиков (с использованием системы «закладок»), поддельных документов, оружия и боеприпасов³. Модель основана на системе каталогов, отзывов и автоматизированных ботов для приема заказов;

– параллельно с торговлей материальными запрещенными товарами в экосистеме Telegram сформировался и активно функционирует рынок криминальных медиауслуг, основой которого является систематическое вы-

¹ *Шпак А. А.* К вопросу о влиянии криминальной субкультуры на молодежь // *Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научно-практической конференции*. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2025. С. 226.

² *Мосгорсуд* признал законным приговор блогерам Наки и Карпуку по делу о фейках про армию РФ // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19523777> (дата обращения: 20.10.2025).

³ *Апелляционное* определение Курского областного суда от 26 февраля 2026 г. по делу № 22-137/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7Mxur1bmamHW/?ysclid=mt1f7la4me785776645> (дата обращения: 07.08.2026) ; *Апелляционное* постановление Пермского краевого суда от 18 февраля 2026 г. № 22-711/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QJgtjPs5Yow/?ysclid=mthcyqj8ey446121830> (дата обращения: 07.08.2026) ; *Transnational Organized Crime: Convergence of Illicit Markets in the Dark Web and Social Media* // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2024. URL: https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2024/TOC_Convergence_Report_2024.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

могательство. Бизнес-модель основана на использовании публикационной мощности каналов для шантажа публичных лиц и представителей бизнеса.

В эпоху традиционных СМИ механизмы информационного шантажа уже существовали, но в цифровой среде они приобретают черты институционализированной бизнес-модели, где компрометирующий контент становится товаром, а его публикация или удаление – предметом торга¹. Платформы мгновенного обмена сообщениями создают готовую инфраструктуру для совершения таких преступлений².

Классической схемой является публикация компрометирующих материалов с последующим требованием значительной денежной суммы (от сотен тысяч до десятков миллионов рублей) за их удаление или установление «блока» на будущие публикации³. Подобная деятельность, квалифицируемая правоохранительными органами по п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (вымогательство, совершенное организованной группой), получила широкое распространение, о чем свидетельствует целая серия громких уголовных дел в 2023–2024 гг.⁴ Так, администраторам каналов «Проект Сканер» и «Riddle» назначено наказание в виде 8 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 500 000 рублей за вымогательство. Администраторы Telegram-каналов опубликовали статьи о директоре Госкорпорации «Ростех» В. Бровко и его супруге Т. Канделаки, негативно освещающие их работу и личную жизнь; после потребовали передать им денеж-

¹ Гололобова Ю. И. Средства массовой информации и преступность: Криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 76–78.

² Хромов И. Л., Озеров К. И. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (оперативно-розыскная деятельность, криминологический анализ, противодействие) : монография. М. : Юриспруденция, 2024. С. 44–46.

³ Администраторов Telegram-каналов судят за вымогательства // Коммерсантъ. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6428797> (дата обращения: 13.11.2025).

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 2 августа 2023 г. по делу № 10-15274/2023 в отношении Слободенюка А. С., Москвина Е. В. и Малушенко В. И. // Архив Московского городского суда.

ные средства (470 000 рублей) за удаление данной информации, угрожая размещением новых порочащих их сведений¹.

Показательным случаем является приговор Басманного районного суда г. Москвы по делу администраторов Telegram-канала «Адские бабки» (журналист Александра Баязитова и медиатеchnолог Ольга Архарова): они были признаны виновными в вымогательстве денежных средств (420 000 и 1,2 млн рублей) у топ-менеджера Промсвязьбанка за блокировку негативных публикаций. Действия администраторов получили квалификацию по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ как вымогательство в целях получения имущества в особо крупном размере². Суд назначил наказания в виде 5 лет и 4 лет и 6 месяцев лишения свободы соответственно с отбыванием в колонии общего режима³.

Анализ указанных выше судебных актов позволяет выявить ключевые криминологические особенности данного вида противоправной деятельности. Во-первых, она носит преимущественно групповой характер, что отражено в квалифицирующих признаках ст. 163 УК РФ (организованная группа или группа лиц по предварительному сговору) и указывает на высокий уровень организованности, распределение ролей и повышенную общественную опасность. Во-вторых, в состав таких преступных формирований нередко входят лица, обладающие профессиональными компетенциями в сфере медиа, журналистики и цифровых технологий, что позволяет им эффективно создавать и продавать деструктивный контент, манипулировать общественным мнением и извлекать из этого криминальный доход. Таким образом,

¹ *Хамовнический* районный суд города Москвы вынес обвинительный приговор администраторам Telegram-каналов «Проект Сканер» и «Riddle» // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/news/hamovnicheskij-rajonnyj-sud-goroda-moskvy-vynes-obvinitelnyj-prigovor-administratoram-telegram-kanalov-proekt-skaner-i-riddle> (дата обращения: 13.11.2025).

² *В отношении* Александры Баязитовой и Ольги Архаровой вынесен приговор // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/news/v-otnoshenii-aleksandry-bayazitovoj-i-olgi-arharovoj-vynesen-prigovor?ysclid=mkv1s5b51s901156864> (дата обращения: 13.11.2025).

³ *Приговор* Басманного районного суда г. Москвы от 27 ноября 2023 г. № 10-12071/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/a21db760-1c07-11ef-a0f1-e122ddb5f5dc> (дата обращения: 13.11.2025).

платформа Telegram выступает не только каналом коммуникации, но и инфраструктурной основой для современных форм организованной вымогательской деятельности, где контент является одновременно инструментом шантажа и товаром.

Повышенная общественная опасность вовлечения в подобную деятельность лиц, обладающих профессиональными компетенциями, обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, журналист в глазах аудитории традиционно выступает носителем легитимного социального статуса, что создает кредит доверия к распространяемой им информации. Когда такой субъект использует свои профессиональные навыки для фабрикации компрометирующих материалов или систематического шантажа, деструктивный эффект многократно усиливается: аудитория, привыкшая воспринимать журналистский контент как результат проверки фактов и соблюдения этических стандартов, оказывается не готова к критической оценке заведомо манипулятивных публикаций.

Во-вторых, профессиональный журналист обладает специфическим набором компетенций (от навыков сбора и обработки информации до умения выстраивать нарратив и управлять вниманием аудитории), которые в случае их противоправного использования превращаются в высокоэффективный криминальный сценарий. В отличие от рядового пользователя, журналист способен придать сфабрикованному компромату внешне достоверную форму, имитирующую объективное расследование, что существенно повышает его шантажный потенциал и затрудняет разоблачение противоправного умысла.

В-третьих, принадлежность к профессиональному сообществу нередко обеспечивает доступ к закрытым информационным каналам, инсайдерским данным и экспертным оценкам, которые также могут быть использованы в противоправных целях. Кроме того, журналистская корпоративная солидарность иногда создает неформальные механизмы защиты от внешнего

контроля, позволяя нарушителям длительное время оставаться в тени и избегать ответственности.

Качественное изменение претерпел и сам процесс производства компрометирующего контента. Ключевой особенностью новых медиа в этом контексте является принципиальное упрощение фабрикации компромата: если ранее для шантажа требовались поиск реальных фактов биографии или скрытая съемка, то технологии искусственного интеллекта (ИИ) позволяют создавать заведомо ложные, но высокодостоверные материалы (дипфейки) в считанные минуты. Преступникам больше не нужно искать информацию для шантажа – достаточно ее сгенерировать.

Злоумышленники активно используют нейросети для создания фейковых аудио- и видеосообщений от лица знакомых, коллег или руководителей жертвы, а также генерации текстов угроз¹. В августе 2025 г. был зафиксирован показательный случай шантажа несовершеннолетней москвички в Telegram: угрозы и требования генерировались искусственным интеллектом, а не живым человеком². Приведенные факты свидетельствуют о становлении качественно новой формы противоправной деятельности – автоматизированного, масштабируемого шантажа, при котором криминальный контент не собирается, а генерируется с использованием искусственного интеллекта. Для создания дипфейка достаточно короткой аудиозаписи, способной убедить близких или коллег жертвы в подлинности подделки³.

В ноябре 2025 г. Московский городской суд признал запрещенной информацию о подделке голоса, размещенную в трех Telegram-ботах, указав,

¹ В Telegram мошенники используют ИИ для подделки коллег и друзей // Общественная служба новостей. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/yurist-solovev-v-telegram-moshenniki-ispolzuyut-ii-dlya-poddelki-kolleg-i-druzej/> (дата обращения: 13.02.2026).

² Россиян предупредили об использовании мошенниками ИИ для обмана // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/08/24/26564432.shtml?utm_auth=true (дата обращения: 13.02.2026).

³ В России запретили Telegram-боты, подделывающие голоса // Новостной портал ЦТЭП ИДУ. URL: <https://news.egov.itmo.ru/25-11-07-751.html> (дата обращения: 13.02.2026).

что свободный доступ к таким сервисам создает у граждан ощущение безнаказанности и подрывает авторитет власти¹. Данный случай демонстрирует, что платформа становится не только местом совершения преступлений, но и ареной для борьбы с технологической инфраструктурой, обеспечивающей эти преступления. Таким образом, эволюция вымогательства в Telegram идет по пути замены поиска реальных фактов их массовой и дешевой фабрикацией с помощью ИИ, что многократно повышает общественную опасность данной криминальной бизнес-модели;

– *рынок криминальных услуг и данных*. Помимо торговли материальными запрещенными товарами, в Telegram сформировался специализированный сегмент, ориентированный на предоставление цифровых криминальных сервисов. В соответствующих каналах и чатах предлагаются: базы персональных данных, полученные в результате утечек или несанкционированного доступа; инструментарий для совершения кибератак (вредоносное программное обеспечение, ботнеты, эксплойты); услуги по взлому учетных записей в социальных сетях и мессенджерах; изготовление дипфейков и иных синтетических медиаматериалов; посредничество в организации заказных преступлений, включая поджоги, порчу имущества и иные противоправные действия².

Доступность подобных услуг в сочетании с анонимностью платформы существенно снижает порог входа в киберпреступную деятельность, позволяя вовлекать в нее лиц, не обладающих специальными техническими познаниями.

4. *Функция средства для совершения преступлений*. Технологические возможности платформы не только облегчают преступную деятельность, но и в ряде случаев приобретают значение необходимого инструментария, без которого совершение конкретных посягательств становится за-

¹ Там же.

² *Transnational Organized Crime: Convergence of Illicit Markets in the Dark Web and Social Media* // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2024. URL: https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2024/TOC_Convergence_Report_2024.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

труднительным либо невозможным в существующем масштабе. Telegram в данной функции выступает не пассивной средой, а активным средством достижения преступного результата, что повышает общественную опасность совершаемых с его использованием деяний.

Наиболее показательным направлением является организация мошеннических схем. Через Telegram координируются масштабные кампании по социальной инженерии (например, звонки от имени сотрудника банка), SMS-мошенничества, а также управление сетью «закладчиков» наркотических средств¹. Платформа предоставляет готовый инструментарий – ботов для автоматизации фишинговых рассылок, приема платежей и обработки заказов, закрытые каналы для обмена базами данных и инструкциями.

Telegram все чаще используется для коммерциализации технологий искусственного интеллекта. Naotian (разработчик ПО для подмены лиц в режиме реального времени) продвигает свои услуги через публичный Telegram-канал с более чем 20 000 подписчиков². По данным аналитической компании Elliptic, четыре криптовалютных кошелька, связанных с Naotian, аккумулировали не менее 3,9 млн долларов США, половина платежей имела связи с мошенническими площадками³. Согласно исследованиям ООН по наркотикам и преступности (UNODC), в Юго-Восточной Азии идентифицировано более 10 инструментов подмены лиц, используемых киберпреступниками⁴.

¹ Приговор Ивдельского городского суда Свердловской области № 1-60/2024 по делу от 15 июля 2024 г. по делу № 1-60/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9SaeLUvOEFQP/?ysclid=mt1ho8enah258508229> (дата обращения: 10.08.2026) ; Апелляционное определение Курского областного суда от 26 февраля 2026 г. по делу № 22-137/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7Mxur1bmamHW/?ysclid=mt1f7la4me785776645> (дата обращения: 10.08.2026).

² *The Ultra-Realistic AI Face Swapping Platform Driving Romance Scams* // WIRED. 2025. URL: <https://www.wired.com/story/the-ultra-realistic-ai-face-swapping-platform-driving-romance-scams/> (дата обращения: 10.08.2026).

³ Там же.

⁴ UNODC. Transnational Organized Crime and the Convergence of Cyber-Enabled Fraud, Underground Banking, and Technological Innovation: A Shifting Threat Landscape. 2024. URL: <https://www.unodc.org/roseap/en/2024/10/cyberfraud-industry-expands-southeast-asia/story.html> (дата обращения: 12.08.2026).

По данным правоохранительных органов, совокупный ущерб от преступлений, организованных через мессенджеры, исчисляется сотнями миллиардов рублей¹.

Функция средства для совершения преступлений реализуется через технологические возможности платформы. Согласно пункту 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37, доступ к информационно-телекоммуникационным сетям может осуществляться с использованием мессенджеров и специальных приложений социальных сетей².

Опасность Telegram заключается не в простой сумме криминогенных функций, а в их синергии. Вербовка через медиаинкубатор пополняет ряды преступных групп, чья деятельность координируется через центр, обеспечивается инструментарием и монетизируется через маркетплейс. Данная замкнутая экосистема обеспечивает полный цикл криминальной деятельности, делая платформу уникальным по своей мощи криминогенным фактором.

Платформа функционирует как полноценный криминальный рынок. Торговля обеспечивается через подтверждение доставки товара, поручительство, закреплённые правила и автоматизированных ботов³. Выводы о криминогенной роли Telegram находят прямое подтверждение в результатах проведенного эмпирического исследования, включавшего количественный и качественный контент-анализ публикаций в ключевых Telegram-каналах.

¹ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 18 февраля 2026 г. по делу № 22-711/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QJgtjFPs5Yow/?ysclid=mtlg6qt677187976031> (дата обращения: 10.08.2026) ; *Telegram* и WhatsApp* стали инструментом для организации преступлений // Комсомольская правда. 2025. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6521152/> (дата обращения: 20.10.2025).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3.

³ Ricaldi R., Marjanov T., Allodi L., & Hutchings A. (2025). Uncovering the Trust Signals Supporting Telegram's Cybercrime Economy. In Proceedings of the 2025 APWG Symposium on Electronic Crime Research (eCrime). P. 3.

Полученные эмпирические данные согласуются с теоретическими выводами о криминогенном потенциале платформы Telegram. Проведенный ранее анализ публикаций об актах скулшутинга показал, что освещение резонансных преступлений в Telegram-каналах обладает кумулятивным криминогенным эффектом, выходящим за рамки простого информирования¹. Качественный анализ освещения нападения на школу в г. Одинцово (декабрь 2025 г.) подтвердил имеющиеся выводы.

Данные количественного анализа активности крупнейших в России Telegram-каналов («Топор +», «Топор Live», «BAZA») за ноябрь 2025 г. (прил. 3, табл. 3.1) свидетельствуют не просто о наличии криминального контента, а о его системообразующей роли в экономических моделях каналов. Лидирующий удельный вес криминальной тематики в канале «BAZA» (35,0 %) является прямым индикатором того, что криминальная повестка выступает здесь ключевым товаром, целенаправленно используемым для максимизации вовлеченности аудитории в соответствии с декларируемой политикой «правды и эмоций». Диспропорция между каналами («Топор +» – 16,4 %, «Топор Live» – 12,3 %) отражает различные редакционные стратегии: от селективной сенсационности до модели информационного конвейера. Факт устойчиво высокой доли такого контента во всех крупнейших Telegram-каналах подтверждает базовый тезис о криминогенности как структурном свойстве платформы, формирующем устойчивый спрос и, соответственно, предложение (прил. 3).

Качественный анализ резонансного события: реализация криминогенного цикла в режиме реального времени. Более детальную картину работы криминогенных механизмов предоставляет качественный контент-анализ освещения нападения на школу в Одинцово (прил. 4). Анализ выявил не только нарушение этических норм, но и полноценную реализацию криминогенного цикла, где функции платформы используются синергетически:

¹ *Шнак А. А.* Криминогенность СМИ на примере публикаций об актах скулшутинга // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2025. Т. 22, № 2. С. 101–103.

– *функция медиаинкубатора* деструктивных идеологий проявилась в беспрецедентно быстром и широком распространении идеологического контекста преступления. Telegram-каналы (А, В, С, D, F, G) оперативно публиковали символику и атрибутику преступника (нацистские лозунги, коловрат), а каналы В, С и G цитировали или ретранслировали содержание манифеста преступника «Мой Гнев» – это не информирование, а процесс идеологической упаковки и стремительного распространения деструктивных тезисов, обеспечиваемым технологией моментального вещания на миллионные аудитории;

– *функция криминального маркетинга* была продемонстрирована в форме монетизации преступного акта и его образа. Публикация селфи преступника на фоне жертвы (Telegram-каналы В, С, F, G), фотографии орудия преступления и видеофрагментов нападения трансформировала трагедию в товар, обмениваемый на вовлеченность и внимание. Наиболее показательным стал зафиксированный Telegram-каналом С феномен отправки десятков платных подарков (донатов) преступнику на его личную страницу (в Telegram), сопровождавшихся комментариями «Легенда», «Бог» и др. Данный факт – прямое доказательство формирования рынка символического одобрения насилия, где финансовая транзакция внутри платформы легитимизирует преступника;

– *функция координационного центра и формирования сообщества* проявилась в интерактивной реакции аудитории, которая вышла за рамки пассивного потребления. Упомянутые донаты и одобрительные комментарии свидетельствуют о консолидации маргинального сообщества, использующего инструменты платформы (чаты, реакции, донаты) для выражения солидарности с девиантной позицией. Преступник начинает восприниматься не как нарушитель закона, а как культовая фигура внутри цифрового сообщества;

– *функция инструментария* для дестабилизации дискурса была реализована через конструирование спекулятивных нарративов рядом

Telegram-каналов (А, С, F, G). Акцент на национальности жертвы, противопоставление действий преступника и преступлений мигрантов, критика системы безопасности – все это работало на смещение фокуса с индивидуального преступления в плоскость межнационального и социального конфликта. Таким образом, платформа использовалась не для анализа, а для инженерии социальной напряженности, предоставляя инструментарий для фрагментации общественного мнения (прил. 4).

Синтез эмпирических данных позволяет сделать вывод о том, что Telegram в ходе освещения резонансного преступления функционирует как гибридная среда, обеспечивающая замкнутую последовательность криминогенных этапов: от первичного распространения деструктивной идеологии, через ее медийное оформление и превращение в товар, к формированию вокруг нее устойчивого сообщества, монетизации внимания и, наконец, к целенаправленной дестабилизации публичного дискурса.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Платформа Telegram в современной медиасреде представляет собой гибридную криминальную среду платформенного типа. Криминогенный потенциал платформы обусловлен не содержанием, а ее архитектурой: анонимностью, сквозным шифрованием, массовостью и минимальным уровнем модерации. Указанные свойства создают условия для формирования устойчивой криминальной субкультуры и координации противоправной деятельности.

Криминогенный потенциал Telegram реализуется через четыре взаимосвязанные функции: криминального маркетплейса (торговля запрещенными товарами и услугами), координационного центра (планирование и управление преступной деятельностью), средства совершения преступлений (инструментарий для противоправных действий) и медиаинкубатора деструктивных субкультур (одобрение девиаций, романтизация криминала, дезинформация).

Эмпирический контент-анализ освещения резонансного преступления подтвердил системный характер криминогенного воздействия платформы: зафиксированы вирализация манифеста преступника, отправка ему платных подарков (донатов) с одобрительными комментариями, а также конструирование спекулятивных межнациональных и социальных нарративов.

§ 4. Треш-стриминг и деструктивный блогинг

Современная медиасреда создает не только инфраструктурные угрозы, но и порождает качественно новые форматы девиантного контента, трансформирующиеся в устойчивые криминогенные бизнес-модели. В криминологическом аспекте треш-стриминг и деструктивный блогинг выступают в качестве детерминант насильственной преступности – условий, которые сами по себе не являются непосредственной причиной преступлений, но создают благоприятную среду для их совершения, формируют мотивацию и снижают порог допустимости противоправного поведения¹. Общественная опасность треш-стриминга как феномена негативной девиации в интернете заключается в его криминологических, психологических и социальных последствиях, среди которых пропаганда насилия, эксплуатация уязвимых групп и формирование деструктивных поведенческих моделей у молодежи². Треш-стримы представляют собой интерактивную практику видеотрансляций онлайн-трансляции, основанной на монетизации шокового контента, насилия, жестокости и унижения человеческого достоинства. Именно в треш-стриминге

¹ *Криминология* : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 5-е изд. М. : Норма, 2019. С. 215–220.

² *Рябцева О. Н., Еникеева С. З.* Треш-стриминг как феномен негативной девиации в Интернете: юридико-социологический аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 3. С. 143.

наиболее отчетливо проявляется криминогенный потенциал интерактивности и алгоритмического продвижения, присущий новым медиа.

Треш-стриминг выступает закономерным продуктом цифровой медиасреды, где доминирующей экономической логикой становится монетизация внимания и эмоциональных реакций аудитории. В условиях конкурентной борьбы за просмотры и донаты эпатаж и нарушение социальных табу становятся наиболее эффективными, хотя и социально деструктивными, стратегиями удержания аудитории. Ключевым признаком треш-стриминга, отличающим его от традиционной демонстрации насилия в медиа, является его интерактивный и финансово стимулируемый характер: жестокое или унижительное действие не просто транслируется, а совершается в реальном времени по прямому запросу и за финансовое вознаграждение от зрителей. В научной литературе треш-стриминг определяется как вид прямого эфира, ведущий которого совершает над собой или гостями опасные для здоровья, эпатирующие, унижительные и тому подобные действия, обычно с целью получения денежного вознаграждения (донатов) со стороны зрителей¹. Законодательное определение треш-стриминга до сих пор не выработано, а сами трансляции сопряжены с насилием, оскорблениями, унижением человеческого достоинства и причинением вреда жизни и здоровью².

Экономико-психологический механизм данной модели основан на порочном круге эскалации: для получения стабильного дохода (донатов) стример вынужден постоянно повышать «дозу» шока и жестокости, чтобы преодолеть предыдущие трансляции и удовлетворить растущие запросы аудито-

¹ Писаревская Е. А., Дворжицкая М. А., Маланьин А. А., Савельева Д. Е. Треш-стриминг: проблемы уголовно-правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2024. С. 313; Грачёва Ю. В., Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 204; Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В. Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 138; Жаров К. А. Треш-стримы: уголовно-правовые аспекты // Современный ученый. 2023. № 6. С. 298; Капитанова Е. А. Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации // Уголовное право. 2024. № 2. С. 24.

² Берестовой А. Н. Вопросы криминализации девиантного поведения в сети Интернет (уголовно-правовой аспект) // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 4 (107). С. 98.

рии. В свою очередь, аудитория, финансируя такие действия, получает иллюзию власти и замещающий катарсис, что психологически привязывает ее к стримеру и нормализует девиантное поведение. Таким образом, формируется устойчивая криминогенная среда, где технологические возможности платформы, экономическая мотивация создателя контента и социально-психологические потребности аудитории взаимно усиливают друг друга.

Криминологический анализ треш-стриминга позволяет выделить его в качестве детерминанты насильственной преступности, поскольку он создает условия для формирования у аудитории установок на допустимость агрессивного и противоправного поведения. Общественная опасность данного явления выражается в пропаганде насилия, эксплуатации уязвимых групп и формировании деструктивных поведенческих моделей у молодежи, которые впоследствии могут реализовываться в конкретных преступлениях.

Э. С.-М. Ахъядов относит треш-стримеров (киберхулиганов) к отдельному типу инфопреступников. Основной мотив таких лиц – устрашение конкретного лица или населения в целом, а цель – запугать, оскорбить, унижить или преследовать других людей в информационном пространстве¹.

В криминологии треш-стриминг как феномен может быть осмыслен через теоретические конструкции, объясняющие механизмы усвоения девиантных моделей поведения. Теория социального научения А. Бандуры позволяет понять, почему демонстрация жестокости в интерактивном формате оказывает более сильное воздействие, чем в традиционных СМИ. Если в классической модели зритель являлся пассивным наблюдателем, то в треш-стриминге он выступает непосредственным участником: донат (отправленный в режиме реального времени) служит прямым стимулом для эскалации насилия².

¹ Ахъядов Э. С.-М. Концептуальные основы противодействия преступлениям, посягающим на безопасность информационного пространства в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Грозный, 2026. С. 18.

² Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1977. 247 p.

Теория культивации Д. Гербнера объясняет долгосрочный эффект воздействия треш-стриминга на массовое сознание¹. Систематическое потребление контента, в котором насилие и унижение человеческого достоинства подаются как норма, постепенно формирует у аудитории искаженные представления о социально допустимых моделях поведения. Эффект культивации в сетевой среде усиливается за счет алгоритмического продвижения шок-контента и феномена информационного пузыря, что приводит к снижению эмоциональной чувствительности и нормализации жестокости.

Для выявления универсальных структурных элементов данной бизнес-модели обратимся к сравнительному анализу ключевых примеров (прил. 5).

1. *Эскалация насилия*: Кирилл Зырянов (VJLink). Деятельность стримера демонстрирует ранние стадии формирования криминогенной модели в российском цифровом пространстве. Начав с провокационных, но относительно маргинальных действий (публичные истерики, разрушение техники в кадре), его контент эволюционировал к организации реального психологического и физического насилия над людьми. Наиболее показательными являются два эпизода.

Первый случай связан с систематическим издевательством над 47-летним мужчиной Эдуардом, имеющим инвалидность. В ходе многодневной прямой трансляции в 2021 г. Кирилл Зырянов за денежные вознаграждения (донаты) от зрителей постоянно спаивал потерпевшего крепким алкоголем. Аудитория целенаправленно заказывала громкую музыку, лишая инвалида сна, что в совокупности с алкогольной интоксикацией спровоцировало у него эпилептический припадок. Несмотря на прямую трансляцию конвульсий, стример не оказал своевременной помощи, продолжая вести эфир ради монетизации зрелища². Хотя потерпевший остался жив, а правоохранные органы не усмотрели состава преступления из-за отсутствия заявления, данный

¹ Gerbner G. Living with Television: The Dynamics of the Cultivation Process / G. Gerbner, L. Gross, M. Morgan, N. Signorielli // Perspectives on Media Effects / Ed. By J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale, N. J. : Lawrence Erlbaum Associates, 1986. Pp. 17–40.

² *Стример VJLink устроил пьяный стрим с избиением инвалида* // НТВ. 2021. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2512604/> (дата обращения: 01.11.2025).

случай наглядно иллюстрирует превращение физического страдания уязвимого лица в товар, оплачиваемый аудиторией.

Второе событие демонстрирует использование скрытой трансляции для унижения человеческого достоинства. Стример пригласил домой женщину-парикмахера и, включив скрытую камеру, предложил зрителям в прямом эфире придумывать способы психологического давления и унижения в отношении гостя¹. Подобные действия, балансирующие на грани оскорбления и вмешательства в частную жизнь, выполняли роль социального эксперимента, легитимизирующего переход от вербальной агрессии в чатах к реальным действиям, направленным на подавление воли жертвы.

Дополнительный контекст деятельности Кирилла Зырянова (участие в стримах с приковыванием человека к батарее, избивание девушки в Таиланде в прямом эфире, трансляция хирургической операции (увеличение полового органа – онлайн-показ для многотысячной аудитории) свидетельствуют о системном характере нарушений². Условиями, способствовавшими эскалации, выступили технические возможности платформ Twitch и YouTube с низким порогом модерации, прямая экономическая зависимость дохода стримера от объема донатов, а также сформировавшийся запрос аудитории на асоциальный и жестокий контент. В данном примере треш-стриминг проявился как механизм культивации жестокости как у самого стримера, чьи моральные ограничения стирались под влиянием финансового поощрения, так и у зрителей, чьи девиантные запросы получали немедленное удовлетворение через систему донатов.

2. *Латентная манипуляция*: Андрей Бурим (Mellstroy). Данный пример иллюстрирует, как криминогенный контент маскируется под развлекательный формат, балансируя на грани преступления. Как уже отмечалось ранее, при-

¹ *Треш-стримеры: зачем им чужая смерть в прямом эфире* // РЕН ТВ. 2023. URL: <https://ren.tv/longread/1144864-tresh-strimery-kto-takie-i-kak-ikh-khotiat-privlekat-k-otvetstvennosti> (дата обращения: 01.11.2025).

² *Полицейские отпустили приковавшего мужчину к батарее треш-стримера* // РЕН ТВ. 2021. URL: <https://ren.tv/news/kriminal/910243-izobrazhaet-korolia-sosedi-o-prikovavshem-k-bataree-muzhchinu-strimere> (дата обращения: 01.11.2025).

говором мирового судьи Андрей Бурим признан виновным по ст. 116 УК РФ за побои, нанесенные в прямом эфире, что подтвердило публичный и демонстративный характер насилия¹.

Экономическая модель стримера построена на двойной монетизации: прямой (донаты зрителей во время трансляции) и косвенной (многомиллионные рекламные контракты с онлайн-казино и букмекерскими конторами). В 2025 г. стример запустил собственное онлайн-казино, продвигаемое через масштабные розыгрыши, а в ноябре того же года он был объявлен в международный розыск правоохранительными органами Казахстана за организацию незаконной рекламной кампании игорного бизнеса². Данная модель создает прямую финансовую заинтересованность в эскалации конфликтов и унижений, превращая насилие в товар, а аудиторию в заказчика и соучастника.

Ключевым индикатором устойчивости модели выступает миграция между платформами. После бессрочных блокировок на Twitch, YouTube и Trovo за систематические нарушения (пропаганда азартных игр, насильственный контент) Андрей Бурим сохранил высокую активность на Kick, Telegram, Instagram³ и TikTok, продолжая привлекать многомиллионную аудиторию. Данная кросс-платформенная мобильность демонстрирует недостаточность точечных ограничительных мер и подтверждает необходимость воздействия на самую экономическую основу криминогенной бизнес-модели, а не на отдельные каналы ее дистрибуции.

3. Летальные последствия и переход виртуальной жестокости в реальность: Станислав Решетняк. Данный пример демонстрирует предельную

¹ *Приговор* Пресненского районного суда г. Москвы от 09 июля 2021 г. № 10-0007/2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/appeal-criminal/details/07d05860-0fb3-11ec-b7eb-29b38580e904?participant=Бурим+А.+> (дата обращения: 10.12.2025).

² *Блогер Mellstroy объявлен в розыск в Казахстане: АФМ раскрывает ключевые детали* // Zakon.kz. 2025. URL: <https://www.zakon.kz/sobytiia/6498023-blogger-Mellstroy-obyavlen-v-rozysk-v-kazakhstane-afm-raskryvaet-klyuchevye-detali.html> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

реализацию криминогенного потенциала треш-стриминга, когда интерактивная среда и экономические стимулы приводят к смерти человека.

В декабре 2020 г. в ходе прямой трансляции на YouTube Станислав Решетняк в состоянии алкогольного опьянения избил свою 27-летнюю подругу Валентину Григорьеву, после чего выставил ее на балкон. Вернув девушку обратно по настоянию зрителей, он обнаружил ее без сознания. Прибывшие медицинские работники констатировали смерть от закрытой черепно-мозговой травмы¹. Трансляция при этом продолжалась еще около двух часов на фоне тела погибшей.

Экономическая модель стримера является классической для треш-стриминга: прямая монетизация через донаты зрителей, которые фактически заказывали конкретные формы издевательств (включая распыление перцового баллончика в лицо девушки)². Насилие и унижение человеческого достоинства были превращены в товар, а аудитория через систему донатов выступала соучастником, стимулируя эскалацию жестокости.

Системный характер угрозы подтверждается тем, что гибель Валентины Григорьевой не была случайным эксцессом, а явилась закономерным итогом многомесячной практики издевательств: стример систематически приглашал девушку на трансляции, где подвергал ее унижениям и физическому насилию за денежные вознаграждения. Станислав Решетняк был осужден приговором Раменского городского суда Московской области от 27 апреля 2021 г. по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 5 годам 11 месяцам лишения свободы³.

Судебный приговор констатировал причинно-следственную связь между умышленным причинением тяжкого вреда здоровью и наступившей смер-

¹ Суд отправил за решетку блогера, у которого во время стрима на YouTube умерла девушка // 161.ru. 2021. URL: <https://161.ru/text/criminal/2021/04/27/69888983/> (дата обращения: 10.12.2025).

² Девушка умерла на стриме ради донатов. Блогер Reeflay уже имел дурную славу – теперь ему грозит уголовка // 360.ru. 2020. URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/umerla-na-strime/> (дата обращения: 10.12.2025).

³ Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 5 февраля 2024 г. по делу № 22-231/2024. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

тью, установив правовые основания для квалификации подобных действий, совершаемых в цифровом контексте¹.

4. *Легитимация криминальной субкультуры*: Сергей Новик (Мопс, Дядя Пёс). В отличие от стримеров, эволюционировавших от игрового контента к провокационному, деятельность Сергея Новика изначально была выстроена вокруг симбиоза маргинальной субкультуры (тюремных понятий) и монетизации (донатов) насилия. Стример, проведший 27 из 46 лет жизни в местах лишения свободы, совместно с Андреем Щадило создал канал «Мопс дядя Пёс», заложивший основы российского треш-стриминга как жанра.

Ключевым элементом модели стал преЙскурант насилия – детализированный список унижений и побоев с фиксированной стоимостью. Расценки включали: щелбан – 100 рублей, удар шматком сала – 500 рублей, удар по голове – 700 рублей, несильный удар током – 2000 рублей, выстрел в голову из травматического пистолета – 50 000 рублей². Крупные суммы зрители собирали коллективно, наблюдая за прогрессом на экране, что превращало насилие в интерактивный аттракцион. За несколько часов эфира стримеры могли зарабатывать до 200 тысяч рублей³. Данная практика трансформировала физическое унижение в стандартизированный рыночный продукт, где криминальные ценности (тюремный жаргон, понятия, воровская романтика) не просто транслировались, а монетизировались.

Экономическая модель Сергея Новика была основана на донатах и не включала рекламных интеграций, характерных для более поздних треш-стримеров. К моменту его смерти в декабре 2019 г. аудитория канала превысила 500 тысяч подписчиков⁴.

¹ В Московской области суд вынес приговор по уголовному делу в отношении блогера, нанесшего смертельную травму женщине // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e644220/> (дата обращения: 17.12.2025).

² *Смерть* в прямом эфире, избиения детей и издевательства за 2 миллиона рублей: Как и сколько зарабатывают треш-стримеры в России // Комсомольская правда. 2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/27497/4757222/> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Там же.

⁴ Там же.

Криминологическое значение данного примера состоит в том, что Сергей Новик выступил первопроходцем, легитимизировавшим саму бизнес-модель монетизации унижений и побоев в прямом эфире. Деятельность стримера оставалась вне поля зрения правоохранительных органов и сформировала запрос аудитории, на котором впоследствии выросли более радикальные формы треш-стриминга.

5. *Подрыв социальных институтов*: эксплуатация семьи. Отдельный вектор криминогенного воздействия треш-стриминга связан с атакой на фундаментальный институт общества – семью, это демонстрируют примеры Николая Белова, а также Людмилы и Андрея Яшиных (Гобзавр и Людмурик):

– Николай Белов – треш-стример, получивший прозвище «Король треша» за систематические издевательства над собственными родителями в прямом эфире. Экономическая модель стримера строилась исключительно на донатах: за денежное вознаграждение от зрителей он избивал мать, разбивал яйца о голову отца, выполнял унижительные квесты¹. За 1000 рублей он дважды ударил мать по лицу². Позднее стример переехал к сожительнице Ольге и продолжил устраивать треш-трансляции уже с ее участием, мазал лицо фекалиями и совершал иные шокирующие действия³. Данный пример демонстрирует коммодификацию родственных связей: систематическое физическое и психологическое насилие над близкими, находящимися в зависимом положении, превращаются в стандартизированный рыночный продукт, оплачиваемый аудиторией. Характерно, что его деятельность не получила адекватной правовой оценки, что свидетельствует о латентности данной формы криминогенного воздействия на ранних этапах формирования жанра;

– Людмила и Андрей Яшины (Гобзавр и Людмурик) представляют собой уникальный феномен симбиотической девиантной системы, целена-

¹ *Маргинальный хоррор во плоти: почему треш-стримы все еще популярны* // Пост-ньюс. 2023. URL: <https://postnews.ru/a/25963> (дата обращения: 20.11.2025).

² *Донаты за садизм. Кто такие треш-стримеры и как найти на них управу* // Aif.ru. 2021. URL: https://aif.ru/society/web/donaty_za_sadizm_kto_takie_tresh-strimery_i_kak_nayti_na_nih_upravu (дата обращения: 20.11.2025).

³ Там же.

правленно атакующей семейные ценности через инцест-эпатаж и системное взаимное насилие. С 2013 г. Яшины вели трансляции на YouTube, где за донаты распивали алкоголь, а в ряде эпизодов сын избивал мать-пенсионерку в прямом эфире¹. На одном из стримов Гобзавр (Андрей Яшин) на камеру избивал мать, после чего мирился с ней, целуясь в губы². Многочисленные жалобы пользователей указывали, что стримеры подрывают основы семейных отношений и нравственно растлевают подростков³. В декабре 2023 г. Советский районный суд Челябинска по иску прокуратуры признал их видеоматериалы экстремистскими, постановил удалить видео с демонстрацией насилия и ограничить доступ несовершеннолетних к оставшемуся контенту⁴.

Криминологическое значение обоих примеров состоит в том, что они отображают способность треш-стриминга эксплуатировать и разрушать базовые социальные институты, превращая семейные отношения в товар. Если Николай Белов действовал по модели «агрессор – жертва», то Яшины реализовали модель «симбиотического соучастия», где обе стороны добровольно участвовали в монетизации девиаций. В совокупности данные примеры подтверждают, что треш-стриминг представляет собой системную угрозу, способную поражать все уровни социальной организации – от межличностных отношений до фундаментальных институтов общества.

6. *Посягательство на государственные символы*: Степан Скоффин (Скоффи). Деятельность стримера знаменует собой новый вектор в эволюции криминогенного контента – публичные действия, направленные на подрыв символического суверенитета государства. Публичное осквернение государственного флага Российской Федерации за донат в 1000 рублей является де-

¹ Челябинский суд вынес решение по делу семьи треш-стримеров Гобзавра и Людмурика // Ura.ru. 2023. URL: <https://ura.news/news/1052717230> (дата обращения: 20.11.2025).

² Стример избил мать, но она говорит – это норма // 360.ru. 2019. URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/populjarnost-s-durnym-zapahom/?ysclid=mo4i45vyqy438440348> (дата обращения: 23.11.2025).

³ Там же.

⁴ Маргинальный хоррор во плоти: почему треш-стримы все еще популярны // Постньюс. 2023. URL: <https://postnews.ru/a/25963> (дата обращения: 23.11.2025).

монстративно-неуважительным действием, совершенным из хулиганских побуждений¹. При квалификации учитываются разъяснения, содержащиеся в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2007 № 45: грубое нарушение общественного порядка выражает явное неуважение к обществу, а суд учитывает способ, время, место и интенсивность действий². Осквернение флага за донат в целом соответствует критериям, закрепленным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. При этом специфика экономических механизмов новых медиа, где зритель заказчик, а стример исполнитель, может быть учтена при дальнейшем совершенствовании правоприменительной практики. Данный инцидент демонстрирует способность криминогенной бизнес-модели треш-стриминга затрагивать сферу публично-правовых отношений.

Конкретное противоправное действие совершается за фиксированную сумму доната, зритель выступает прямым заказчиком, стример – исполнителем. Данный пример наглядно демонстрирует, что экономические механизмы новых медиа способны провоцировать преступления, посягающие не только на личность, но и на государственные символы и публичный порядок.

Анализ примеров позволяет констатировать, что треш-стриминг представляет собой не просто набор маргинальных инцидентов, а системную антисоциальную практику. Данный вывод согласуется с доктринальными подходами, развиваемыми в современной криминологической литературе. Ю. Е. Федорова и Э. И. Низамова отмечают, что ключевым фактором распространения экстремальных практик в треш-стримах является финансовая мотивация организатора³. Р. Б. Асадов акцентирует внимание на необходимости правовой оценки действий зрителей, осуществляющих финансовое стимули-

¹ В Ленинградской области задержали блогера, сорвавшего флаг России // РИА. 2025. URL: <https://ria.ru/20250620/blogger-2024411383.html?ysclid=mhmk797swm411564716> (дата обращения: 17.10.2025).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2024 № 36) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

³ Федорова Ю. Е., Низамова Э. И. Треш-стриминг как феномен негативной девиации в Интернете: юридико-социологический аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 3. С. 140–148.

рование насильственного контента посредством донатов, и предлагает рассматривать такое целевое финансирование как форму соучастия¹. Указанные подходы подтверждают обоснованность вывода о трехзвенной системе криминогенного воздействия (платформа – стример – соучаствующая аудитория).

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на различия в конкретных поведенческих проявлениях, деятельность упомянутых треш-стримеров объединяет универсальная структурная основа, ее образуют: экономический двигатель в виде прямой монетизации девиаций через донаты; интерактивный механизм, трансформирующий аудиторию в заказчика и участника; стратегия постоянной эскалации жестокости для удержания внимания; использование правовых лакун и технологическая миграция для уклонения от регулирования. Анализ выявил типологию криминогенных векторов: от индивидуальной жестокости и эскалации уязвимых через легитимацию криминальных субкультур и подрыв института семьи до посягательства на государственные символы. Фатальные случаи являются закономерным, а не случайным итогом работы данной системы. Треш-стриминг представляет собой не набор маргинальных инцидентов, а системную антисоциальную практику и устойчивую криминогенную бизнес-модель, детерминированную самой логикой цифровой экономики внимания и способную генерировать угрозы на всех уровнях социальной организации – от межличностного до публично-государственного.

В отличие от публичной модели треш-стриминга, построенной на прямом интерактивном действии и сиюминутном шоке, в среде новых медиа сформировалась иная криминогенная практика – **деструктивный блогинг**. Общим для обеих практик является их способность к алгоритмическому усилению². Если стример монетизирует жестокость как перформанс, то деструктивный блогер превращает в товар нарратив саморазрушения, личную траге-

¹ Асадов Р. Б. От шуток до преступлений: трансформация девиантного поведения в Интернете // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 2. С. 160–173.

² Демидова-Петрова Е. В. Криминологический нейросетевой мониторинг социальных сетей в целях выявления деструктивного контента // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 4. С. 510.

дию, психическую деформацию и открытый правовой нигилизм. Основным инструментом выступает не физическое действие в реальном времени, а латентная манипуляция, осуществляемая под маской искренности или борьбы с системой. Платформой для данной модели в полной мере выступает Telegram, предоставляющий инструменты для формирования закрытых сообществ и монетизации внимания.

Криминогенная сущность деструктивного блогинга заключается в том, что блогеры, выступая лидерами общественного мнения в цифровой среде, используют манипулятивные речевые стратегии, которые при определенных условиях трансформируются в вербальные преступления – публичные призывы, оправдание и романтизацию насилия, нормализацию вражды и дискриминации¹. При этом статус лидера мнения существенно усиливает общественную опасность соответствующих высказываний, поскольку аудитория воспринимает их как легитимные и достойные подражания². В криминологическом аспекте деструктивный блогинг выступает в качестве детерминанты преступности, поскольку систематическое распространение контента, оправдывающего насилие, правовой нигилизм или иные формы девиантного поведения, формирует у аудитории искаженные ценностные ориентиры и снижает порог допустимости противоправных действий³.

Сущность деструктивного блогинга заключается в коммодификации девиантного опыта. Глубоко личные проблемы: наркозависимость, суицидальные попытки, психические расстройства, криминальное прошлое, бытовая агрессия – систематически упаковываются в контент, становясь ядром персонального бренда. Экономическая модель также основана на монетиза-

¹ Асадов Р. Б. Манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в структуре состава вербальных преступлений // Административное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 6–8 ; Приговор № 1-67/2020 от 2 января 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zNzhbe59AqU/?ysclid=mt1hv9rq3k964158652> (дата обращения: 07.08.2026).

² Асадов Р. Б. Манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в структуре состава вербальных преступлений. С. 12–14.

³ Червонных Е. В. Указ. соч. С. 197.

ции вовлеченности (реклама, донаты, платные подписки), но финансовый успех здесь напрямую зависит от способности создавать и поддерживать нарратив хронического кризиса и противостояния социальным нормам.

Можно выделить два основных типа деструктивного блогинга.

1. Модель саморазрушения («интровертированная»): коммодификация саморазрушения (пример Юлии Максимовской (Финесс)). Деятельность Финесс является примером реализации функции медиаинкубатора деструктивных субкультур, где криминогенное воздействие осуществляется через систематическую нормализацию тяжелейших форм девиаций:

– одобрение патологии: Финесс трансформирует клинические состояния (психические расстройства, наркозависимость) и криминальный опыт в основной сюжет своего контента¹. Публикация подробностей суицидальных попыток, заявления о желании оказаться в тюрьме («просто хочу в тюрьму, потому что представляю угрозу») под видом откровенности создают у аудитории иллюзию обыденности и героизацию саморазрушения, что приводит к размыванию восприятия общественной опасности подобных действий²;

– экономика девиаций: бизнес-модель, построенная на монетизации многотысячной аудитории через рекламные интеграции, создает порочный круг стимуляции. Доход напрямую коррелирует с уровнем скандальности и эмоциональной заряженности контента. Подобная модель демонстрирует, как деструктивный контент в социальных медиа формирует криминогенные ситуации, воздействуя на личность через механизмы нормализации девиаций и искажения социальных норм³. Последствиями такого воздействия становятся искаженное восприятие социальных норм; формирование устано-

¹ Юлия Финесс признана невменяемой: кадры тяжелой жизни треш-блогерши // MK.RU. 2023. URL: <https://www.mk.ru/photo/gallery/35342-694558.html> (дата обращения: 17.10.2025).

² «Я недостойна»: Юлия Финес – откровенное интервью после двух лет молчания // VC.RU. 2025. URL: <https://vc.ru/id5219057/2206333-yuliya-fines-otkrovennoe-intervyu-o-zavisimosti?ysclid=mgyt8gsza554550418> (дата обращения: 17.10.2025).

³ Червонных Е. В. Указ. соч. С. 198.

вок на оправдание противоправного поведения; снижение терпимости и рост агрессии¹. Каждая новая личная трагедия или рецидив становится товаром, повышающим вовлеченность и, следовательно, финансовую отдачу. Таким образом, девиация получает прямое экономическое подкрепление;

– криминогенный эффект: подобный контент играет роль скрытого криминогенного внушения. У аудитории, особенно у уязвимых подростков и молодых людей, формируется установка, что тяжелые психические состояния и противоправные побуждения – это не проблема, требующая помощи, а основа для медийной идентичности и источника дохода. Происходит эрозия инстинкта самосохранения и социальной ответственности.

В 2022 г. Юлию Максимовскую привлекли к уголовной ответственности за хулиганство после инцидента в московском ресторане быстрого питания. В отношении нее было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 213 УК РФ за появление с ножом и угрозы посетителям². Происходящее она снимала на видео и публиковала в своем Telegram-канале.

2. Модель правового нигилизма («экстравертированная»): романтизация образа «успешного преступника» (пример Георгия Дзугкоева). Если Финесс героизирует жертву системы, то Дзугкоев выстраивает образ сильной личности, бросающей вызов обществу через открытое, демонстративное пренебрежение нормам:

– правовой нигилизм: контент блогера (издевательства над пожилыми людьми, кражи в магазинах, демонстрация употребления запрещенных веществ, непристойное поведение в общественных местах) служил наглядным пособием по вседозволенности³. Ключевой посыл – успех и социальное

¹ Там же.

² *Об избрании* меры пресечения в виде заключения под стражу от 11 ноября 2022 г. по делу № 3/1-0188/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/dorogomilovskij/services/cases/criminal-materials/details/06196170-61cd-11ed-8a55-f30cb1f0cdc3?participant=максимовская+юлия> (дата обращения: 17.10.2025).

³ *В Москве* проверяют блогера Дзугкоева, который унижает пенсионеров для видео // Вести Московского региона. 2024. URL: <https://www.mosregion.info/2024/09/27/v-moskve->

признание достигаются через силу, наглость и игнорирование законов. Инциденты в Таиланде (кража, демонстративный секс на движущемся пикапе) выражали экспорт данной модели и пренебрежение правовыми нормами¹;

– поведенческо-имитационный эффект: видеоролики Дзугкоева представляли готовые, детализированные сценарии антисоциального поведения – от мелкого хулиганства до прямых противоправных действий. Подача в формате «развлечения» и «адреналина» снижала психологический барьер для их воспроизведения частью аудитории;

– экономическая основа. Как и в случае с Финесс, бизнес-модель была завязана на монетизации внимания. Алгоритмы социальных сетей, продвигающие провокационный контент, обеспечивали охват, превращая каждое нарушение в капитализируемый актив. Чем скандальнее действие, тем выше доход, что создавало прямую финансовую мотивацию для эскалации. В данном случае манипулятивные речевые стратегии блогера, транслирующего открытое пренебрежение правовыми нормами, формируют у аудитории установки на допустимость противоправного поведения². Высказывания при определенных условиях могут приобретать уголовно-правовое значение и рассматриваться как вербальные преступления – публичные призывы к противоправным действиям, оправдание насилия, одобрение вражды³.

Деструктивный блогинг, в лице его «интровертированной» и «экстравертированной» моделей, представляет собой не менее системную угрозу, чем треш-стриминг, но действует на ином, ценностно-мировоззренческом уровне. Ключевые криминогенные механизмы деструктивного блогинга: латентная нормализация (подмена клинических и правовых понятий категориями личного бренда и самовыражения), романтизация девиаций, экономиче-

proveryat-blogera-dzugkoeva-kotoryj-unizhaet-pensionerov-dlya-video/?ysclid=mgtyt372c772994849 (дата обращения: 17.10.2025).

¹ Таиланд депортирует россиянина, снявшегося в скандальном видеоролике // РИА Новости. 2025. URL: <https://ria.ru/20250926/tailand-2044488859.html?ysclid=mgtytze0ip252657069> (дата обращения: 17.10.2025).

² Асадов Р. Б. Манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в структуре состава вербальных преступлений. С. 10–11.

³ Там же. С. 13–15.

ская стимуляция (чем глубже личностная деградация, тем выше монетизационный потенциал), формирование деструктивных субкультур.

Таким образом, деструктивный блогинг играет роль идеологического и психологического инкубатора, подготавливающего почву для реальных противоправных действий, культивируя правовой нигилизм и деформируя базовые социальные ориентиры. В совокупности треш-стриминг и деструктивный блогинг формируют два взаимосвязанных вектора криминогенного воздействия: первый обеспечивает демонстрацию и непосредственное воспроизводство моделей противоправного поведения, второй – трансляцию и закрепление соответствующих девиантных ценностных установок и мотивации.

Проведенный анализ позволяет выявить универсальную экономическую и технологическую основу криминогенных практик – модель монетизации девиаций. Вместе с тем их устойчивость и способность к эскалации были бы невозможны без ключевого элемента, замыкающего порочный круг системы, – активной, вовлеченной и финансово мотивированной аудитории.

Г. И. Узембаева отмечает, что преступления, совершаемые с использованием медиа, одновременно порождают условия для увеличения числа потенциальных последователей, а значит, и для прироста соответствующих уголовно наказуемых деяний¹. Применительно к треш-стримингу это означает, что каждая трансляция не только удовлетворяет существующий спрос, но и формирует новых потребителей, воспроизводя криминогенную систему.

В современной криминологической литературе обосновано, что аудитория новых медиа выступает не пассивным наблюдателем, а активным элементом криминогенной системы «платформа – производитель контента – зритель». Вовлеченность аудитории проявляется в трех формах: финансовой (донаты), информационно-одобрительной (лайки, комментарии, репосты) и поведенческо-имитационной (воспроизведение девиантных сценариев). При

¹ Узембаева Г. И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 17.

этом мотивами соучастия выступают развлечение, инструментальный мотив (управление действиями стримера), стадный инстинкт и идентификация с агрессором. Указанные формы участия аудитории создают условия для воспроизводства насильственных практик в цифровой среде, что позволяет рассматривать участвующую аудиторию в качестве одного из детерминантных факторов насильственной преступности.

Потребление, одобрение (лайки, эмодзи, комментарии) и финансирование (донатами) криминогенного контента детерминировано комплексом социально-психологических причин. Данные проведенного анкетирования позволяют верифицировать и конкретизировать теоретические модели, объясняющие данный феномен (прил. 1). Показательно, что 33,2 % респондентов подтвердили случаи совершения правонарушений «на спор» или для популярности в социальных сетях. Данный факт является прямым статистическим свидетельством работы поведенческо-имитационного механизма и синдрома копированных действий, спровоцированных интерактивной средой. Аудитория выступает не абстрактным наблюдателем, а конкретным катализатором, чьи запросы (через донаты) и одобрительная реакция (лайки, эмодзи, комментарии) формируют прямую обратную связь, стимулируя эскалацию девиантного поведения.

Аудитория треш-стримов занимает двойственное положение. С одной стороны, она подвергается манипулятивному воздействию и в данном смысле выступает жертвой. С другой – заказывая и финансируя насилие, потребители сами приобретают качество участника. Для обозначения такого положения используется понятие «криминализованный жертва» (лицо, будучи объектом вредного воздействия, одновременно становится источником общественной опасности)¹.

Выявленный когнитивный диссонанс в восприятии аудитории раскрывает глубину криминогенной трансформации. С одной стороны, декларирует-

¹ Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Виктимологический аспект противопреступной политики в условиях специальной военной операции. Информационная сфера // Виктимология. 2025. Т. 12, № 2. С. 234–235.

ся критическое отношение к контенту (82,2% опрошенных согласны, что медиа являются мощным средством манипулирования общественным мнением), с другой – 42,5% респондентов не подтвердили, что акцентирование жестокости формирует порочную идеологию и рост преступности. Данное противоречие выступает классическим проявлением латентности криминогенного воздействия: аудитория часто не осознает самой деформации собственных нормативных границ и ценности. Потребляя деструктивный контент под видом развлечения или информативности (89,3 % используют социальные сети как основной источник информации), пользователи незаметно для себя усваивают предлагаемые модели разрешения конфликтов, шкалы успеха и представления о допустимом, что в итоге снижает порог готовности к противоправным действиям.

Таким образом, треш-стриминг и деструктивный блогинг являются не маргинальными отклонениями, а закономерными и наиболее репрезентативными продуктами системных свойств новых медиа, их криминогенная природа детерминирована синтезом интерактивной бизнес-модели прямой монетизации девиаций, технологий мгновенного распространения деструктивного контента и формирования активного участия аудитории. Эмпирические данные подтверждают, что аудитория играет ключевую роль в данной системе, выступая одновременно заказчиком, финансистом и легитиматором противоправного поведения, что требует принципиального пересмотра подходов к предупреждению – стратегия должна быть направлена не только на создателей контента, но и на разрыв данной триады через формирование у самих потребителей медиаграмотности, критического мышления и правосознания.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Треш-стриминг и деструктивный блогинг являются условиями, детерминирующими насильственную преступность через нормализацию жестокости и экономическую стимуляцию воспроизводства противоправных практик.

Криминогенность обусловлена моделью прямой монетизации девиаций. Анализ рассмотренных случаев позволяет выделить эскалационный характер криминогенной деятельности: от индивидуального насилия и эксплуатации уязвимых лиц до посягательства на фундаментальные социальные институты и государственные символы.

Треш-стриминг и деструктивный блогинг образуют два вектора криминогенного воздействия. Первый ориентирован на демонстрацию и непосредственное воспроизводство моделей противоправного поведения в режиме реального времени. Второй ориентирован на трансляцию и закрепление соответствующих девиантных ценностных установок и мотивации, исполняя роль идеологического инкубатора.

Несмотря на различия форматов, треш-стриминг и деструктивный блогинг имеют трехзвенную систему: платформа – производитель контента – аудитория, в которой каждый элемент усиливает действие другого, создавая цикл воспроизводства криминогенных угроз. Данный вывод обосновывает необходимость перехода к анализу мер предупреждения криминогенного воздействия новых медиа.

ГЛАВА 3. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КРИМИНОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

§ 1. Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения криминогенного воздействия новых медиа

Проведенный анализ криминогенного потенциала новых медиа позволяет заключить, что порождаемые ими угрозы носят системный, технологически и экономически обусловленный характер. Интерактивные бизнес-модели, основанные на прямой монетизации девиаций, алгоритмическое продвижение деструктивного контента и активное участие аудитории формируют устойчивую среду для воспроизводства противоправных практик. В таких условиях применение исключительно уголовно-правовых мер, являющихся по своей природе реакцией на уже совершенное деяние и крайним средством государственного реагирования, заведомо недостаточно. Уголовный закон ориентирован на борьбу с последствиями, но не способен самостоятельно трансформировать деструктивную сетевую культуру, укоренившуюся в цифровой среде, сформировать устойчивые нравственные ориентиры у создателей контента или наделить многомиллионную аудиторию навыками критического восприятия информации. Более того, неоправданное расширение уголовной репрессии несет риски чрезмерного ограничения конституционных свобод и малоэффективно против адаптивных криминогенных моделей, способных к быстрой миграции между платформами.

Фундамент системы предупреждения криминогенного воздействия СМИ должны составлять общесоциальные и специально-криминологические меры, их стратегическая цель – воздействие на причины, которые порождают спрос на деструктивный контент и обеспечивают его предложение. Ключевой задачей данного уровня является формирование у всех субъектов медиа-

коммуникации устойчивых навыков безопасного и ответственного поведения в цифровой среде, что в рамках исследования предлагается обозначить термином «цифровой иммунитет».

По мнению Е. С. Осиповой, средства массовой информации обладают значительным профилактическим потенциалом и должны быть интегрированы в государственную систему предупреждения преступности, поскольку их целенаправленное использование способно не только информировать население о криминальных угрозах, но и формировать в обществе атмосферу нетерпимости к противоправному поведению¹. Производители культуры, включая СМИ, телевидение и киноиндустрию, рассматриваются в качестве самостоятельных субъектов противодействия преступности².

Предлагается выстраивать систему по трем стратегическим направлениям: формирование цифрового иммунитета, предполагающее выработку навыков критического восприятия противодействия деструктивному контенту; внедрение механизмов профессионального саморегулирования для субъектов медиaprостранства; создание экономических и правовых барьеров, подрывающих рентабельность криминогенных бизнес-моделей.

1. Общесоциальные меры

На общесоциальном уровне система мер направлена на формирование у широкой аудитории навыков критического восприятия информации и безопасного поведения в цифровой среде. К числу таких мер относятся интеграция модуля в образовательные программы и встречное алгоритмическое продвижение просветительского контента.

1.1. Формирование цифрового иммунитета

Формирование цифрового иммунитета требует системных усилий, выходящих за рамки разовых лекций или кампаний, и должно быть интегрировано в образовательные и просветительские процессы на всех уровнях. Как

¹ *Осипова Е. С.* Средства массовой информации в системе предупреждения преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10.

² *Бибик О. Н.* Культурологические аспекты противодействия преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 23.

отмечает А. В. Майоров, «развитие критического мышления и осознанности помогают личности не поддаваться на манипуляции и принимать взвешенные решения»¹. Молодежь является уязвимой аудиторией в силу возрастных психологических особенностей и высокой степени вовлеченности в цифровую среду. Представляется необходимым включение в учебные курсы общеобразовательных организаций специализированного модуля, посвященного безопасному поведению в цифровой среде. Интеграция специализированного модуля в курс «Основы безопасности и защиты Родины» (ОБЗР) является мерой, обусловленной объективными обстоятельствами.

Действующая программа «Основы безопасности и защиты Родины» (ОБЗР) содержит модуль № 10 «Безопасность в информационном пространстве», что свидетельствует о признании государством важности данного направления. В то же время масштаб цифровизации и рост криминогенных угроз, связанных с новыми медиа, требуют не просто наличия специализированного модуля, а его содержательной актуализации². При этом ее содержание не учитывает три аспекта, непосредственно связанных с выявленными в настоящем исследовании криминогенными практиками:

- экономическую модель деструктивного контента – монетизацию насилия и унижения через систему донатов (треш-стриминг);
- конкретные техники вовлечения в деструктивные сообщества, реализуемые через Telegram-каналы и закрытые чаты (вербовочные механизмы);

¹ Майоров А. В. Виктимологическое обеспечение информационной безопасности личности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3(42). С. 84.

² О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов основного общего образования и среднего общего образования : приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 27 декабря 2023 г. № 1028 (с изм. и допол. в ред. от 02.02.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402050004?ysclid=mox9w7304w416678895&index=1> (дата обращения: 10.05.2026) ; Рабочая программа учебного предмета «Основы безопасности и защиты Родины» (8–9 классы). URL: https://eksvu.mil.ru/upload/site63/document_file/OBZR%283%29.pdf?ysclid=moxa3fqc6669288970 (дата обращения: 10.05.2026).

– оценку потребительского поведения аудитории, которая через пожертвования, лайки и репосты становится причастной к противоправной деятельности.

Предлагается восполнить указанные пробелы путем интеграции в модуль № 10 тематического блока, раскрывающего указанные механизмы. Реализация не требует создания нового учебного предмета и органично встраивается в существующую структуру ОБЗР, обеспечивая формирование у обучающихся навыков распознавания деструктивного контента и противодействия вовлечению в противоправную деятельность.

1.2. Встречное алгоритмическое продвижение

Просветительские усилия не могут ограничиваться только традиционными образовательными форматами, которые часто проигрывают в борьбе за внимание аудитории высокоэффективным алгоритмам социальных сетей и видеохостингов. Для преодоления дисбаланса необходимо использовать те же технологические механизмы, которые обеспечивают массовое распространение деструктивного контента, но с противоположной (конструктивной) целью.

Предлагается концепция встречного алгоритмического продвижения, суть которого заключается в создании и целенаправленном (адресном) распространении просветительского контента, разоблачающего манипулятивные техники треш-стримеров, деструктивных блогеров и распространение фейков. Данный контент должен создаваться в форматах, доминирующих на конкретных платформах: короткие вертикальные видео для TikTok, ВКонтакте, Мах, визуально насыщенные карточки для Telegram-каналов, интерактивные стримы с экспертами на площадках (например, Vk Play Live).

Ключевым элементом является не просто создание, а именно алгоритмическое таргетирование. С использованием инструментов платформ (например, рекламных кабинетов Vk Реклам и др.) такие просветительские видеоролики должны целенаправленно показываться той аудитории, которая уже проявила интерес к деструктивному контенту – подписана на соответ-

ствующие каналы, ставила лайки, оставляла комментарии или искала похожие темы. Предлагается применять инструменты таргетирования, используемые в маркетинговых и политических коммуникациях, для преодоления информационных пузырей и доставки альтернативной, критической точки зрения прямо в ленту пользователя, находящегося в зоне риска. Такой подход позволяет не только информировать абстрактную аудиторию, но и точно воздействовать на тех, кто наиболее уязвим для криминогенного влияния.

Реализация данной концепции возможна при партнерстве государства, государственных учреждений и общественных организаций с владельцами цифровых платформ. Платформы, в свою очередь, могут предоставлять приоритетные условия (гранты на продвижение, понижение ставки для социально значимого контента) для размещения такого рода просветительских материалов.

2. Специально-криминологические меры

Наряду с общесоциальными мерами, направленными на формирование цифрового иммунитета аудитории, система предупреждения включает специально-криминологический уровень, ориентированный на непосредственных создателей и распространителей деструктивного контента.

2.1. Саморегулирование профессионального сообщества

2.1.1. Деятельность журналистов

Для категории **традиционных и сетевых СМИ**, действующих в организационно-правовой форме юридического лица и следующих профессиональным стандартам, ключевое значение имеет развитие институтов саморегулирования.

Эффективность саморегулирования как меры предупреждения криминогенного воздействия СМИ имеет теоретическое обоснование в криминологической доктрине. Преступность представляет собой продукт сложного взаимодействия личности со средой и не вытекает из природы человека¹. Изме-

¹ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения) : монография. М. : Юрид. лит., 1968. С. 45.

нение профессиональной среды через внедрение этических стандартов и механизмов профессионального самоограничения является прямым способом устранения криминогенных факторов на стадии их формирования. В структуре причин преступности В. Н. Кудрявцев выделял три уровня факторов: макросреда, микросреда и личность¹. Саморегулирование работает на уровне микросреды, формируя профессиональные нормы, непосредственно влияющие на поведение конкретных субъектов и создающие антикриминальный контекст их деятельности. Институт саморегулирования журналистского сообщества представляет собой важный элемент нормативного плюрализма в сфере массовых коммуникаций, призванный обеспечить соблюдение профессиональных этических норм наряду с государственным регулированием². В этом качестве оно обоснованно рассматривается в качестве специально-криминологической меры предупреждения преступности: воздействуя на микросреду, оно нейтрализует криминогенные факторы на этапе их становления, не прибегая к императивным запретам³.

Применительно к информационной сфере криминогенное влияние СМИ детерминировано не только индивидуальными особенностями, но и профессиональными стандартами, формирующими содержание медиаконтента. Профессиональное саморегулирование, обеспечивая внедрение этических ограничений в практику редакций, воздействует на детерминанты преступности на уровне профессионального сообщества, что позволяет рассматривать его как органичный элемент системы предупреждения преступности в информационной сфере.

В российской журналистике институты саморегулирования имеют давнюю историю и определяются как сознательная, целенаправленная деятель-

¹ Там же. С. 47–48.

² Федотов М. А. Медиаправо: доктрина, законодательство, правоприменение. М., 2025. С. 23–27.

³ Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Изд-во Московского университета, 1984. С. 21–28 ; Аванесов Г. А. Криминология. М. : Академия МВД СССР, 1984. С. 338–343.

ность объединенных в профессиональное сообщество людей¹. Первым документом, закрепившим нормы профессиональной этики в постсоветской России, стали Правила профессиональной этики сотрудников международной телерадиокомпании «МИР». Впоследствии появились Декларация Московской хартии журналистов и Кодекс профессиональной этики российского журналиста, принятый Союзом журналистов России².

В 2021 г. Общественной коллегией по жалобам на прессу был принят обновленный «Медиаэтический стандарт 2.0». Признавая ценность данного документа как важной вехи в развитии отечественного медийного саморегулирования, следует отметить, что его нормативное содержание сформировано преимущественно в рамках парадигмы традиционных СМИ. В центре внимания документа находятся принципы достоверности, отделения фактов от мнений, уважения частной жизни и недопустимости дискриминации, что сохраняет свою актуальность³. Вместе с тем медиаэтический стандарт не содержит специальных положений, направленных на нейтрализацию специфических криминогенных угроз, порождаемых именно новыми медиа. В нем отсутствуют нормы, регламентирующие этические аспекты освещения резонансных преступлений в контексте профилактики подражательного эффекта, не сформулированы критерии допустимости визуализации насилия в цифровой среде, а также не предложены механизмы противодействия героизации преступников и распространению их манифестов. Кроме того, документ адресован исключительно профессиональному журналистскому сообществу, оставляя за рамками регулирования деятельность блогеров и стримеров.

¹ *Расторгуева Н. Е.* Этико-правовые аспекты регулирования современных российских СМИ // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. № 4. С. 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-pravovye-aspekty-regulirovaniya-sovremennyh-rossiyskih-smi> (дата обращения: 14.03.2026).

² Там же.

³ *Декларация* принципов поведения журналиста Международной Федерации Журналистов // Общественная коллегия по жалобам на прессу. URL: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/754-mediaeticheskii-standart-2-0> (дата обращения: 13.03.2026).

Необходимо констатировать, что существующие механизмы профессионального саморегулирования в медиасреде лишены прочной правовой основы. В отличие от сферы рекламы, где Федеральный закон «О рекламе» (ст. 31) прямо закрепляет понятие и полномочия саморегулируемых организаций (СРО), а Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» определяет их как некоммерческие организации, создаваемые для разработки отраслевых стандартов и контроля за их соблюдением¹. Законодательство о средствах массовой информации подобного института не предусматривает. Отсутствие организаций со статусом СРО в медиасреде лишает механизмы саморегулирования институциональной завершенности, превращая их в инструменты исключительно морального, а не правового воздействия. В связи с этим актуализация медиаэтического стандарта и придание институтам саморегулирования легитимного статуса выступают необходимыми условиями повышения эффективности системы профессионального контроля за соблюдением этических норм в медиасреде.

Поэтому разрабатываемые ниже положения адресованы прежде всего профессиональному журналистскому сообществу – редакциям СМИ, действующим в организационно-правовой форме юридического лица и следующим корпоративным стандартам. В отличие от блогеров и стримеров, профессиональные журналисты связаны обязательствами перед редакцией и профессиональными ассоциациями, что создает основу для применения мер дисциплинарного и репутационного характера в случае нарушения этических норм.

Саморегулирование через принятие этического стандарта выполняет самостоятельную функцию в системе предупреждения. Во-первых, этический запрет создает превентивный барьер: профессиональные журналисты, осознавая репутационные и корпоративные риски, воздерживаются от пуб-

¹ *О саморегулируемых организациях* : федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49, ст. 6076 ; 2026. № 32, ст. 4480 ; *О рекламе* : федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 26.06.2026) // Там же. 2006. № 12, ст. 1232 ; 2026. № 26, ст. 3464.

ликации контента, способного спровоцировать подражательное поведение, еще до вмешательства правоохранительных органов. Во-вторых, самоограничение снижает спрос на деструктивный контент. В-третьих, механизмы общественного порицания и репутационных потерь в профессиональной среде часто оказываются более оперативными и действенными.

Необходимо восполнить отсутствие специальных правил освещения массовых убийств. Л. А. Шувалов выявил системные нарушения этических стандартов журналистики при освещении актов скулшутинга, что свидетельствует о недостаточности действующих механизмов саморегулирования и обосновывает необходимость их содержательной актуализации, а также усиления ответственности за нарушение профессиональных стандартов¹. Наличие отклонений от стандарта не опровергает необходимости самой нормы, напротив, оно обосновывает совершенствование механизмов ее реализации. В связи с этим предлагается включить в новый медиаэтический стандарт следующие положения:

– *в части освещения массовых убийств и актов скулшутинга*: запрет на публикацию и цитирование манифестов, подготовленных преступником для публичного распространения (допустима только краткая и нейтральная констатация факта); запрет на публикацию сцен насилия, фотографий и видео тел погибших; обязанность смещать фокус публикации с личности преступника на жертв, их истории и меры помощи пострадавшим; запрет на информацию, способную спровоцировать межнациональную или социальную рознь.

Каждое из этих положений служит прямым ответом на конкретные криминогенные элементы, выявленные в ходе контент-анализа (освещение нападения на школу в Одинцово), где семь крупнейших Telegram-каналов цитировали манифест преступника «Мой Гнев», публиковали его стилизованные изображения и селфи на фоне тела жертвы (прил. 4);

¹ Шувалов Л. А. Нарушение этических стандартов в процессе освещения журналистами событий скулшутинга // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2023. № 3(78). С. 262–268.

– *в части противодействия героизации преступников*: запрет на публикацию стилизованных изображений преступника, создающих образ бунтаря или героя-одиночки, запрет на использование одобрительных характеристик при описании преступника, запрет на акцентирование внимания на внешней привлекательности или идейной убежденности, запрет на предоставление преступнику слова для изложения собственных взглядов;

– *в части противодействия монетизации деструктивного контента* (треш-стриминг, деструктивный блогинг): признание треш-стриминга деятельностью, несовместимой с принципами социально ответственной медиакоммуникации, запрет на распространение ссылок на треш-стримы и каналы, способствующие росту их аудитории и монетизационному потенциалу;

– *в части модерации интерактивных форматов*: обязанность редакций СМИ и владельцев публичных каналов модерировать комментарии и пресекать одобрительные высказывания в адрес преступников, чтобы не допускать дальнейшей эскалации культа насилия и формирования деструктивных сообществ непосредственно на их площадках.

Предлагаемые этические ограничения не являются изолированной инициативой, а отражают мировые тенденции. Так, в Канаде разработаны детальные рекомендации для средств массовой информации, касающиеся освещения массовых убийств. Данные рекомендации, носящие обязательный характер для редакций, сотрудничающих с государственными органами, исключают героизацию преступников, демонстрацию их фотографий в выгодном ракурсе и излишнюю детализацию способов совершения преступлений. Нарушение указанных рекомендаций может служить основанием для отказа в государственной поддержке или иных административных санкций¹. Этот опыт подтверждает обоснованность включения аналогичного запрета в обновленный медиастандарт.

¹ *Research and Commissioned Reports* // Mass Casualty Commission. URL: <https://masscasualtycommission.ca/documents/commissioned-reports/> (дата обращения: 14.03.2026).

Таким образом, новый медиастандарт переходит от общего принципа непричинения вреда к системе конкретных запретов, основанных на эмпирических данных о механизмах подражательного эффекта, героизации преступников и монетизации девиантного контента. Сформулированные предложения не направлены на ограничение свободы слова и носят характер профессионального самоограничения.

Важным институциональным механизмом является деятельность Общественной коллегии по жалобам на прессу – независимого органа саморегулирования, рассматривающего споры этического характера. Решения Коллегии носят рекомендательный характер, они формируют прецедентную практику применения этических норм и оказывают значительное моральное воздействие на профессиональное сообщество¹.

Представляется, что потенциал саморегулирования в журналистской среде используется не в полной мере. Для повышения его эффективности целесообразно дальнейшее развитие практики рассмотрения информационных споров и этических коллизий независимыми органами профессионального сообщества (такими как Общественная коллегия по жалобам на прессу, союз журналистов), а также совершенствование механизмов общественного порицания в отношении редакций, систематически допускающих грубые и очевидные нарушения стандартов ответственной журналистики при освещении криминальной тематики. Формирование в медиасреде устойчивой репутационной зависимости от соблюдения этических норм могло бы стать важным фактором, дополняющим меры государственного регулирования и способствующим снижению криминогенного воздействия СМИ. При этом этические нормы могут вырабатываться только журналистами на добровольной основе².

2.1.2. Блогосфера

¹ Там же.

² Романовская О.В. О саморегулировании средств массовой информации // Гражданин и право. 2014. № 11. С. 77.

Описанные механизмы профессионального саморегулирования адресованы прежде всего журналистскому сообществу, действующему в рамках редакционной дисциплины и корпоративных стандартов. **Блогеры**, в отличие от сотрудников СМИ, не связаны определенными обязательствами и действуют как самостоятельные субъекты медиапроизводства, что требует выработки иных подходов к регулированию их деятельности.

Определенным шагом стало подписание в марте 2025 г. шестью отраслевыми организациями (АКАР, АРИР, АКОС, Ассоциация блогеров и агентств, Национальная ассоциация блогеров, РАМУ) «Рекомендаций блогерам по добросовестным практикам в маркетинговых коммуникациях»¹. Ключевые положения документа включают идентификацию контента личности блогера, честную и добросовестную коммуникацию с аудиторией, раскрытие источников информации, недопустимость порочащих высказываний в адрес конкурентов, а также требование разрабатывать контент, поддерживающий государственную политику по сохранению и укреплению традиционных ценностей². Документ, безусловно, важен для упорядочивания рынка рекламы, но его содержание практически не затрагивает вопросы социальной ответственности блогеров в контексте противодействия криминогенному воздействию; в нем отсутствуют положения, направленные на предотвращение таких явлений, как треш-стриминг, романтизация криминальной субкультуры, героизация преступников или распространение деструктивных идеологий. Таким образом, существующие механизмы саморегулирования блогосферы объективно не нацелены на нейтрализацию криминогенных угроз, что подтверждает обоснованность и своевременность предложений, сформулированных в настоящем исследовании.

Параллельно с развитием саморегулирования государством был запущен механизм обязательной регистрации. По состоянию на июль 2025 г.

¹ *Кодекс строителей контента: шесть общественных организаций составили рекомендации российским блогерам* // ADPASS. 2025. URL: <https://adpass.ru/reklamnyj-kodeks-dlya-bloggerov-i-mobilnyh-prilozhenij/> (дата обращения: 13.03.2026).

² Там же.

Роскомнадзор рассмотрел более 264 тыс. заявок¹. Зарегистрированные блогеры получают определенные преимущества (защита от страниц-двойников, автоматическая маркировка), вместе с тем на них также возлагаются дополнительные обязанности, включая запрет на распространение рекламы и сбор пожертвований для незарегистрированных страниц².

Несмотря на позитивные сдвиги, и рекомендации 2025 г., и механизм регистрации решают проблему лишь частично. Регистрация обеспечивает деанонимизацию, но не гарантирует ответственного поведения. Рекомендации же, будучи одобренными отраслью, не содержат действенных механизмов контроля за их соблюдением и не затрагивают проблематику криминогенного контента. На сегодняшний день эффективные инструменты саморегулирования в блогосфере, непосредственно нацеленные на профилактику деструктивных и противоправных проявлений, практически отсутствуют. Данное обстоятельство актуализирует необходимость поиска новых подходов, включая меры государственного регулирования.

Зарубежный опыт подтверждает целесообразность такого движения. Так, Закон ФРГ об улучшении правоприменения в социальных сетях (NetzDG) обязывает операторов социальных сетей с аудиторией свыше 2 миллионов пользователей удалять явно противоправный контент в течение 24 часов, а иной незаконный контент – в течение 7 дней с момента получения жалобы³. На уровне Европейского союза Регламент о цифровых услугах (Digital Services Act – DCA) требует от крупнейших онлайн-платформ

¹ *Регистрация блогеров*: Роскомнадзор рассмотрел более 264 тыс. заявок // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74942.htm> (дата обращения: 13.03.2026).

² Там же.

³ *Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG) vom 1. September 2017 (BGBl. I S. 3352), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 21. Juli 2022 (BGBl. I S. 1182) geändert worden ist. § 3 Abs. 1, 2.*

(VLOPs) ежегодно оценивать системные риски распространения незаконного контента¹.

Аналогичные задачи могут решаться через механизмы репутационной ответственности блогеров. Реализация может выглядеть следующим образом. Профессиональная ассоциация ведет публичный реестр блогеров, присоединившихся к договору, и рассматривает жалобы на нарушение взятых обязательств. В случае подтверждения факта систематического или грубого нарушения (например, распространение заведомо ложной информации, намеренное унижение человеческого достоинства) ассоциация принимает решение об исключении блогера из реестра, что влечет за собой утрату права на использование знака, условно именуемого «ответственный блогер». Исключение из реестра, будучи мерой исключительно репутационной ответственности, не влечет правовых последствий, вместе с тем публично фиксирует факт недоброжелательного поведения. Для платформ и рекламодателей такой статус может служить сигналом о повышенных рисках сотрудничества.

2.2. Подрыв экономической рентабельности криминогенных бизнес-моделей

Наиболее проблемной категорией создателей контента являются **стримеры**, поскольку стриминг сочетает публичность, вовлеченность и прямую монетизацию девиаций через донаты.

Длительное время реагирование на наиболее одиозные проявления треш-стриминга осуществлялось исключительно постфактум в связи с общеуголовными преступлениями (побои, хулиганство, причинение вреда здоровью). Данный подход не учитывал длящийся, систематический и экономически мотивированный характер этой деятельности, а также ее латентное воздействие на аудиторию и не мог выполнять полноценной предупредительной

¹ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 27.10.2022. Art. 34, 35. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj> (дата обращения: 10.01.2026).

функции. Уголовное преследование за единичный эпизод не разрушало саму бизнес-модель и не предотвращало новых трансляций.

Важным шагом в развитии системы специально-криминологического предупреждения стало дополнение в 2024 г. части 12 ст. 13.15 КоАП РФ, установившей административную ответственность непосредственно за треш-стримы. Согласно указанной норме наказуемым является распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Данная норма создает правовую основу для оперативного пресечения самой деятельности по публичной демонстрации жестокости и унижения из корыстных или хулиганских побуждений, еще до наступления тяжких последствий.

Превентивный потенциал меры заключается в том, что сам факт наличия правового запрета формирует у потенциальных нарушителей оценку неблагоприятных правовых последствий, снижая субъективную привлекательность противоправного поведения. Административная ответственность сигнализирует о недопустимости монетизации жестокости и унижения, выполняя тем самым функцию общей превенции. Систематическое осуществление публичных трансляций, сопряженных с демонстрацией жестокости или унижения человеческого достоинства, влечет административную ответственность, а в случае наступления общественно опасных последствий, охватываемых признаками конкретных составов преступлений (например, причинение вреда здоровью), содеянное может получить самостоятельную уголовно-правовую оценку. Таким образом, выстраивается многоуровневая система реагирования: от административной превенции до уголовного преследования при причинении вреда.

В Республике Беларусь правоприменительная практика идет по пути признания информационной продукции треш-стримеров экстремистскими материалами с последующей блокировкой их каналов и символикой. В ноябре 2025 г. суд Центрального района Минска по инициативе ГУБОПиК признал все каналы треш-стримера Андрея Бурима, а также его логотипы и водяные знаки экстремистскими материалами¹. Помимо признания информационной продукции экстремистской, в белорусском законодательстве предусмотрены административная ответственность по ст. 19.11 КоАП РБ за распространение экстремистских материалов и уголовная ответственность по статьям 361-1 (создание либо участие в экстремистском формировании) и 361-4 (содействие экстремистской деятельности) УК РБ².

В качестве одной из мер предупреждения предлагается создание публичного реестра лиц, привлеченных к административной ответственности за треш-стриминг. Формирование и введение такого реестра целесообразно возложить на Роскомнадзор как уполномоченный орган. Основанием для включения могут служить вступившие в законную силу постановления по делам об административных нарушениях, предусмотренных ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ. Включение в реестр осуществляется автоматически при вступлении постановления в силу и действует в течение одного года с возможностью продления при повторном нарушении. Включение в реестр влечет для стримера такие правовые и организационные последствия, как:

- маркировка: обязанность размещать в описании всех последующих трансляций текстовое предупреждение о ранее допущенных нарушениях и факте включения в реестр, что обеспечит информирование аудитории и рекламодателей о репутационных рисках, связанных с данным стримером;

¹ В *Белоруссии* признали экстремистскими каналы блогера Mellstroy // РБК.ru. 2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/690cb6dd9a7947ad6a245f29> (дата обращения: 07.04.2026).

² Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091&ysclid=msmzd6sz9s926151548> (дата обращения: 07.04.2026) ; Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275&ysclid=msmzenlema814597216#&Article=361/1> (дата обращения: 07.04.2026).

- ограничение монетизации на цифровых платформах: обязанность владельцев платформ (в порядке взаимодействия с уполномоченным органом) блокировать или существенно ограничивать возможность получения донатов и иных форм прямых платежей для лиц, включенных в реестр, что напрямую атакует экономическую основу их деятельности;
- учет в рекомендательных алгоритмах: рекомендательные системы платформ должны учитывать факт нахождения таких стримов в активном продвижении.

Создание такого реестра, основанного на публичных и бесспорных данных о привлечении к административной ответственности, позволит не только информировать аудиторию и рекламодателей, но и создать для стримеров прямые экономические и технологические препятствия для продолжения деструктивной деятельности – это превращает административную норму из инструмента разового наказания в механизм системного предупреждения, воздействующий на ключевой фактор криминогенности треш-стриминга (его экономическую рентабельность).

Проведенный анализ **треш-стриминга и деструктивного блогинга** позволил установить, что ядром данных антисоциальных практик является универсальная двухкомпонентная экономическая модель. Она включает, во-первых, прямую монетизацию (донаты), при которой аудитория напрямую оплачивает конкретные девиантные действия, превращая насилие и унижение в товар, и, во-вторых, косвенную монетизацию (рекламные интеграции), когда рекламодатели, стремясь охватить массовую аудиторию, финансово поддерживают деструктивных инфлюенсеров. Синтез двух источников дохода создает кумулятивный эффект, обеспечивающий высокую экономическую устойчивость и адаптивность криминогенной модели.

Следовательно, эффективное предупреждение невозможно без целенаправленного воздействия на финансовую инфраструктуру, обеспечивающую рентабельность деструктивного контента.

Базовым инструментом подрыва прямой монетизации должно стать ограничение возможности получения донатов для лиц, систематически привлекаемых к ответственности за треш-стриминг. В развитие предложения о создании реестра недобросовестных стримеров представляется необходимым законодательно закрепить обязанность кредитных организаций, операторов платежных систем и платежных агрегаторов блокировать или приостанавливать переводы денежных средств в пользу лиц, включенных в указанный реестр.

Механизм реализации может быть построен по аналогии с уже действующими механизмами противодействия финансированию терроризма и легализации доходов. Роскомнадзор как оператор реестра обеспечивает его ведение и предоставление к нему доступа заинтересованным субъектам финансового мониторинга. Платежные сервисы, в свою очередь, обязаны в автоматизированном режиме сверять получателей платежей с реестром и блокировать транзакции при обнаружении совпадения, что позволит лишить стримеров-нарушителей основного источника их дохода.

Ключевым условием, обеспечивающим анонимность и, как следствие, безнаказанность получателей криминальных доходов от стриминга, является отсутствие надежной идентификации лиц, систематически аккумулирующих крупные суммы добровольных пожертвований. Для устранения этого пробела предлагается распространить на стриминговые платформы и платежные сервисы требования, аналогичные процедурам KYC («Know Your Customer» – знай своего клиента), используемым в банковском секторе и при оказании услуг связи. Модель работает на усиление идентификации цифровых рынков.

Предложенный комплекс мер (блокировка донатов, ответственность рекламодателей, идентификация получателей) направлен на системный подрыв финансовой устойчивости криминогенных бизнес-моделей. Воздействуя одновременно на оба источника дохода (прямой и косвенный) и ликвидируя анонимность их получателей, эти меры создают барьеры, делающие производство деструктивного контента экономически нецелесообразным, что яв-

ляется необходимой предпосылкой для снижения его предложения в цифровой среде.

Изложенное согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ: цифровая валюта признана имуществом, обладающим экономической ценностью и оборотоспособностью, а ее оборот создает риски использования для финансирования преступной деятельности и вывода средств из легальной экономики. Монетизация деструктивного контента не может оставаться вне сферы государственного контроля, а предлагаемые меры по блокировке донатов и идентификации получателей крупных пожертвований должны распространяться и на расчеты в цифровых валютах¹.

Перечисленные меры по подрыву экономических основ треш-стриминга направлены на разрыв устойчивой трехзвенной связи «платформа – стример – аудитория». Воздействие на финансовые потоки, поступающие от аудитории, позволяет нейтрализовать ключевой стимул производства деструктивного контента. Основной упор в работе с аудиторией должен делаться на меры профилактики и формирования цифрового иммунитета.

2.3. Мониторинг и общественный контроль

Самостоятельным направлением специально-криминологического уровня является привлечение институтов гражданского общества к мониторингу и противодействию деструктивному контенту².

Важнейшим элементом системы специально-криминологического предупреждения выступает деятельность добровольческих объединений граждан – кибердружин, которые осуществляют мониторинг сети Интернет и взаимодействуют с правоохранительными органами в целях выявления и блокировки противоправного контента³. Накопленный в ряде регионов опыт (напри-

¹ По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Д.И. Тимченко : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 4. Ст. 312.

² Долгова А. И. Криминология : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 320–325.

³ Кибердружины бросают вызов противоправному контенту // Местное Время. URL: <https://mvremya.ru/article/29472/> (дата обращения: 13.03.2026).

мер, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и Кабардино-Балкарской Республике) свидетельствует о наличии организованных моделей вовлечения граждан, прежде всего молодежи, в процесс общественного контроля за цифровой средой¹. Вместе с тем приходится констатировать, что на сегодняшний день отсутствуют открытые и репрезентативные эмпирические данные, которые позволяли бы однозначно судить о масштабном вкладе кибердружин в снижение уровня криминогенного воздействия новых медиа. Деятельность данных объединений носит во многом локальный, инициативный характер, а их сигналы не всегда получают оперативную и полную реализацию со стороны уполномоченных органов. Представляется, что основным вектор развития кибердружинничества должен быть направлен не столько на количественное расширение, сколько на повышение качества координации и методического обеспечения.

Целесообразно формирование таких групп на федеральном уровне. В состав группы могли бы войти представители правоохранительных органов, уполномоченных государственных структур в сфере контроля за информационной средой, а также лидеры и наиболее опытные представители региональных кибердружин. Основные задачи таких межведомственных групп могли бы включать оперативный анализ новых возникающих угроз и трендов в сфере криминогенного контента; выработку рекомендаций по их нейтрализации для правоохранительных органов, платформ и образовательных учреждений; координацию действий кибердружин на региональном уровне, постановку им задач, соответствующих актуальной оперативной обстановке; методическую поддержку добровольцев, распространение успешных практик и обучение.

Создание такого координационного и аналитического центра позволит превратить разрозненную активность волонтеров в единую, управляемую и эффективную систему общественного контроля. Предлагаемое направление

¹ *Киберпатруль* начал свою работу // Кабардино-Балкарская Правда. URL: <https://kbpravda.ru/node/35818> (дата обращения: 13.03.2026).

носит перспективный характер и требует дополнительной эмпирической верификации, но уже на текущем этапе может рассматриваться как элемент системы общественного контроля. Кибердружины, действующие под эгидой и при методической поддержке межведомственных групп, смогут более целенаправленно вести мониторинг, а их сигналы о выявленных нарушениях будут быстрее и эффективнее обрабатываться правоохранительными органами, что в свою очередь, повысит оперативность блокировки деструктивного контента и общую результативность системы предупреждения.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Предупреждение криминогенного воздействия новых медиа требует комплексной стратегии, одновременно оказывающей влияние на спрос и предложение деструктивного контента, а также совершенствование деятельности современных средств массовой информации.

На общесоциальном уровне ключевой мерой является формирование цифрового иммунитета аудитории через интеграцию в курс «Основы безопасности и защиты Родины» (ОБЗР) тематического блока о природе деструктивного контента и встречное алгоритмическое продвижение просветительского контента.

В отношении журналистов и блогеров основным механизмом выступает саморегулирование: актуализация медиаэтического стандарта (запрет манифестов, сцен насилия, героизации) и введение репутационной ответственности для блогеров через добровольную сертификацию.

На специально-криминологическом уровне системообразующей мерой является подрыв экономической рентабельности криминогенных бизнес-моделей: публичный реестр стримеров-нарушителей, блокировка донатов в их пользу и идентификация получателей крупных пожертвований.

Дополнительным направлением выступает общественный контроль: создание межведомственных групп для координации кибердружин и их взаимодействия с правоохранительными органами.

§ 2. Совершенствование уголовного законодательства в целях предупреждения криминогенного воздействия новых медиа

Новые медиа порождают качественно иные обстоятельства, способствующие совершению преступлений, а также создают условия для формирования криминальных бизнес-моделей, построенных на монетизации насилия и унижения, алгоритмическом продвижении деструктивного контента, анонимной координации преступной деятельности в цифровой среде. Действующее уголовное законодательство, сформированное в условиях доминирования традиционных СМИ, не в полной мере учитывает эти угрозы, что создает риск неадекватной правовой оценки общественно опасных деяний и снижает предупредительный потенциал уголовно-правовых норм. Как отмечают А. М. Асадов и А. В. Майоров, криминализация является одним из важнейших инструментов государства по обеспечению уголовно-правовой охраны общественных отношений и формирует вектор уголовной политики¹.

Свобода распространения информации не является абсолютной. Как отметил Конституционный Суд РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц². Экстраполируя данный подход, можно констатировать, что контент, целенаправленно демонстрирующий жестокость и унижение человеческого достоинства в целях извлечения дохода, объективно создает угрозу общественной нравственности

¹ Асадов А. М., Майоров А. В. Уголовно-правовая охрана информационной сферы (криминализация уголовного закона) // Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18, № 3. С. 7.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 45. Ст. 6650.

как конституционно защищаемой ценности, что обосновывает введение уголовно-правового запрета.

Уголовное право, будучи наиболее репрессивным инструментом государственного принуждения, должно применяться лишь тогда, когда иные, менее строгие меры социального реагирования исчерпаны или заведомо недостаточны. В теории криминализации данный подход обозначается как принцип экономии уголовной репрессии, согласно которому установление уголовно-правового запрета допустимо только в отношении деяний, обладающих достаточной степенью общественной опасности и не поддающихся эффективному контролю с помощью альтернативных методов – административно-правовых, гражданско-правовых, дисциплинарных или организационных¹.

В теории криминализации выделяют следующие основания для признания деяния преступлением: повышенную общественную опасность, распространенность, невозможность эффективного противодействия менее строгими мерами, а также превышение позитивных результатов криминализации над ее негативными последствиями².

Треш-стриминг в полной мере отвечает указанным критериям. Общественная опасность феномена не сводится к вреду конкретному потерпевшему, она включает посягательство на общественную нравственность и формирование установок на допустимость насилия у неограниченного круга лиц. Действующие нормы УК РФ сконструированы без учета систематического, экономически мотивированного и публично-интерактивного характера треш-стриминга, что делает их недостаточными для адекватной правовой оценки.

¹ Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 66–67, 92.

² Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 12 ; Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1987. С. 47 ; Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4.– С. 69 ; Антонов А. Д. Указ. соч. С. 92.

Наиболее показательным является уголовное дело в отношении Андрея Бурима. Приговором мирового судьи судебного участка № 376 Пресненского района г. Москвы от 22 июля 2021 г. он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ (побои), и приговорен к шести месяцам исправительных работ. Суд установил, что в ходе прямой трансляции на видеохостинге YouTube Андрей Бурим умышленно нанес побои девушке, причинив ей физическую боль¹.

Побои, предусмотренные ст. 116 УК РФ, причиняют вред исключительно потерпевшему в результате единичного конфликта на почве личных неприязненных отношений. Треш-стриминг обладает качественно иной природой.

Во-первых, вред причиняется не только непосредственной жертве (физическая боль усугубляется публичным унижением ее человеческого достоинства перед многотысячной аудиторией).

Во-вторых, негативное воздействие распространяется на неопределенный круг лиц – зрителей трансляции, среди которых значительную долю составляют несовершеннолетние, у которых под воздействием наблюдаемого и поощряемого донатами насилия могут формироваться искаженные ценностные ориентиры. Согласно социологическим исследованиям, 63 % респондентов в возрасте от 14 до 35 лет либо смотрели треш-стримы, либо слышали о них, при этом школьники более осведомлены о данном явлении, чем студенты; 48 % опрошенных признали треш-стримы опасными, указав, что они вредны для детской психики, поскольку аморальные вещи начинают восприниматься как норма².

В-третьих, принципиально различается мотивация деяния. Бытовая драка, как правило, является ситуативным актом, мотивированным личными

¹ *Приговор* Пресненского районного суда г. Москвы № 10-0007/2021 от 9 июля 2021 г. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskiy/services/cases/appeal-criminal/details/07d05860-0fb3-11ec-b7eb-29b38580e904?participant=Бурим+А.+> (дата обращения: 10.12.2025).

² *Социальные явления в молодежной среде: вейпы, треш-стримы, буллинг, аниме. Росмолодежь.* URL: https://guu.ru/wp-content/uploads/Социальные-явления-в-молодежной-среде_ГУУ.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

неприязненными отношениями, и не имеет систематической экономической подоплеки¹.

Треш-стриминг представляет собой систематическую деятельность, направленную на извлечение дохода. Основным мотивом здесь выступает корысть, когда жестокость становится товаром, а не следствием межличностного конфликта. Умысел стримера охватывает не только совершение конкретных насильственных действий, но и их систематический характер, а также публичную демонстрацию для получения финансовой выгоды. Указанная мотивационная структура принципиально меняет оценку общественной опасности деяния, поскольку насилие совершается не в силу личного конфликта, а в силу экономической заинтересованности в его воспроизводстве.

Наконец, локальный конфликт не влияет на общественную нравственность, тогда как треш-стриминг, будучи растиражированным, способствует нормализации насилия и формированию деструктивных субкультур в цифровой среде. В связи с этим заслуживает внимания вопрос об ответственности зрителей, участвующих в финансировании таких трансляций. Если донат направлен на совершение конкретного насильственного действия и стример его совершает, в действиях зрителя усматриваются признаки подстрекательства (ч. 4 ст. 33 УК РФ), поскольку имеется единый умысел на совершение конкретного преступления. Если же донат не привязан к конкретному действию, единый умысел отсутствует, то такие действия не могут быть признаны соучастием. Вместе с тем сами по себе донаты создают экономическую мотивацию для систематического воспроизводства насильственного контента и формируют устойчивый спрос на него.

Таким образом, общественная опасность треш-стриминга имеет качественно иную природу по сравнению с побоями: она включает не только вред здоровью конкретного потерпевшего, но и посягательство на общественную

¹ Мясникова К. А. Криминологическая характеристика современной бытовой преступности и меры ее предупреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 5, 14.

нравственность, формирование установок на допустимость насилия у неограниченного круга лиц, а также прямое экономическое стимулирование противоправного поведения через систему донатов. Ни статья 116 УК РФ (побои), ни ст. 213 УК РФ (хулиганство) не учитывают специфических признаков треш-стриминга. Применение ст. 213 УК РФ (хулиганство) также не решает проблемы, поскольку данная норма требует установления грубого нарушения общественного порядка и явного неуважения к обществу, что не всегда очевидно при квалификации треш-стримов, а главное, не учитывает экономической мотивации деятеля.

Необходимо введение самостоятельного состава преступления, который охватывал бы не только действия стримера, но и поведение зрителей, одобряющих или оплачивающих совершение насильственных действий¹. Треш-стриминг как системное явление требует самостоятельной уголовно-правовой оценки, не сводимой к отдельным эпизодам насилия.

Следует отметить, что российский законодатель уже предпринял определенные шаги по адаптации уголовного закона к новым цифровым угрозам, сформировав систему норм, учитывающих использование информационно-телекоммуникационных сетей в преступной деятельности. Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ряд статей Особенной части УК РФ были введены квалифицирующие признаки, указывающие на совершение преступления «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»))»². Соответствующие изменения затронули составы убийства (п.

¹ Шевелева С. В., Михайлова О. Г. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новелла уголовного законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 189 ; Берестовой А. Н. Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет» // Российский девиантологический журнал. 2025. Т. 5, № 1. С. 147–150.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33, ч. 1, ст. 4914.

«о» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ), умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (п. «и» ч. 2 ст. 112 УК РФ), истязания (п. «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ), а также угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ). Для всех остальных преступлений, не охваченных указанными квалифицирующими признаками, аналогичное обстоятельство было включено в перечень отягчающих – п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Таким образом, законодателем сформирована система: общий отягчающий признак для всех составов и специальные квалифицирующие составы для наиболее опасных деяний.

Помимо уголовно-правовых мер, в 2024 г. была введена административная ответственность непосредственно за треш-стриминг. Часть 12 статьи 13.15 КоАП РФ установила наказуемость распространения в информационно-телекоммуникационных сетях информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу и содержащей изображение действий с признаками противоправных, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Данная норма создала правовую основу для пресечения публичной демонстрации жестокости из корыстных или хулиганских побуждений.

Вместе с тем, несмотря на наличие указанных уголовно-правовых и административных механизмов, они не в полной мере учитывают специфику треш-стриминга как системной криминогенной бизнес-модели.

Во-первых, перечисленные выше нормы лишь усиливают ответственность за уже криминализованные единичные акты насилия, но не охватывает саму систематическую деятельность по организации и проведению трансляций, сопряженных с жестокостью и унижением, которая складывается из отдельных эпизодов, каждый из которых в отдельности может квалифицироваться как хулиганство (ст. 213 УК РФ) или побои (ст. 116 УК РФ), но

в совокупности образует систематическую противоправную деятельность, не охватываемую действующими уголовно-правовыми нормами.

Во-вторых, ключевой элемент треш-стриминга – его экономическая мотивация, которая отличает его от бытового насилия. В отличие от ситуативного конфликта, где насилие является способом разрешения личной неприязни, в треш-стриминге жестокость становится товаром, а извлечение дохода (донаты) – целью, определяющей эскалацию насилия. Экономическая мотивация придает деятельности стримера систематический характер: для получения стабильного дохода он вынужден постоянно увеличивать шок-контент и жестокость, удовлетворяя растущие запросы аудитории. Общественная опасность треш-стриминга не сводится к корыстному мотиву стримера как характеристике его личности. Принципиальное значение имеет интерактивный характер монетизации: донаты поступают от аудитории в режиме реального времени и напрямую стимулируют совершение конкретных насильственных действий. Тем самым зрители через систему пожертвований становятся причастными к противоправному поведению, формируя устойчивый спрос на деструктивный контент.

В-третьих, квалифицирующий признак публичной демонстрации применяется лишь к деяниям, уже содержащим признаки основного состава преступления, тогда как сама по себе организация деструктивной трансляции, даже не сопровождающаяся причинением физического вреда, обладает самостоятельной общественной опасностью. Как было показано в исследовании, многотысячная аудитория таких трансляций не является пассивным наблюдателем: через донаты и комментарии она участвует в формировании запроса на эскалацию насилия, что создает устойчивую криминогенную среду, где жестокость воспринимается как норма и тиражируется в качестве поведенческого образца для подражания. Общественная опасность организации деструктивной трансляции заключается не только в потенциальном вреде конкретному потерпевшему, но и в трансформации ценностно-нормативной сферы широкой аудитории.

Таким образом, указанные выше изменения уголовного закона не в полной мере учитывают системный и экономически обусловленный характер треш-стриминга как криминогенной бизнес-модели, что не позволяет в полной мере нейтрализовать исходящую от него угрозу.

Проведенный анализ позволил выделить следующие условия, обосновывающие необходимость криминализации треш-стриминга:

- деяние обладает достаточной степенью общественной опасности, выражающейся не только в непосредственном вреде для потерпевшего (физическом и психологическом), но и в публичной демонстрации жестокости неограниченному кругу лиц; в прямом экономическом стимулировании насилия через донаты (зритель выступает заказчиком); в интерактивном вовлечении аудитории в процесс издевательств, что формирует установки и допустимость противоправного поведения. Эскалация насилия в треш-стриминге носит системный и экономически мотивированный характер (прил. 5);

- распространенность данного явления подтверждается не только резонансными уголовными делами и приговорами в отношении треш-стримеров, но и масштабом самого сегмента стриминга в России. К началу 2025 г. число активных русскоязычных стримеров на основных платформах (Twitch, YouTube, VK Play) достигает нескольких десятков тысяч, что создает количественную основу для тиражирования криминогенных практик¹. Бизнес-модель треш-стриминга, основанная на монетизации девиаций, создает устойчивый запрос на производство все более жестокого контента, что обуславливает его постоянное воспроизводство в медиасреде. Существующая административная норма (ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ) фиксирует лишь часть таких деяний, причем наиболее опасные формы (систематические, с высоким доходом, с причинением вреда здоровью) остаются за ее пределами;

¹ *Top social media & live streaming platforms for pc games in Russia* // RMAA. URL: <https://russia-promo.com/blog/the-best-social-and-streaming-media-for-pc-games-in-russia> (дата обращения: 20.05.2026).

– существующие правовые механизмы (административно-правовые и уголовно-правовые) не обеспечивают адекватной защиты общественных отношений, складывающихся в сфере публичных интерактивных трансляций. Административная ответственность не охватывает случаи систематического треш-стриминга, сопряженного с насилием, и не позволяет учитывать ключевой криминогенный фактор – извлечение дохода. Действующие уголовно-правовые нормы сконструированы без учета специфических черт треш-стриминга, что не позволяет квалифицировать его как самостоятельное общественно опасное деяние;

– положительные социальные результаты криминализации (защита общественной нравственности, превенция виктимизации, подрыв экономической основы криминогенной бизнес-модели) существенно превосходят возможные отрицательные последствия в виде расширения уголовной репрессии.

Как отмечают А. Г. Курбанов и И. П. Кравец, основная задача теории криминализации состоит в разработке метода восхождения от криминализационных поводов к основаниям криминализации, выражающим общественную необходимость уголовного закона¹. Применительно к треш-стримингу такая необходимость, как показано в исследовании, объективно существует.

Проведенный анализ позволяет сформулировать теоретическую модель состава преступления, адекватно отражающую природу треш-стриминга как системной криминогенной практики. При конструировании данного состава мы исходим из следующих положений, вытекающих из эмпирической части настоящего исследования.

Треш-стриминг посягает не только на здоровье и достоинство конкретной личности, но и на общественную нравственность, а также на безопасные условия функционирования информационной среды, что обуславливает включение состава в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной

¹ Курбанов А. Г., Кравец И. П. Пробелы в системе оснований и принципов криминализации // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 3. С. 149.

безопасности». Дополнительным непосредственным объектом преступления выступают здоровье, честь и достоинство личности, что сближает данный состав с преступлениями против личности, но доминирующим является именно публичный аспект: вред неопределенному кругу лиц, наблюдающих трансляцию.

Деяние заключается в организации либо проведении публичной интерактивной трансляции, сопряженной с демонстрацией жестокости, насилия или унижения человеческого достоинства. Принципиальное значение имеют три признака: публичность (неограниченный круг лиц), диалоговость (наличие обратной связи со зрителями) и характер демонстрируемых действий. Сочетание публичности и интерактивности создает качественно иной уровень общественной опасности. Экономическая мотивация является тем двигателем, который превращает отдельные преступные деяния в системную криминогенную бизнес-модель. Если деяние совершается без цели извлечения дохода, оно подлежит квалификации по иным статьям УК РФ (побои, хулиганство, истязание), а при наличии дохода и систематическом характере – по ст. 213¹ УК РФ. Предлагаемая конструкция состава преступления опирается на выявленные объективные закономерности криминогенного воздействия треш-стриминга и восполняет пробел в действующем уголовном законе, не вторгаясь в сферу смежных составов.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации новым составом, поместив его в главу 24 «Преступления против общественной безопасности».

«Статья 213¹. Организация либо проведение публичной интерактивной трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), сопряженной с демонстрацией жестокости, насилия, унижения человеческого достоинства, совершенные в целях извлечения дохода

1. Организация либо проведение публичной интерактивной трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Ин-

тернет»), сопряженной с демонстрацией жестокости, насилия, унижения человеческого достоинства, совершенные в целях извлечения дохода, —

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные:

а) в отношении несовершеннолетнего или с вовлечением несовершеннолетнего в такую трансляцию;

б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с использованием своего служебного положения, —

наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека,

— наказываются...

Примечание. Под доходом в настоящей статье понимаются денежные средства, иное имущество или имущественные права, полученные лицом в связи с организацией или проведением трансляции, включая добровольные пожертвования (донаты), платные подписки, рекламные поступления и иные формы материальной выгоды».

Проверка предложенной модели на эмпирическом материале (прил. 5) подтверждает ее соответствие природе треш-стриминга. Во всех рассмотренных примерах присутствуют три признака, образующие объективную сторону состава: публичность (трансляция на неограниченный круг лиц), участие (обратная связь с аудиторией через чат) и экономическая мотивация (получение донатов, стимулирующих эскалацию насилия). При этом в некоторых случаях насилие может повлечь смерть, что обосновывает включение в состав особо квалифицирующего признака (ч. 3 ст. 213¹ УК РФ).

Предлагаемый состав позволяет квалифицировать треш-стриминг как единое системное деяние, охватывающее все его существенные признаки, в отличие от действующих норм, каждая из которых оценивает лишь отдель-

ные аспекты поведения и не учитывает интерактивный характер трансляции, экономическую мотивацию и систематичность противоправной деятельности.

Самостоятельным и крайне опасным направлением криминогенного воздействия новых медиа выступает **распространение идеологии насилия**, сопряженное с героизацией лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а также публикацией их манифестов и иных материалов, оправдывающих противоправное поведение. В отличие от треш-стриминга, где деструктивный контент производится в режиме реального времени и монетизируется непосредственно в ходе трансляции, здесь криминогенный эффект достигается за счет формирования устойчивой преступной субкультуры, героизации фигуры преступника и тиражирования образцов для подражания. Эмпирическое исследование, проведенное в рамках настоящей работы (контент-анализ освещения нападения на школу в г. Одинцово, декабрь 2025 г.), наглядно демонстрирует масштаб и конкретные механизмы данного явления (прил. 4).

Анализ публикаций в семи крупнейших русскоязычных Telegram-каналах выявил устойчивые паттерны, обладающие высоким криминогенным потенциалом. Во-первых, зафиксировано беспрецедентно массовое и широкое распространение идеологического контекста преступления: каналы оперативно публиковали фотографии экипировки преступника с нацистскими лозунгами и коловратом, а также цитировали фрагменты его манифеста «Мой Гнев». Подобные действия объективно способствуют распространению деструктивных тезисов и их усвоению в информационное поле. Во-вторых, выявлены прямые признаки формирования культа преступника: публикация его стилизованных изображений в экипировке и маске, селфи на фоне тела жертвы, фотографий орудия преступления, а также зафиксированные факты отправки преступнику виртуальных платных подарков (донатов) с комментариями «Легенда», «Бог». В-третьих, ряд каналов целенаправленно конструировал спекулятивные нарративы, смещая фокус с индивидуального преступ-

ления в плоскость межнационального или социального конфликта. Как отмечает А. М. Смирнов, героизация противоправного поведения является самостоятельной криминологической проблемой, требующей уголовно-правового противодействия¹. Обосновывается необходимость разграничения экстремистской и террористической деятельности как самостоятельных явлений, поскольку их смешение создает проблемы квалификации². Данное положение значимо и для правовой оценки медиаконтента: героизация преступника, распространение его манифеста и символики могут одновременно затрагивать признаки разных составов, что требует четкого разграничения.

Публичное распространение материалов, оправдывающих или героизирующих лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления, обладает собственной повышенной общественной опасностью – формирует культ насилия, транслирует готовые деструктивные модели поведения и способно провоцировать новые преступления. Оптимальным правовым механизмом будет выступать административная преюдиция, при которой уголовная ответственность наступает только после повторного совершения деяния лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное нарушение. Данный подход полностью соответствует принципу экономии уголовной репрессии, позволяя задействовать уголовно-правовые средства лишь в качестве крайней меры, когда административные меры оказались недостаточными.

Вместе с тем действующее уголовное законодательство Российской Федерации не содержит специальной нормы, прямо запрещающей героизацию преступников и публикацию их манифестов. Статьи 205² и 280 УК РФ охватывают лишь узкий спектр деяний и не применимы в случаях, когда преступление не носит террористического или экстремистского характера либо

¹ Смирнов А. М. Героизация самосуда как социально-культурный феномен и криминологическая проблема современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 2. С. 430.

² Хлебушкин А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 7.

когда манифест не содержит прямых призывов, но оправдывает и романтизирует насилие.

Предлагаемый состав целесообразно поместить в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», поскольку данное деяние посягает не на жизнь и здоровье конкретной личности, а на общественную нравственность, создавая угрозу для неопределенного круга лиц. Предлагаемая норма не направлена на ограничение свободы слова, она нацелена исключительно на пресечение общественно опасных действий, формирующих культ насилия и способных провоцировать новые преступления. Представляется необходимым восполнить существующий законодательный пробел посредством введения административной преюдиции за публичное распространение материалов, оправдывающих или героизирующих лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления, а равно содержащих их манифесты – с установлением административной ответственности за первичное нарушение и уголовной ответственности за повторное (путем введения ст. 213² УК РФ).

В связи с изложенным предлагается дополнить главу 24 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против общественной безопасности» новым составом, предусматривающим ответственность за те же действия, совершенные лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

Анализ позволяет сформулировать теоретическую модель состава преступления, предусмотренного ст. 213² УК РФ, отражающую природу публичной героизации насильственных преступников как специфической криминогенной практики.

Предлагаемый состав предусматривает ответственность за деяние, посягающее на общественную нравственность, поскольку публичная героизация лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления, формирует культ насилия, деформирует правосознание и создает угрозу для неопределенного круга лиц.

Деяние выражается в публичном распространении материалов, содержащих оправдание или героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, в том числе его манифеста, а равно изображений, видеофрагментов или иных сообщений, создающих привлекательный образ такого лица. Принципиальное значение имеют следующие признаки: публичность (обращенность к неопределенному кругу лиц в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет»); содержательный признак (оправдание или героизация, понятия которых раскрываются в примечаниях к статье); форма распространения (манифест, изображение, видео, аудиофрагменты).

Субъект преступления осознает, что распространенные материалы оправдывают или героизируют лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление, предвидит, что такие действия способны сформировать у аудитории позитивное отношение к насилию и создать угрозу общественной безопасности, и желает их распространить. Для квалифицированного состава (п. «в» ч. 2) требуется специальная цель – извлечение дохода (в том числе в виде добровольных пожертвований, платных подписок, рекламных поступлений).

Предлагаемая конструкция состава опирается на эмпирически выявленные закономерности криминогенного воздействия публичной героизации насильственных преступников и восполняет пробел в действующем уголовном законе, не вторгаясь в сферу действия существующих антиэкстремистских норм (ст. ст. 205², 280, 282 УК РФ), которые не применимы к случаям, когда преступление не носит террористического или экстремистского характера (прил. 4).

«Статья 213². Публичное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») материалов, содержащих оправдание и (или) героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление

1. Публичное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») материалов, содержащих оправдание и (или) героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, в том числе его манифеста, а равно изображений, видеофрагментов или иных сообщений, создающих привлекательный образ такого лица, совершенное лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, –

наказывается...

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) с использованием служебного положения;

в) в целях извлечения дохода (в том числе в виде добровольных пожертвований, платных подписок, рекламных поступлений), –

наказывается...

Примечания. 1. Под героизацией в настоящей статье понимается умышленное публичное представление лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, либо его действий в положительном, привлекательном, достойном подражания свете, создающее образ, оправдывающий или романтизирующий насилие. Не является героизацией нейтральное или критическое освещение в научных, образовательных или профессиональных журналистских целях при отсутствии одобрительного контекста.

2. Под манифестом в настоящей статье понимается текст, видео- или аудиоматериал, содержащий идеологическое, политическое или иное обоснование совершенного преступления, призывы к насилию либо детальное описание способа его совершения».

Предлагаемый состав (ст. 213² УК РФ) является специальным по отношению к общим нормам об экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). В отличие от последних, он криминализировать не призывы к экстремизму, а публичное распространение конкретных материалов (манифест, изображе-

ния, создающие привлекательный образ лица, совершившего тяжкое преступление).

Самостоятельным направлением криминогенного воздействия новых медиа выступает **распространение заведомо ложной информации (фейков)**, способное дезорганизовать работу организаций и органов власти, подорвать доверие граждан к социальным институтам, вызвать панику или экономическую дестабилизацию. Действующие статьи 207¹ и 207² УК РФ, предусматривающие ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, имеют иную конструкцию по сравнению с далее предложенным составом: ст. 207¹ УК РФ наказывает за фейки об обстоятельствах, угрожающих жизни и безопасности граждан, а ст. 207² УК РФ – за фейки, повлекшие по неосторожности тяжкие последствия.

Общество сталкивается с ситуациями, когда распространяемая информация, будучи ложной и способной причинить существенный вред, формально не подпадает под признаки перечисленных составов, поскольку не создает угрозу жизни граждан и не влечет последствий, указанных в диспозициях ст. ст. 207¹ и 207² УК РФ. Так, Telegram-канал «Кремлевская табакерка» в мае 2024 г. опубликовал пост о принятом решении ввести в России налог на бездетность для поддержки многодетных семей и специальной военной операции. Для придания достоверности фейку использовались вырванные из контекста фрагменты выступления министра финансов Антона Силуанова, который в действительности не касался темы бездетности. Характерно, что данный Telegram-канал систематически использует прием отзеркаливания украинской информационной повестки, перенося неподтвержденные сведения в российский контекст и тем самым повышая вирусный потенциал¹. Подобная информация, не будучи связанной с угрозой жизни граждан или действиями армии, способна дезорганизовать работу органов власти, вызвать

¹ *Фейк*: в России введут налог на бездетность, чтобы поддержать многодетные семьи и СВО // войнасфейками.рф. 2024. URL: <https://войнасфейками.рф/civil/fejk-v-rossii-vvedut-nalog-na-bezdetnost-chtoby-podderzhat-mnogodetnye-semi-i-svo/?ysclid=moi9fdhc13728567571> (дата обращения: 20.04.2026).

панику, спровоцировать ажиотажный спрос или экономическую стагнацию, тем не менее формально не подпадает под признаки ст. ст. 207¹–207³ УК РФ.

В условиях специальной военной операции, когда целенаправленное распространение заведомо ложной информации стало одним из ключевых инструментов информационной войны, проблема дезорганизующих фейков приобрела особую форму. Политические и военно-политические фейки не только подрывают доверие к государственным институтам, но и способны дестабилизировать общественно-политическую обстановку, спровоцировать панику и дискредитировать органы власти. В связи с этим предусмотренного в ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ административного запрета недостаточно: необходима криминализация систематического распространения таких сведений.

Казахстанский законодатель одним из первых на постсоветском пространстве осуществил комплексную криминализацию распространения заведомо ложной информации. Статья 274 УК РК предусматривает уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации, создающей опасность нарушения общественного порядка или причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан, организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства¹. Первичное распространение фейков влечет административную ответственность по ст. 456-2 КоАП РК (штраф либо административный арест до 15 суток), и только повторное нарушение либо наступление тяжких последствий влечет уголовную ответственность, то есть реализован механизм административной преюдиции².

Правоприменительная практика Казахстана подтверждает работоспособность данной модели. По официальным данным МВД РК, за январь–

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 20.04.2026).

² Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235#z4799> (дата обращения: 20.04.2026).

август 2025 г. по ст. 274 УК РК к уголовной ответственности привлечено одно лицо, тогда как по ст. 456-2 КоАП РК – 51 лицо¹. Опыт Казахстана, чья правовая система наиболее близка к российской, подтверждает, что механизм административной преюдиции применительно к распространению заведомо ложной информации успешно апробирован и может быть адаптирован в российском законодательстве. В связи с этим при адаптации данного механизма необходимо предусмотреть меры, направленные на повышение выявляемости повторных деяний, включая автоматизированный мониторинг публикаций и четкую регламентацию критериев отнесения материалов к оправдывающим или героизирующим насилие.

С учетом изложенного представляется необходимым введение в УК РФ самостоятельной статьи, предусматривающей ответственность за систематическое распространение заведомо ложной информации, дезорганизующей деятельность организаций или органов власти, с использованием механизма административной преюдиции.

Анализ позволяет сформулировать теоретическую модель состава преступления, адекватно отражающую природу систематического распространения дезорганизующих фейков как специфической криминогенной практики.

Деяние выражается в публичном распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, дезорганизующей нормальную деятельность организаций или органов власти. Принципиальное значение имеют следующие признаки: публичность (обращенность к неопределенному кругу лиц), заведомый характер ложности (осознание виновным недостоверности распространяемых сведений), направленность на дезорганизацию (создание помех нормальному функционированию).

Предлагаемая конструкция состава опирается на эмпирически выявленные закономерности криминогенного воздействия дезорганизующих фей-

¹ 52 казахстанца получили наказание за фейки // 24.kz. URL: <https://24.kz/ru/news/social/730676-52-kazakhstansta-poluchili-nakazanie-za-fejki> (дата обращения: 20.04.2026).

ков и восполняет пробел в действующем уголовном законе, не вторгаясь в сферу действия существующих антифейковых норм.

Предлагается дополнить главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» составом следующего содержания:

«Статья 207⁴. Распространение заведомо ложной информации, дезорганизующей деятельность организаций и (или) органов власти

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, дезорганизующей нормальную деятельность организаций и (или) органов власти, совершенное лицом, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, —

наказывается...

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия, —

наказывается...

Примечание. Под дезорганизацией понимается создание помех в нормальной работе организаций или существенное затруднение выполнения ими своих функций, введение в заблуждение работников или граждан, повлекшее нарушение режима работы, неисполнение обязательств или иные аналогичные последствия».

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Уголовное законодательство, сформированное в условиях доминирования традиционных средств массовой информации, не в полной мере отражает системный, экономически мотивированный и публично-интерактивный характер криминогенных угроз, порождаемых новыми медиа.

Для восполнения выявленных пробелов предлагается введение трех новых составов преступлений: ст. 213¹ УК РФ, криминализирующей организацию либо проведение публичной интерактивной трансляции, сопряженной с демонстрацией жестокости, насилия или унижения человеческого достоинства, совершенные в целях извлечения дохода (треш-стриминг); ст. 213² УК РФ, устанавливающей ответственность за публичное распростра-

нение материалов, содержащих оправдание или героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление (с использованием механизма административной преюдиции); ст. 207⁴ УК РФ, предусматривающей ответственность за систематическое распространение заведомо ложной информации, дезорганизующей деятельность организаций или органов власти.

Механизм административной преюдиции в предлагаемых составах (ст. 213² и ст. 207⁴ УК РФ) соответствует принципу экономии уголовной репрессии, поскольку позволяет применять уголовную ответственность лишь при повторном совершении деяния лицом, уже подвергнутым административному наказанию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование посвящено комплексному криминологическому-правовому анализу феномена криминогенности новых медиа в условиях цифровой трансформации. Актуальность работы обусловлена тем, что технологические свойства цифровых платформ породили качественно иные, системные угрозы правопорядку и общественной безопасности, не находящие адекватного отражения в уголовном законодательстве и криминологической доктрине. На основе выявления закономерностей, форм и механизмов криминогенного воздействия новых медиа разработана теоретически обоснованная и практически ориентированная система мер его предупреждения.

В результате проведенного исследования сформулированы следующие основные выводы и положения.

1. Установлено, что современная медиасреда представляет собой гибридную систему, в которой доминирующим криминогенным фактором выступают новые медиа. Криминогенный потенциал детерминирован четырьмя взаимосвязанными свойствами: интерактивностью, превращающей аудиторию из пассивных потребителей в активных участников (через донаты, комментарии, репосты); виральностью, обеспечивающей мгновенное и массовое распространение деструктивного контента; алгоритмизацией, целенаправленно формирующей информационные пузыри и продвигающей наиболее вовлекающий контент; стиранием границ между производителем и потребителем, а также между реальным действием и виртуальным перформансом, что ведет к нормализации насилия как стандартизированного товара.

2. В структуре криминологического знания выделяется специальная область – криминология средств массовой информации, предметное поле которой включает исследование закономерностей взаимосвязи медиасреды, криминалитета и преступности. Преступность в сфере массовой информации

не ограничивается двумя традиционными группами (преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, и преступления, направленные против средств массовой информации), а дополняется гибридной группой, где медиа выступают одновременно средой, инструментом и объектом криминогенного воздействия. Средства массовой информации в детерминации преступности занимают двойственное положение, их криминогенное воздействие находит выражение как на макроуровне (общие причины преступности), так и на микроуровне (причины конкретных преступлений). Основные криминогенные механизмы: культивация искаженной картины мира, оправдание и романтизация девиантного поведения, эффект подражания. Сложившиеся в науке подходы не в полной мере учитывают специфику новых медиа, трансформирующих традиционные механизмы криминогенного воздействия.

3. Сформулировано определение криминогенного воздействия новых медиа – это обусловленное технологическими свойствами новых медиа распространение информации, которое создает условия для формирования мотивации к совершению преступлений, облегчения их совершения и усвоения криминальной субкультуры. В криминологическом смысле такое воздействие выступает в качестве специфического системного условия (детерминанты), способствующего преступности, но не являющегося ее прямой причиной. Указанное воздействие можно классифицировать на три вида: ценностно-нормативный (эрозия социальных норм), поведенческо-имитационный (стимулирование противоправных действий через подражание) и информационно-манипулятивный (искажение информационного поля).

4. Выявлены особенности криминогенного воздействия новых медиа: массовость (охват аудитории), латентность (аудитория не осознает деформации собственных нормативных границ) и алгоритмичность (системы рекомендаций формируют пузыри фильтров, погружающие пользователя в деструктивный контент). По доминирующему фактору криминогенное воз-

действие классифицировано на три вида: ценностно-нормативный (подрыв легитимных социальных норм), поведенческо-имитационный (стимулирование противоправных действий через подражание) и информационно-манипулятивный (искажение информационного поля).

5. Криминогенные механизмы новых медиа (пропаганда, дезинформация, манипуляция) образуют целостную эскалационную систему. Пропаганда закрепляет и легитимирует девиантные ценностные установки, дезинформация выступает прямым провокационным катализатором противоправных действий, манипуляция создает когнитивную основу для некритического восприятия. Романтизация криминала представляет собой комплексный механизм, интегрирующий манипуляцию, дезинформацию и пропаганду для нормализации преступного поведения. Криминогенный эффект достигается не только через прямое эмоциональное воздействие, но и через рутинное воспроизводство криминальных событий либо их ретроспективную подачу.

6. Telegram как одно из наиболее востребованных новых медиа представляет собой гибридную криминальную среду платформенного типа, криминогенный потенциал которой детерминирован инфраструктурными свойствами (анонимность, сквозное шифрование, массовость, минимальный уровень модерации) и реализуется через четыре функции: координационного центра (планирование преступной деятельности и управление ею), медиаинкубатора (оправдание девиаций, романтизация криминала, дезинформация), криминального маркетплейса (торговля запрещенными товарами и услугами), средства совершения преступлений (инструментарий для противоправных действий).

7. Треш-стриминг и деструктивный блогинг обеспечивают экономическую стимуляцию воспроизводства общественно опасных практик, прежде всего, путем воздействия на лиц, склонных к потреблению криминального контента. Криминогенность девиантных практик обусловлена моделью прямой монетизации девиаций и эскалационным характером соответствующей деятельности: от индивидуального насилия и эксплуатации уязви-

мых лиц (в частности, инвалидов, малолетних, престарелых) до посягательства на фундаментальные социальные институты и государственные символы.

8. Эффективное предупреждение криминогенного воздействия новых медиа требует комплексной стратегии, одновременно воздействующей на спрос и предложение деструктивного контента. На общесоциальном уровне ключевыми направлениями являются: формирование цифрового иммунитета аудитории через интеграцию в общеобразовательный курс «Основы безопасности и защиты Родины» (ОБЗР) тематического блока, раскрывающего экономическую природу деструктивного контента (монетизацию насилия через донаты), техники вербовки в деструктивные сообщества и оценку потребительского поведения аудитории; встречное алгоритмическое продвижение просветительского контента, адресно доставляемого пользователям, уже проявившим интерес к деструктивным материалам.

На специально-криминологическом уровне развитие институтов профессионального саморегулирования (для журналистов – актуализация медиаэтического стандарта, для блогеров – внедрение репутационной ответственности через добровольную сертификацию). Системообразующей мерой выступает подрыв экономической рентабельности криминогенных бизнес-моделей, включая создание публичного реестра лиц, привлеченных к административной ответственности за треш-стриминг, с возложением на платформы и платежные сервисы обязанности блокировать донаты в пользу включенных в реестр, а также введение упрощенной идентификации получателей крупных пожертвований.

9. Разработаны конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства как крайнего средства реагирования на новые формы общественно опасной деятельности. Предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации тремя новыми составами преступлений:

– ст. 213¹ УК РФ – «Организация либо проведение публичной интерактивной трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях

(включая сеть «Интернет»), сопряженной с демонстрацией жестокости, насилия, унижения человеческого достоинства, совершенные в целях извлечения дохода» (криминализация треш-стриминга) с квалифицирующими признаками (в отношении несовершеннолетнего, группой лиц, с использованием служебного положения) и повышенной ответственностью за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти (ч. 3);

– ст. 213² УК РФ – «Публичное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») материалов, содержащих оправдание и (или) героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление» с механизмом административной преюдиции и квалифицирующими признаками (группой лиц, с использованием служебного положения, в целях извлечения дохода);

– ст. 207⁴ УК РФ – «Распространение заведомо ложной информации, дезорганизующей деятельность организаций и (или) органов власти» – с механизмом административной преюдиции и квалифицирующим признаком (повлекшее по неосторожности причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия).

Предложенные составы преступлений восполняют пробелы действующего уголовного законодательства, не учитывающего системный, экономически мотивированный и публично-интерактивный характер криминогенных угроз, порождаемых новыми медиа. В отличие от точечных изменений, вносившихся в УК РФ, предлагаемые нормы криминализируют саму систематическую деятельность по организации деструктивных трансляций и распространению идеологии насилия как самостоятельные общественно опасные деяния.

Перспективы дальнейшей разработки темы связаны с мониторингом эффективности предложенных уголовно-правовых новелл (ст. ст. 213¹, 213², 207⁴ УК РФ) в целях оценки их правоприменительного потенциала, выявления возможных проблем квалификации и корректировки конструкций составов с учетом складывающейся судебной практики; с криминологическим ис-

следованием причастности аудитории новых медиа, включая ее социально-демографические и психологические характеристики, мотивы вовлечения в противоправные практики через систему донатов и одобрительных реакций, а также пределы уголовно-правовой ответственности таких участников; разработкой специализированных криминологических и правовых механизмов противодействия фейкам, дезорганизующим деятельность органов власти в условиях гибридных информационных войн; разработкой методики измерения уровня медиаграмотности и критического мышления и исследованием влияния модулей по безопасному поведению в цифровой среде на снижение виктимности и готовности к противоправному поведению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты и иные официальные документы

1. *Конституция* Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. – 1993. – 25 дек. ; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416. – Текст : непосредственный.
2. *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : в ред. Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 248-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 1 ; 2026. – № 30. – Ст. 4049. – Текст : непосредственный.
3. *Уголовный кодекс* Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 300-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 ; 2026. – № 32. – Ст. 4497. – Текст : непосредственный
4. *Кодекс* Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З. – Текст : электронный. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091&ysclid=msmzd6sz9s926151548> (дата обращения: 07.04.2026).
5. *Кодекс* Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК. – Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235#z4799> (дата обращения: 20.04.2026).
6. *Уголовный кодекс* Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. – Текст : электронный. – URL: <https://etalonline.by/document/>

?regnum=HK9900275&ysclid=msmzenlema814597216#&Article=361/1 (дата обращения: 07.04.2026).

7. *Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК* – Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 20.04.2026).

8. *Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074. – Текст : непосредственный.

9. *О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»* : Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 303-ФЗ (в ред. ФЗ от 26.07.2026 № 265-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 33. – Ст. 4952 ; 2026. – № 30. – Ст. 4111. – Текст : непосредственный.

10. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации* : Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 33, ч. 1. – Ст. 4914. – Текст : непосредственный.

11. *О рекламе* : Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 04.08.2026 № 283-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12. – Ст. 1232 ; 2026. – № 32. – Ст. 4480. – Текст : непосредственный.

12. *О саморегулируемых организациях* : Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (в ред. ФЗ от 31.07.2025 № 304-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 49. – Ст. 6076 ; 2025. – № 31. – Ст. 4658. – Текст : непосредственный.

13. *О средствах массовой информации* : Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в ред. ФЗ от 26.06.2026 № 215-ФЗ) //

Российская газета. – 1992. – 8 февр. ; 2026. – 1 июля. – Текст : непосредственный.

14. *Об информации, информационных технологиях и о защите информации* : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. ФЗ от 26.06.2026 № 210-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31, ч. 1. – Ст. 3448 ; 2026. – № 26. – Ст. 3464. – Текст : непосредственный.

15. *Об искусственном интеллекте* : Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 г. № 230-VIII ЗРК – Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> (дата обращения: 07.04.2026).

16. *О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей* : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справ.-правовая система : [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=434573&dst=1000000001&cacheid=AD1F88D94635D8E8782966DE2B3554D7&mode=splus&rnd=0.26633471353147564#6XzdQWVoqzO9zcOA1> (дата обращения: 20.04.2026).

17. *О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов основного общего образования и среднего общего образования* : Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 27 декабря 2023 г. № 1028. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402050004> (дата обращения: 10.05.2026).

18. *Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG)* Vom 1. September 2017 (BGBl. I S. 3352), zuletzt geändert durch Artikel 3 des Gesetzes vom 21. Juli 2022 (BGBl. I S. 1182). – Текст : непосредственный.

19. *Loi n° 2026-871 du 21 juillet 2026 relative à la protection des enfants et des adolescents sur les réseaux sociaux.* – Текст : электронный // Journal officiel de la République française. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 10.07.2026).

20. *Online Safety Amendment (Social Media Minimum Age) Act 2024.* – Текст : электронный // Federal Register of Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2024A00127/asmade/text> (дата обращения: 10.07.2026).

21. *Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act).* – Текст : электронный // Official Journal of the European Union. L 277. 27.10.2022. – Art. 34, 35. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj> (дата обращения: 10.01.2026).

Судебная и правоприменительная практика

22. *Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 26 февраля 2026 г. по делу № 22-1209/2026.* – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m1bBQx6bBTrR/?ysclid=mt1fs16tra350799619> (дата обращения: 21.08.2026).

23. *Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2013 г. по делу № 66-АПУ13-50.* – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/OA7TXEIfJ3gx/> (дата обращения: 21.08.2026).

24. *Апелляционное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2019 г. по делу № 205-АПУ 19-21. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/rNuiYZz4tbbK/?page=16&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

25. *Апелляционное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2019 г. по делу № 201-АПУ19-36. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/PIox2iXGXfXE/?page=14&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

26. *Апелляционное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2019 г. по делу № 224-АПУ19-1. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/liqkgvBcXY6X/?page=13&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

27. *Апелляционное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. по делу № 225-АПУ19-1. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/03QloMIs11Y5/?page=7&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

28. *Апелляционное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2020 г. по делу № 225-АПУ19-5. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/kmRPsiA0ezYP/?page=9&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

29. *Апелляционное* определение Курского областного суда от 26 февраля 2026 г. по делу № 22-137/2026. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7Mxur1bmamHW/?ysclid=mt1f7la4me785776645> (дата обращения: 21.08.2026).

30. *Апелляционное* определение Московского областного суда от 19 января 2026 г. по делу № 22-11534/2025, 22-80/2026. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6VttaAOOCW6M/> (дата обращения: 21.08.2026).

31. *Апелляционное* определение Пермского краевого суда от 11 февраля 2026 г. по делу № 22-237/2026, 22-6388/2025. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mlVKdeYm5hoN/?ysclid=mt1fd8g2uh372955781> (дата обращения: 21.08.2026).

32. *Апелляционное* определение Ставропольского краевого суда от 24 февраля 2026 г. по делу № 22-604/2026. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Dz80OG5QJ15v/?ysclid=mt1fkkpyfy162589933> (дата обращения: 21.08.2026).

33. *Апелляционное* определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 28 января 2026 г. по делу № 22-2294/2025, 22-7/2026. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c1DIHGFNUT5K/?ysclid=mt1fzd39c4184367249> (дата обращения: 21.08.2026).

34. *Апелляционное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 6 декабря 2022 г. по делу № 55-621/2022. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/331452329> (дата обращения: 21.08.2026).

35. *Апелляционное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 15 ноября 2022 г. по делу № 10-22339/2022. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/336845236> (дата обращения: 21.08.2026).

36. *Апелляционное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 5 мая 2025 г. по делу

№ 55-558/2025. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/347822685> (дата обращения: 21.08.2026).

37. *Апелляционное* постановление Пермского краевого суда от 18 февраля 2026 г. по делу № 22-711/2026. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QJgtjfPs5Yow/?ysclid=mt1g6qt677187976031> (дата обращения: 21.08.2026).

38. *Апелляционное* постановление Ульяновского областного суда от 5 февраля 2024 г. по делу № 22-231/2024. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#%2Fdocument%2F338147542> (дата обращения: 20.12.2025).

39. *Генеральная* прокуратура Российской Федерации о приговоре Раменского городского суда Московской области от 27 апреля 2021 г. в отношении Решетняка С. В. – Текст : электронный // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – 2021. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e644220/?ysclid=mordhk8t67287379347> (дата обращения: 11.11.2025).

40. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2021 г. по делу № 223 -УД21-7-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/PVcnW7lo97xp/?page=12&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

41. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2021 г. по делу № 225-УД21-14-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/NiVSvYYRuGgQ/?page=12&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

42. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2021 г. по делу № 223-УД21-21-А6. – Текст : электрон-

ный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/sPc70gl2AjNC/?page=14&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

43. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. по делу № 2-5/2021. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Tjd00iEvOhNQ/> (дата обращения: 21.08.2026).

44. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. по делу № Ш-УД22-2-А2. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Tjd00iEvOhNQ/?page=10&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

45. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2023 г. № 222-УД23-2-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/MVQNMi9RTxHg/> (дата обращения: 21.08.2026).

46. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2024 г. по делу № 223 -УД24-1-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/vIlmtv9lxiHm/?page=4&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

47. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2024 г. по делу № 223-УД24-4-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/wO47ifAvUY1Q/> (дата обращения: 21.08.2026).

48. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2024 г. по делу № 223-УД24-10-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/4LvcrxG2NXC/> (дата обращения: 21.08.2026).

49. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2024 г. по делу № 222-УД24-29-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/yyT352snzBou/> (дата обращения: 21.08.2026).

50. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 июля 2024 г. по делу № 222-УД24-42-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/0EuJHIYRwb6T/> (дата обращения: 21.08.2026).

51. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. по делу № 224-УД24-53-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/6zWGWgneVZ6r/> (дата обращения: 21.08.2026).

52. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2024 г. по делу № 222-УД24-61-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/z7VwPVaOHNRh/> (дата обращения: 21.08.2026).

53. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2024 г. по делу № 53-УД24-33-А5. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/oPJzELwo5pHR/> (дата обращения: 21.08.2026).

54. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2024 г. по делу № 225-УД24-25-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/yZnlncpKNRVi/> (дата обращения: 21.08.2026).

55. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2025 г. по делу № 221-УД25-5-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/w8WvztUUUYUj/> (дата обращения: 21.08.2026).

56. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2025 г. по делу № 226-УД25-2-А6. – Текст : электронный

// Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/KUK7OOqaIw5R/> (дата обращения: 21.08.2026).

57. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2025 г. по делу № 225-УД25-8-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/4Kb4qqMuDUZv/> (дата обращения: 21.08.2026).

58. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 августа 2025 г. по делу № 222-УД25- 26-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/lhlUqFjVT7WV/?page=12&vsrf-txt> (дата обращения: 21.08.2026).

59. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 августа 2025 г. по делу № 223-УД25-21-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/IyHsImtwsv1v/> (дата обращения: 21.08.2026).

60. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 сентября 2025 г. по делу № 227-УД25-7-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2sUNsF2WE6oK/> (дата обращения: 21.08.2026).

61. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 октября 2025 г. по делу № 223-УД25-30-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Jc4ZSrRTCvQO/> (дата обращения: 21.08.2026).

62. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2026 г. по делу № 226-УД26-3-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/NAnX4YweUDQr/> (дата обращения: 21.08.2026).

63. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2026 г. по делу № 224-УД26-5-А6. – Текст : электронный //

Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2OfsqVw0swgR/> (дата обращения: 21.08.2026).

64. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2026 г. по делу № 225-УД26-4-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/hvXAFAPZ1kYt/> (дата обращения: 21.08.2026).

65. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2026 г. по делу № 221-УД26-2-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/yxas3HvRLU5m/> (дата обращения: 21.08.2026).

66. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2026 г. по делу № 226-УД26-10-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ofljQtVtVeZ1/> (дата обращения: 21.08.2026).

67. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2026 г. по делу № 229-УД26-1-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/yAEg3YfQ3Zgt/> (дата обращения: 21.08.2026).

68. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 мая 2026 г. по делу № 221-УД26-6-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/PjChuWY3sUd0/> (дата обращения: 21.08.2026).

69. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 мая 2026 г. по делу № 226 -УД26-18-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: [https://sudact.ru/vsrf/doc/gOGtIM6U2dxP/ ?page=18&vsrf-txt](https://sudact.ru/vsrf/doc/gOGtIM6U2dxP/?page=18&vsrf-txt) (дата обращения: 21.08.2026).

70. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2026 г. по делу № 225-УД26-15-А6. – Текст : электронный

// Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/XQau3fonmsb9/> (дата обращения: 21.08.2026).

71. *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июля 2026 г. по делу № 226-УД26-30-А6. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/FTsfsHr2lDLh> (дата обращения: 21.08.2026).

72. *Кассационное* определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 июля 2024 г. по делу № 77-1624/2024. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/483505256> (дата обращения: 21.08.2026).

73. *Кассационное* определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2024 г. по делу № 225-УД24-25-А6 г. – Текст : электронный // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05122024-n-225-ud24-25-a6/> (дата обращения: 21.08.2026).

74. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2026 г. по делу № 7У-2695/2026[77-2048/2026]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/471094314> (дата обращения: 21.08.2026).

75. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2025 г. по делу № 7У-1154/2025[77-612/2025]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/345119335> (дата обращения: 21.08.2026).

76. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2024 г. по делу № 7У-9480/2024[77-3490/2024]. – Текст : электронный // Гарант : спра-

вочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/343941412> (дата обращения: 21.08.2026).

77. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2026 г. по делу № 7У-3012/2026[77-1330/2026]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/470590561> (дата обращения: 21.08.2026).

78. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2022 г. по делу № 7У-3594/2022[77-1495/2022]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/328867541> (дата обращения: 21.08.2026).

79. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2022 г. по делу № 7У-14505/2021[77-282/2022-(77-4770/2021)]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/> (дата обращения: 21.08.2026).

80. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24 июля 2025 г. по делу № 7У-4586/2025[77-1886/2025]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/346919826> (дата обращения: 21.08.2026).

81. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 2 декабря 2021 г. по делу № 7У-5809/2021[77-2189/2021]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/327792659> (дата обращения: 21.08.2026).

82. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2026 г. по делу № 7У-1567/2026[77-777/2026]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-

правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/471141635> (дата обращения: 21.08.2026).

83. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 января 2026 г. по делу № 7У-3391/2025[77-26/2026-(77-1541/2025)]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/349174988> (дата обращения: 21.08.2026).

84. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 6 марта 2025 г. по делу № 7У-41/2025-(7У-3536/2024) [77-190/2025]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/345115753> (дата обращения: 21.08.2026).

85. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 января 2023 г. по делу № 7У-8690/2022[77-52/2023-(77-3500/2022)]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/332092485> (дата обращения: 21.08.2026).

86. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 мая 2025 г. по делу № 7У-2275/2025[77-939/2025]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/346296980> (дата обращения: 21.08.2026).

87. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 марта 2023 г. по делу № 7У-196/2023[77-373/2023]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/332760482> (дата обращения: 21.08.2026).

88. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 июня 2020 г. по делу № 7У-3001/2020[77-350/2020]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-

правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/314586472> (дата обращения: 21.08.2026).

89. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2026 г. по делу № 7У-1265/2026[77-998/2026]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/470784275> (дата обращения: 21.08.2026).

90. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2024 г. по делу № 7У-2863/2024[77-1441/2024]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/339917499> (дата обращения: 21.08.2026).

91. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 8 августа 2024 г. по делу № 7У-4474/2024[77-2030/2024]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/341320963> (дата обращения: 21.08.2026).

92. *Кассационное* постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 февраля 2026 г. по делу № 7У-7686/2025[77-342/2026-(77-4054/2025)]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система. : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/349456637> (дата обращения: 21.08.2026).

93. *О судебной* практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23.12.2025). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справ.-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 20.04.2026).

94. *Об избрании* меры пресечения в виде заключения под стражу по делу от 11 ноября 2022 г. по делу № 3/1-0188/2022. – Текст : электронный //

Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/dorogomilovskij/services/cases/criminal-materials/details/06196170-61cd-11ed-8a55-f30cb1f0cdc3?participant> (дата обращения: 17.10.2025).

95. *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2021 г. по делу № 81-УДП21-14-А5. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/QBr8kKOqUUbU/> (дата обращения: 21.08.2026).

96. *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. по делу № 5-П0-97. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/XSnqbqbfXpWg/> (дата обращения: 21.08.2026).

97. *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2026 г. по делу № 8Г-3485/2026[88-4674/2026]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/349966593> (дата обращения: 21.08.2026).

98. *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2026 г. по делу № 8Г-273/2026[88-1550/2026]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/470697000> (дата обращения: 21.08.2026).

99. *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29 сентября 2022 г. по делу № 7У-11611/2022[77-4928/2022]. – Текст : электронный // Гарант : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/330263776> (дата обращения: 21.08.2026).

100. *По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Д.И. Тимченко* : Постановление Консти-

туционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 4. – Ст. 312. – Текст : непосредственный.

101. *Постановление* Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 18 августа 2025 г. по делу № 1-388/2025. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5eAUVzrBTxJq/> (дата обращения: 21.08.2026).

102. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 45. Ст. 6650. – Текст : непосредственный.

103. *Постановление* Медведевского районного суда Республики Марий Эл от 15 февраля 2026 г. по делу № 1-39/2020, 1-39/2026. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0GEOk5KCOk5w/> (дата обращения: 21.08.2026).

104. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 3. – Текст : непосредственный.

105. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2024 № 36) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 1. – Текст : непосредственный.

106. *Приговор* Басманного районного суда г. Москвы от 27 ноября 2023 г. по делу № 10-12071/2024. – Текст : электронный // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/a21db760-1c07-11ef-a0f1-e122ddb5f5dc> (дата обращения: 13.11.2025).

107. *Приговор* Басманного районного суда г. Москвы от 29 августа 2023 г. по делу № 01-0378/2023. – Текст : электронный // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/criminal/details/83c6ff40-f57c-11ed-8a33-596e6e4ee36f?participant> (дата обращения: 15.10.2025).

108. *Приговор* Буйнакского городского суда от 19 сентября 2019 г. по делу № 1-16/2019. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wEXdS9imTmr1/> (дата обращения: 21.08.2026).

109. *Приговор* Бутырского районного суда г. Москвы от 5 апреля 2024 г. по делу № 01-0010/2024. – Текст : электронный // Судебные решения Российской Федерации. – URL: <https://судебныерешения.рф/81378982> (дата обращения: 10.11.2025).

110. *Приговор* Бутырского районного суда г. Москвы от 5 апреля 2024 г. по делу № 01-0010/2024. – Текст : электронный // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/butyrskij/services/cases/criminal/details/0ca7a240-716d-11ed-8c78-93e49a6cbaa8?> (дата обращения: 10.12.2025).

111. *Приговор* Ивдельского городского суда № 1-60/2024 от 15 июля 2024 г. по делу № 1-60/2024. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9SaeLUvOEFQP/> (дата обращения: 21.08.2026).

112. *Приговор* Клинского городского суда Московской области от 16 февраля 2026 г. по делу № 1-32/2026. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL:

<https://sudact.ru/regular/doc/mMPvv0jTXaYw/?ysclid=mt1hf5cug5946494866> (дата обращения: 21.08.2026).

113. *Приговор* Курчатовского районного суда г. Челябинска от 23 февраля 2025 г. по делу № 1-78/2025. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FgQKUOQUmA9/> (дата обращения: 21.08.2026).

114. *Приговор* Минераловодского городского суда от 13 апреля 2025 г. по делу № 1-10/2025. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y5BMEhSirCNn/> (дата обращения: 21.08.2026).

115. *Приговор* Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 23 мая 2025 г. по делу № 1-247/2025. – Текст : электронный. – URL: https://ordzhonikidzevsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&case_id=493426138&case_uid=35469756-f4e1-4855-ac50-75ebe3fa70e0&delo_id=1540006 (дата обращения: 07.08.2025).

116. *Приговор* Пресненского районного суда г. Москвы от 31 октября 2025 г. по делу № 01-0236/2025. – Текст : электронный // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/criminal/details/0f66ca40-e968-11ef-bf6f-cdbc5d5a9799?participant> (дата обращения: 10.12.2025).

117. *Приговор* Пресненского районного суда г. Москвы от 9 июля 2021 г. по делу № 10-0007/2021. – Текст : электронный // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/appeal-criminal/details/07d05860-0fb3-11ec-b7eb-29b38580e904?participant> (дата обращения: 10.12.2025).

118. *Приговор* Савеловского районного суда г. Москвы от 3 марта 2025 г. по делу № 10-19924/2025. – Текст : электронный // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/98156de0-91fd-11f0-af55-15eccc5a4ae1?participant> (дата обращения: 10.12.2025).

119. *Приговор* Советского районного суда г. Орла от 13 августа 2025 г. по делу № 1-107/2025. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OxiwqXLgMJHX/> (дата обращения: 21.08.2026).

120. *Приговор* Фрунзенского районного суда г. Владимира от 2 января 2020 г. по делу № 1-67/2020. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zNzhbe59AqU/> (дата обращения: 21.08.2026).

121. *Решение* Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с. – Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: <https://www.vsrfr.ru/lk/practice/cases/10730656?ysclid=morflq5otf111109819> (дата обращения: 04.04.2026).

122. *Решение* Нижегородского областного суда от 18 октября 2021 г. по делу № 3а-224/2021. – Текст : электронный // Судебные решения Российской Федерации. – URL: <https://судебныерешения.рф/63343289?ysclid=msiw7цuj34947273547> (дата обращения: 01.11.2025).

123. *Решение* суда Центрального района г. Минска (Республики Беларусь) о признании информационного канала в мессенджере telegram и логотипа «NEXTA» экстремистскими материалами. – Текст : электронный // Верховный суд Республики Беларусь. – 2020. – URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/685432b980d4453e.html (дата обращения: 13.11.2025).

Монографии, учебники, научные издания

124. *Аванесов, Г. А.* Криминология : учебник / Г. А. Аванесов. – Москва : Академия МВД СССР, 1984. – 498 с. – Текст : непосредственный.

125. *Антонян, Ю. М.* Криминология : учебник / Ю. М. Антонян. – Москва : Юрайт, 2024. – 389 с. – Текст : непосредственный.

126. *Вартанова, Е. Л.* Медиасистема России : учебное пособие / Е. Л. Вартанова. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 384 с. – Текст : непосредственный.
127. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс ; пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов. – Москва : Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с. – Текст : непосредственный.
128. *Гишинский, Я. И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. И. Гишинский. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. – 632 с. – Текст : непосредственный.
129. *Горшенков, Г. Г.* Безопасность: право, информация, личность (криминологический аспект) / Г. Г. Горшенков. – Казань : Новое знание, 2006. – 107 с. – Текст : непосредственный.
130. *Горшенков, Г. Н.* Криминология массовых коммуникаций : монография / Г. Н. Горшенков. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета, 2003. – 331 с. – Текст : непосредственный.
131. *Горшенков, Г. Н.* Криминологический словарь. – 2-е изд., доп. – Нижний Новгород : изд-во Нижегородского государственного университета им Н. И. Лобачевского, 2007. – 263 с. – Текст : непосредственный.
132. *Грачев, Г. В.* Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты / Г. В. Грачев. – Москва : РАГС, 1998. – 125 с. – Текст : непосредственный.
133. *Долгова, А. И.* Криминология : учебник / А. И. Долгова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2020. – 1008 с. – Текст : непосредственный.
134. *Долгова, А. И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество / А. И. Долгова. – Москва : Криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с. – Текст : непосредственный.
135. *Игнатова, И. Б.* Новые медиа: теория и практика : учебно-методическое пособие / И. Б. Игнатова, Е. С. Зубаркина, А. В. Землянский ; Министерство просвещения Российской Федерации, Федеральное государ-

ственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет». – Москва : МПГУ, 2022. – 95 с. – Текст : непосредственный.

136. *Иншаков, С. М.* Криминология : учебник / С. М. Иншаков. – Москва : Юриспруденция, 2000. – 427 с. – Текст : непосредственный.

137. *Ищук, Я. Г.* Цифровая криминология : учебное пособие / Я. Г. Ищук, Т. В. Пинкевич, Е. С. Смольянинов. – Москва : ГУРЛС МВД России, 2021. – 244 с. – Текст : непосредственный.

138. *Качкаева, А. Г.* Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / А. Г. Качкаева. – Москва : Престиж, 2010. – 200 с. – Текст : непосредственный.

139. *Клеймёнов, М. П.* Криминология : учебник / М. П. Клеймёнов. – 4-е изд. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2024. – 416 с. – Текст : непосредственный.

140. *Коробеев, А. И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1987. – 267 с. – Текст : непосредственный.

141. *Кубрякова, Е. С.* Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова // Язык средств массовой информации : учебное пособие. В 2 частях. Часть 2 / под ред. М. Н. Володиной. – Москва : Изд-во МГУ, 2004. – С. 155–175. – Текст : непосредственный.

142. *Кудрявцев, В. Н.* Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 800 с. – Текст : непосредственный.

143. *Кудрявцев, В. Н.* Преступность и нравы переходного общества / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Гардарики, 2002. – 240 с. – Текст : непосредственный.

144. *Кудрявцев, В. Н.* Причинность в криминологии / В. Н. Кудрявцев. – Москва : ЛексЭст, 2007. – 173 с. – Текст : непосредственный.

145. *Кузнецова, Н. Ф.* Проблемы криминологической детерминации / Н. Ф. Кузнецова ; под ред. В. Н. Кудрявцева. – Москва : Изд-во Московского университета, 1984. – 204 с. – Текст : непосредственный.
146. *Лунеев, В. В.* Криминология : учебник для академического бакалавриата / В. В. Лунеев. – Москва : Издательство Юрайт, 2019 – 686 с. – Текст : непосредственный.
147. *Маккуэйл, Д.* Журналистика и общество / Д. Маккуэйл ; пер. с англ. – Москва : МедиаМир ; Факультет журналистики МГУ, 2013. – 353 с. – Текст : непосредственный.
148. *Мацкевич, И. М.* Криминология : учебник / И. М. Мацкевич. – Москва : Проспект, 2022. – 368 с. – Текст : непосредственный.
149. *Номоконов, В. А.* Организованная преступность на Дальнем Востоке: тенденции и особенности развития за 20 лет : монография / В. А. Номоконов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2013. – 236 с. – Текст : непосредственный.
150. *Номоконов, В. А.* Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты : учебное пособие / В. А. Номоконов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 316 с. – Текст : непосредственный.
151. *Овчинский, В. С.* Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 325 с. – Текст : непосредственный.
152. *От теории журналистики к теории медиа.* Динамика медиаисследований в современной России : коллективная монография / под ред. Е. Л. Варгановой. – Москва : Изд-во Моск. ун-та ; Фак. журн. МГУ, 2019. – 208 с. – Текст : непосредственный.
153. *Павликова, М.* Сетевые технологии и журналистика: эволюция финских СМИ / М. Павликова. – Москва : РИП-холдинг, 2001. – 99 с. – Текст : непосредственный.

154. *Паризер, Э.* За стеной фильтров: что Интернет скрывает от вас? / Э. Паризер ; пер. с англ. А. Ширикова. – Москва : Альпина Паблишер, 2012. – 304 с. – Текст : непосредственный.

155. *Преступность* среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д. А. Шестакова. – Санкт Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 352 с. – Текст : непосредственный.

156. *Причины* преступности в России : монография / Ю. М. Антонян, Е. М. Тимошина, С. В. Маликов, В. И. Шиян, И. В. Никитенко ; под ред. Ю. М. Антоняна. – Москва : ВНИИ МВД России, 2013. – 523 с. – Текст : непосредственный.

157. *Прохоров, Е. П.* Введение в теорию журналистики : учебник для вузов / Е. П. Прохоров. – 8-е изд., испр. – Москва : Аспект Пресс, 2011. – 351 с. – Текст : непосредственный.

158. *Рябыкин, Ф. К.* Организация применения средств массовой информации в профилактике правонарушений : учебное пособие / Ф. К. Рябыкин. – Москва : Академия МВД СССР, 1980. – 99 с. – Текст : непосредственный.

159. *Томин, В. Т.* Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью : учебное пособие / В. Т. Томин. – Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1976. – 96 с. – Текст : непосредственный.

160. *Туляков, В. А.* Виктимология: социальные и криминологические проблемы : монография / В. А. Туляков. – Одесса : Юридическая литература, 2000. – 336 с. – Текст : непосредственный.

161. *Уголовное право* России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016 – 624 с. – Текст : непосредственный.

162. *Уголовная ответственность и наказание* : учебное пособие для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; ответственный редактор А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 130 с. – Текст : непосредственный.

163. *Федотов, М. А.* Медиаправо: доктрина, законодательство, право-применение / М. А. Федотов. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – 632 с. – Текст : непосредственный.

164. *Фещенко, П. Н.* Социальная напряженность: проблемы криминологического воздействия : монография / П. Н. Фещенко. – Москва : ООО «Проспект», 2019. – 216 с. – Текст : непосредственный.

165. *Хромов, И. Л.* Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (оперативно-розыскная деятельность, криминологический анализ, противодействие) : монография / И. Л. Хромов, К. И. Озеров. – Москва : Юриспруденция, 2024. – 128 с. – Текст : непосредственный.

166. *Шиллер, Г.* Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер ; пер. с англ.; науч. ред. Я. Н. Засурский. – Москва : Мысль, 1980. – 326 с. – Текст : непосредственный.

167. *Шестаков, Д. А.* Криминология массовых коммуникаций : монография / Д. А. Шестаков. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 240 с. – Текст : непосредственный.

168. *Шоткинов, С. А.* Масс-медиа и преступность / С. А. Шоткинов. – Москва : Компания спутник, 2004. – 96 с. – Текст : непосредственный.

169. *Шунейко, А. А.* Информационная безопасность человека : учебное пособие для вузов / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. – Москва : ВЛАДОС, 2018. – 167 с. – Текст : непосредственный.

170. *Юцкова, Е. М.* Средства массовой информации глазами криминолога / Е. М. Юцкова. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2000. – 48 с. – Текст : непосредственный.

171. *Maras, M.-H.* Cybercriminology / M.-H. Maras. – New York : Oxford University Press, 2017. – 448 p. – Текст : непосредственный.

172. *Bandura, A.* Social Learning Theory / A. Bandura. – Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1977. 247 p. – Текст : непосредственный.

173. *Cohen, S.* Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers / S. Cohen. – London : MacGibbon and Kee, 1972; 3rd ed. – London ; New York : Routledge, 2002. – 201 p. – Текст : непосредственный.

174. *Coleman, L.* The Copycat Effect: How the Media and Popular Culture Trigger the Mayhem in Tomorrow's Headlines / L. Coleman. – New York : Simon & Schuster, 2004. – 320 p. – Текст : непосредственный.

175. *Ericson, R. V.* Representing Order: Crime, Law, and Justice in the News Media / R. V. Ericson, P. M. Baranek, J. B. L. Chan. – Toronto ; Buffalo : University of Toronto Press, 1991. – 383 p. – Текст : непосредственный.

176. *Lasswell, H. D.* The Political Writings of Harold D. Lasswell / H. D. Lasswell. – Glencoe : Free Press, 1951. – 525 p. – Текст : непосредственный.

177. *Rice, R. E.* The New Media: Communication, Research and Technology / R.E. Rice. – 1st ed. – Beverly Hills : Sage Publications, 1984. – 320 p. – Текст : непосредственный.

178. *Yar, M.* Cybercrime and Society / M. Yar, K. F. Steinmetz. – 4th ed. – London : SAGE Publications Ltd, 2024. – 390 p. – Текст : непосредственный.

179. *Graham, R.* Cybercrime and Digital Deviance / R. Graham, S. K. Smith. – 2nd ed. – London : Routledge, 2024. – 216 p. – Текст : непосредственный.

180. *Holt, T. J.* (ed.). Cybercrime and Criminological Theory: Fundamental Readings on Hacking, Piracy, Theft, and Harassment / ed. by T. J. Holt. – San Diego : Cognella, Inc, 2012. – 228 p. – Текст : непосредственный.

181. *Hummer, D.* Handbook on Crime and Technology / ed. by D. Hummer, J. M. Byrne. – Northampton : Edward Elgar Publishing, 2023. – 484 p. – Текст : непосредственный.

Диссертации и авторефераты

182. *Антипов, А. И.* Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных се-

тей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Антипов Андрей Игоревич. – Санкт-Петербург, 2022. – с. 25 – Текст : непосредственный.

183. *Антонов, А. Д.* Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Антонов Анатолий Дмитриевич. – Москва, 2001. – 182 с. – Текст : непосредственный.

184. *Ахъядов, Э. С.-М.* Концептуальные основы противодействия преступлениям, посягающим на безопасность информационного пространства в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович. – Грозный, 2026. – 50 с. – Текст : непосредственный.

185. *Бибик, О. Н.* Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Бибик Олег Николаевич. – Омск, 2015. – 527 с. – Текст : непосредственный.

186. *Боровикова, В. В.* Проблемы освещения преступности в средствах массовой информации и профилактическая деятельность органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Боровикова Виктория Валерьевна. – Москва, 2002. – 222 с. – Текст : непосредственный.

187. *Болвачев, М. А.* Использование социальных сетей при расследовании преступлений экстремистской направленности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Болвачев Михаил Александрович. – Калининград, 2022. – 206 с. – Текст : непосредственный.

188. *Булатецкий, П. С.* Влияние средств массовой информации на насильственную преступность: криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Булатецкий Павел Сергеевич. – Москва, 2013. – 187 с. – Текст : непосредственный.

189. *Бушев, А. Б.* Языковые особенности текстов, используемых в психотерапевтической коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук :

10.02.19 / Бушев Александр Борисович. – Тверь, 1999. – 20 с. – Текст : непосредственный.

190. *Гололобова, Ю. И.* Средства массовой информации и преступность: Криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Гололобова Юлия Игоревна. – Москва, 2002. – 161 с. – Текст : непосредственный.

191. *Горшенков, Г. Н.* Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию (региональный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Горшенков Геннадий Николаевич. – Нижний Новгород, 1997. – 442 с. – Текст : непосредственный.

192. *Донских, Д. Г.* Противодействие криминальной субкультуре в обществе: криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Донских Дарья Геннадьевна. – Москва, 2010. – 164 с. – Текст : непосредственный.

193. *Дремлюга, Р. И.* Интернет-преступность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дремлюга Роман Игоревич. – Владивосток, 2007. – 248 с. – Текст : непосредственный.

194. *Евдокимов, К. Н.* Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Евдокимов Константин Николаевич. – Москва, 2021. – 557 с. – Текст : непосредственный.

195. *Ефремова, М. А.* Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Ефремова Марина Александровна. – Москва, 2018. – 54 с. – Текст : непосредственный.

196. *Зотина, Е. В.* Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Зотина Елена Владимировна. – Казань, 2024 – 249 с. – Текст : непосредственный.

197. *Ильиных, Н. А.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений экстремистской направленности, совершаемых с ис-

пользованием информационно-телекоммуникационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Ильиных Никита Андреевич. – Омск, 2025. – 212 с. – Текст : непосредственный.

198. *Ильницкий, А. С.* Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Ильницкий Александр Сергеевич. – Краснодар, 2022. – 213 с. – Текст : непосредственный.

199. *Климова, Ю. Н.* Преступность и массовая коммуникация в период предвыборной агитации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Климова Юлия Николаевна. – Нижний Новгород, 2003. – 25 с. – Текст : непосредственный.

200. *Кесарева, Т. П.* Криминологическая характеристика и проблемы предупреждения преступности в российском сегменте сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кесарева Татьяна Петровна. – Москва, 2002. – 195 с. – Текст : непосредственный.

201. *Кузнецова, Е. В.* Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кузнецова Елена Владимировна. – Москва, 2019. – 210 с. – Текст : непосредственный.

202. *Летёлкин, Н. В.* Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая «Интернет») : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Летёлкин Николай Владимирович. – Нижний Новгород, 2018. – 28 с. – Текст : непосредственный.

203. *Макиенко, А. В.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения криминогенного информационного воздействия преступных сообществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Макиенко Андрей Васильевич. – Москва, 1997. – 25 с. – Текст : непосредственный.

204. *Мясникова, К. А.* Криминологическая характеристика современной бытовой преступности и меры ее предупреждения : автореф. дис. ...

канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мясникова Карина Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 32 с. – Текст : непосредственный.

205. *Наумкин, В. Ю.* Использование органами внутренних дел средств массовой информации в предупреждении преступлений, совершаемых на почве наркомании : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Наумкин Всеволод Юрьевич. – Москва, 2002. – 213 с. – Текст : непосредственный.

206. *Осипова, Е. С.* Средства массовой информации в системе предупреждения преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Осипова Елена Сергеевна. – Москва, 2014. – 26 с. – Текст : непосредственный.

207. *Родина, Е. А.* Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Родина Екатерина Анатольевна. – Саратов, 2022. – 217 с. – Текст : непосредственный.

208. *Токарев, А. А.* Роль средств массовой информации в предупреждении преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Токарев Артем Алексеевич. – Москва, 2012. – 30 с. – Текст : непосредственный.

209. *Туркулец, В. А.* Защита несовершеннолетних от преступных посягательств, совершаемых с использованием сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Туркулец Валентина Алексеевна. – Москва, 2023. – 249 с. – Текст : непосредственный.

210. *Турунова, М. Н.* Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Турунова Меруерт Нурлановна. – Санкт-Петербург, 2023. – 242 с. – Текст : непосредственный.

211. *Узембаева, Г. И.* Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Узембаева Гульфия Ишбулдовна. – Москва, 2016. – 22 с. – Текст : непосредственный.

212. *Хлебушкин, А. Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Хлебушкин Артем Геннадьевич. – Саратов, 2007. – 28 с. – Текст : непосредственный.

213. *Чекунов, И. Г.* Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение предупреждения киберпреступности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Чекунов Игорь Геннадьевич. – Москва, 2013. – 223 с. – Текст : непосредственный.

214. *Шутова, А. А.* Уголовно-правовое противодействие информационным преступлениям в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Шутова Альбина Александровна. – Нижний Новгород, 2017. – 33 с. – Текст : непосредственный.

215. *Ярош, Г. М.* Печать как средство правового воспитания в целях предупреждения преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Ярош Галина Михайловна. – Москва, 1976. – 202 с. – Текст : непосредственный.

Статьи и публикации в периодических изданиях

216. *Акапьев, В. Л.* Профилактическая деятельность органов внутренних дел во взаимодействии со средствами массовой информации / В. Л. Акапьев, А. А. Дрога, С. Е. Савотченко. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 146–152.

217. *Александрова, И. Б.* Моблоги и блоги: альтернативные СМИ? / И. Б. Александрова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2008. – № 4. – С. 70–76.

218. *Андрианов, М.* Злоупотребление свободой массовой информации при освещении проблем преступности / М. Андрианов. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 1999. – № 2. – С. 88–92.

219. *Ангел, О. Ю.* Кибертерроризм как современная социальная угроза общественной безопасности: правовые меры противодействия / О. Ю. Ангел. – Текст : непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 4. – С. 14–19.

220. *Анхимова, Р. В.* Криминогенные воздействия средств массовой информации / Р. В. Анхимова. – Текст : непосредственный // Научный портал МВД России. – 2013. – № 2(22). – С. 51–56.

221. *Анхимова, Р. В.* Криминогенные последствия воздействий средств массовой информации / Р. В. Анхимова. – Текст : непосредственный // Научный портал МВД России. – 2015. – № 1(29). – С. 45–50.

222. *Асадов, Р. Б.* От шуток до преступлений: трансформация девиантного поведения в Интернете / Р. Б. Асадов. – Текст : непосредственный // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 2. – С. 160–173.

223. *Асадов, Р. Б.* Манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в структуре состава вербальных преступлений / Р. Б. Асадов. – Текст : непосредственный // Административное и муниципальное право. – 2025. – № 6. – С. 1–16.

224. *Асадов, А. М.* Уголовно-правовая охрана информационной сферы (криминализация уголовного закона) / А. М. Асадов, А. В. Майоров. – Текст : непосредственный // Вестник экономики, управления и права. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 5–10.

225. *Бабаева, В. А.* Новостная криминология в XXI веке: формирование общественного мнения в новых реалиях / В. А. Бабаева. – Текст : непосредственный // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 564–580.

226. *Балуев, Д. Г.* Новые средства массовой информации: проблемы теоретического осмысления / Д. Г. Балуев, Д. И. Каминченко. – Текст : непосредственный // Информационное общество. – 2014. – № 1. – С. 31–37.

227. *Берестовой, А. Н.* Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет» / А. Н. Бере-

стовой. – Текст : непосредственный // Российский девиантологический журнал. – 2025. – Т. 5, № 1. – С. 147–150.

228. *Берестовой, А. Н.* Вопросы криминализации девиантного поведения в сети Интернет (уголовно-правовой аспект) / А. Н. Берестовой. – Текст : непосредственный // Юрист-Правоведь. 2023. № 4 (107). С. 96–101.

229. *Бибик, О. Н.* Культурологический подход в криминологии / О. Н. Бибик. – Текст: непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. – № 3. – С. 179–190.

230. *Бибик, О. Н.* Материальная культура и преступность / О. Н. Бибик. – Текст: непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 4 (29). – С. 139–146.

231. *Бибик О. Н.* Культурологические аспекты противодействия преступности / О. Н. Бибик. – Текст: непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2 (32). – С. 22–27.

232. *Боровикова, В. В.* К вопросу о влиянии средств массовой информации на преступность / В. В. Боровикова. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 121–124.

233. *Брайт, Дж.* Алгоритмы и дезинформация / Дж. Брайт. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2022. – № 3. – С. 56–72.

234. *Бурлаков, В. Н.* Средства массовой информации и преступность (Криминология СМИ) / В. Н. Бурлаков, Г. Н. Горшенков, С. В. Максина, Д. А. Шестаков. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 263–272.

235. *Вакурова, Н. В.* Концепции современных российских интернет-изданий / Н. В. Вакурова, Л. И. Московин. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 45–53.

236. *Вартанова, Е. Л.* К чему ведет конвергенция СМИ? / Е. Л. Вартанова. – Текст : непосредственный // Информационное общество. – 1999. – Вып. 5. – С. 11–14.

237. *Вартанова, Е. Л.* Новые медиа как фактор модернизации СМИ / Е. Л. Вартанова. – Текст : непосредственный // Информационное общество. – 2008. – Вып. 5–6. – С. 37–39.

238. *Виневский, В. Н.* Криминологические аспекты изучения современных средств массовой информации и их влияния на преступность / В. Н. Виневский. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского института МВД России. – 2011. – № 4. – С. 101–105.

239. *Горшенков, А. Г.* Преступление как фактор виктимизации несовершеннолетних / А. Г. Горшенков, Г. Г. Горшенков, Г. Н. Горшенков. – Текст : непосредственный // Виктимология. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 150–160.

240. *Горшенков, А. Г.* Виктимологический аспект противопреступной политики в условиях специальной военной операции. Информационная сфера / А. Г. Горшенков, Г. Г. Горшенков, Г. Н. Горшенков. – Текст : непосредственный // Виктимология. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 230–242.

241. *Грачёва, Ю. В.* Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации / Ю. В. Грачёва, С. В. Маликов – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. – 16. – № 6. – С. 202–210.

242. *Гусев, М. В.* Проблема распространения криминальной субкультуры в России / М. В. Гусев. – Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2007. – № 5. – С. 104–107.

243. *Давыдов, Д. Г.* Медиа-насилие и его влияние на реальное поведение / Д. Г. Давыдов. – Текст : непосредственный // Научные труды открытого университета экономики, управления и права. Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник научных трудов. – Москва : АНО ВО «Открытый университет экономики, управления и права», 2021. – С. 337–353.

244. *Дагель, П. С.* Условия установления уголовной наказуемости / П. С. Дагель. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 67–74.
245. *Далгалы, Т. А.* Киберкриминология: вызовы XXI века / Т. А. Далгалы. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2020. – № 10. – С. 19–21.
246. *Демидова-Петрова Е. В.* Криминологический нейросетевой мониторинг социальных сетей в целях выявления деструктивного контента / Е. В. Демидова-Петрова. – Текст : непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 505–514.
247. *Дзялошинский, И. М.* Манипулятивные технологии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 29–40.
248. *Жаров, К. А.* Треш-стримы: уголовно-правовые аспекты / К. А. Жаров. – Текст : непосредственный // Современный ученый. – 2023. – № 6. – С. 298–303.
249. *Иванова, Р. Ю.* Социально-психологическое влияние фейковых публикаций, дискредитирующих органы внутренних дел Российской Федерации в период митингов 23 января 2021 года на формирование имиджа МВД России / Р. Ю. Иванова. – Текст : непосредственный // Прикладная психология и педагогика. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 42–50.
250. *Ивлиев, П. В.* Влияние СМИ на распространение преступности и криминальной субкультуры в России / П. В. Ивлиев, А. А. Глухова. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 11. – С. 192–194.
251. *Ильницкий, А. С.* Криминальная пропаганда в киберпространстве: социально-политические и теоретико-методологические основы криминологического познания / А. С. Ильницкий. – Текст : непосредственный // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 2. – С. 92–100.

252. *Капитонова, Е. А.* Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации / Е. А. Капитонова. – Текст : непосредственный // Уголовное право. 2024. № 2. С. 24–34.

253. *Клеймёнов, М. П.* Криминализация общества в России: культурологический аспект / М. П. Клеймёнов. – Текст : непосредственный // Преступность и культура : сборник научных трудов / под ред. А. И. Долговой. – Москва : Криминологическая ассоциация, 1999. – С. 24–31.

254. *Клеймёнов, М. П.* Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» / М. П. Клеймёнов, М. Г. Козловская, А. И. Савельев. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 17, № 4. – С. 72–80.

255. *Клеймёнов, И. М.* Криминологический мониторинг / И. М. Клеймёнов. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 1. – С. 200–203.

256. *Корж, П. А.* Интернет как платформа развития преступности / П. А. Корж. – Текст : непосредственный // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: основы противодействия (Долговские чтения) : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 24–25 марта 2022 г. / отв. ред. А. И. Долгова. – Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2022. – С. 110–116.

257. *Корсантия, А. А.* Основные причины детерминации преступности в Российской Федерации / А. А. Корсантия, И. В. Максименко. – Текст : непосредственный // Право и безопасность. – 2009. – № 2(31). – С. 25–30.

258. *Курбанов, А. Г.* Пробелы в системе оснований и принципов криминализации / А. Г. Курбанов, И. П. Кравец. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 149–153.

259. *Кузнецова, К. В.* Роль средств массовой информации в виктимологической профилактике / К. В. Кузнецова, А. В. Майоров. – Текст : непосредственный // Виктимология. – 2020. – № 2(24). – С. 39–44.

260. *Майоров, А. В.* Информационная среда как фактор, детерминирующий процессы криминализации и виктимизации в современном обществе / А. В. Майоров. – Текст : непосредственный // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2018. – № 1(11). – С. 72–75.

261. *Майоров, А. В.* Виктимология цифровой преступности: концепция научного направления / А. В. Майоров. – Текст : непосредственный // Виктимология. – 2024. – Т. 1, № 1. – С. 7–12.

262. *Майоров, А. В.* Виктимологическое обеспечение информационной безопасности личности / А. В. Майоров. – Текст : непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 3(42). – С. 80–88.

263. *Майоров А. В.* Влияет ли цифровизация на виктимизацию в современном обществе? / А. В. Майоров. – Текст : непосредственный // Виктимология. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 148–156.

264. *Мясникова, К. А.* Мотивы преступного насилия в быту / К. А. Мясникова. – Текст : непосредственный // Философия права. – 2012. – № 2. – С. 128–132.

265. *Нежинская, Л. А.* К дискуссии в буржуазной криминологии о криминогенности средств массовой информации / Л. А. Нежинская, В. П. Шупилов. – Текст : непосредственный // Вопросы борьбы с преступностью. – 1973. – Вып. 18. – С. 132–142.

266. *Номоконов, В. А.* Киберпреступность как новая криминальная угроза / В. А. Номоконов, Т. Л. Тропина. – Текст : непосредственный // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 1(24). – С. 45–55.

267. *Номоконов, В. А.* Глобализация информационных процессов и преступность / В. А. Номоконов – Текст : непосредственный // Інформаційні технології та безпека: збірка наукових праць. – Киев, 2002. – Вип. 1. – С. 95–103.

268. *Номоконов, В. А.* Причины преступности в современной России: проблема обостряется / В. А. Номоконов. – Текст : непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 247–257.

269. *Номоконов, В. А.* Коррупция в России и перспективы борьбы с ней / В. А. Номоконов, М. А. Гилевская. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 1. – С. 181–186.

270. *Носовец, С. Г.* Новые медиа: к определению понятия / С. Г. Носовец. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 4 (10). – С. 39–48.

271. *Пестерева, Ю. С.* Уголовно-правовые, криминологические, криминалистические аспекты публичной демонстрации преступлений против личности в информационно-коммуникационной сети «Интернет» / Ю. С. Пестерева, С. Е. Тимошенко. – Текст : непосредственный // Сибирский вестник. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 596–604.

272. *Писаревская, Е. А.* Треш-стриминг: проблемы уголовно-правового регулирования / Е. А. Писаревская, М. А. Дворжицкая, А. А. Маланьин, Д. Е. Савельева. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 6. – С. 313–315.

273. *Рахманова, Е. Н.* Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ / Е. Н. Рахманова, А. Н. Берестовой, П. В. Цветков. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России – 2023. – № 1. – С. 137–143.

274. *Расторгуева, Н. Е.* Этико-правовые аспекты регулирования современных российских СМИ / Н. Е. Расторгуева. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2011. – № 4. – С. 72–79.

275. *Рогалева, О. С.* Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) / О. С. Рогалева, Т. В. Шкайдерова. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1(75). – С. 222–225.

276. *Романовская, О.В.* О саморегулировании средств массовой информации / О.В. Романовская. – Текст : непосредственный //Гражданин и право. 2014. № 11. С. 70–82.

277. *Рябцева, О. Н.* Треш-стриминг как феномен негативной девиации в Интернете: юридико-социологический аспект / О. Н. Рябцева, С. З. Еникеева. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – № 3. – С. 140–148.

278. *Сенцов, А. С.* Противодействие публичному распространению криминогенной информации (треш-стримам) / А. С. Сенцов, В. В. Волоколупова. – Текст : непосредственный // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3(77). – С. 21–27.

279. *Серебренникова, А. В.* Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) / А. В. Серебренникова. – Текст : непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 423–430.

280. *Серов, А. А.* О роли дезинформации в современных конфликтах и войнах / А. А. Серов. – Текст : непосредственный // Зарубежное военное обозрение. – 2011. – № 7. – С. 18–24.

281. *Смирнов, А. М.* Героизация самосуда как социально-культурный феномен и криминологическая проблема современной России / А. М. Смирнов. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 2. – С. 428–435.

282. *Соловьев, В. С.* Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) / В. С. Соловьев. – Текст : непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 60–71.

283. *Стаценко, В. Г.* Киберкриминология как область криминологического знания: объект исследования и перспективы развития / В. Г. Стаценко. – Текст : непосредственный // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 3(19). – С. 29–34.

284. *Токарев, А. Л.* Криминологический и судебно-экспертный подходы к изучению публикаций СМИ, стимулирующих антиобщественное пове-

дение / А. Л. Токарев, Н. Ф. Бодров. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 2. – С. 218–226.

285. Уторова, Т. Н. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в преступной деятельности: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики / Т. Н. Уторова, Я. Р. Кротов, М. М. Павлов. – Текст : непосредственный // *Lex criminalis scientiarum*. – 2024. – Т. 1, № 2. – С. 125–133.

286. Червонных, Е. В. Формирование криминогенных ситуаций в сфере социальных медиа и их влияние на процесс криминализации личности / Е. В. Червонных – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 5. – С. 197–206.

287. Шевелева, С. В. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новелла уголовного законодательства / С. В. Шевелева, О. Г. Михайлова. – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 181–190.

288. Шестаков, Д. А. Криминология массовых коммуникаций – формирующаяся научная отрасль / Д. А. Шестаков. – Текст : непосредственный // Преступность и культура общества : сборник научных трудов / под ред. А. И. Долговой. – Москва : Криминологическая ассоциация, 1998. – С. 53–60.

289. Шестерина, А. М. К вопросу о типологии новых медиа / А. М. Шестерина. – Текст : непосредственный // Неофилология. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 932–940.

290. Шестерина, А. М. Медиапотребление современных подростков в условиях цифровой среды (на материале опроса старших школьников Калининградской области) / А. М. Шестерина. – Текст : непосредственный // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2024. – № 1(51). – С. 8–16.

291. Шоткинов, С. А. К вопросу о криминогенном воздействии масс-медиа на преступность / С. А. Шоткинов. – Текст : непосредственный // Государство и право: теория и практика. – 2016. – № 2(3). – С. 45–52.

292. *Шпак, А. А.* К вопросу о влиянии криминальной субкультуры на молодежь / А. А. Шпак. – Текст : электронный // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции. – Омск : Изд-во Омского государственного университета, 2025. – С. 224–229.
293. *Шпак, А. А.* Криминальная субкультура в молодежной среде / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Власть Закона. – 2024. – № 1(57). – С. 325–331.
294. *Шпак, А. А.* Криминогенность СМИ на примере публикаций об актах скулшутинга / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 97–106.
295. *Шпак, А. А.* Криминогенный потенциал средств массовой информации: манипуляция, дезинформация и пропаганда / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2025. – Т. 21, № 4. – С. 40–44.
296. *Шпак, А. А.* Криминологическая характеристика соучаствующей аудитории треш-стримов: мотивы, формы участия и пределы уголовно-правовой оценки / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2026. – Т. 22, № 2. – С. 49–56.
297. *Шпак, А. А.* Особенности криминогенного воздействия СМИ и меры его профилактики / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2025. – № 2. – С. 118–122.
298. *Шпак, А. А.* О криминогенных последствиях от воздействия средств массовой информации на общественное сознание граждан / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности : материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. – С. 334–339.

299. *Шпак, А. А.* Публикации о скулшутингах в средствах массовой информации как криминогенный фактор / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVIII международной научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 2. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2025. С. 30–32.

300. *Шпак, А. А.* Совершенствование норм уголовного законодательства в целях предупреждения криминогенного воздействия СМИ / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Молодые ученые России : сборник статей XXIV Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2025. – С. 219–221.

301. *Шувалов, Л. А.* Нарушение этических стандартов в процессе освещения журналистами событий скулшутинга / Л. А. Шувалов. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2023. – № 3(78). – С. 262–268.

302. *Юферева, А. С.* Средства массовой информации как институт политической коммуникации в условиях интернета / А. С. Юфеева. – Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2017. – Т. 2, № 3. – С. 286–296.

303. *Яхонтова, О. С.* О значимости криминологического мониторинга в средствах массовой информации / О. С. Яхонтова, Р. Н. Яхонтов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2. – С. 137–142.

304. *Barak, G.* Doing newsmaking criminology from within the academy / G. Barak. – Текст : непосредственный // Theoretical Criminology. – 2007. – Vol. 11, No. 2. – P. 191–207.

305. *Barak, G.* Newsmaking criminology: Reflaction ot the media, intellectuals, and crime / G. Barak. – Текст : непосредственный // Justice Quarterly. – 1988. – Vol. 5, № 4. – P. 565–587.

306. *Beck, U.* Second modernity as a research agenda: theoretical and empirical exploration in the meta-change of modern society / U. Beck, C. Lau. – Текст : непосредственный // *The British Journal of Sociology*. – 2005. – Vol. 56, No. 4. – P. 525–557.

307. *Bermúdez-Bermúdez, Y. A.* Deepfakes and artificial intelligence in social engineering: Emerging threats in 21st-century cyberfraud / Y. A. Bermúdez-Bermúdez. – Текст : непосредственный // *IUSTA*. – 2025. – № 63. – Pp. 54–71.

308. *Gerbner, G.* Living with Television: The Dynamics of the Cultivation Process / G. Gerbner, L. Gross, M. Morgan, N. Signorielli. – Текст : непосредственный // *Perspectives on Media Effects* / Ed. By J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates, 1986. – Pp. 17–40.

309. *Jaishankar, K.* Cyber Criminology: Evolution, Contribution and Impact / K. Jaishankar. – Текст : непосредственный // *International Journal of Cyber Criminology*. – 2007. – Vol. 1, № 1. – Pp. 9–11.

310. *Jaishankar, K.* Cyber Criminology: Evolving a novel discipline with a new journal / K. Jaishankar. – Текст : непосредственный // *International Journal of Cyber Criminology*. – 2007. – Vol. 1, № 1. – Pp. 1–6.

311. *Philips, D. P.* Suicide and the media / D. P. Phillips, K. Lesnya, D. J. Paight. – Текст : непосредственный // *Assessment and Prediction of Suicide* / ed. By R.W. Maris et al. – New York : Guilford Press, 1992. – Pp. 499–519.

312. *Ricaldi, R.* TeleHUNT: Large-Scale Analysis of Criminal Communities on Telegram / R. Ricaldi, T. Marjanov, L. Allodi, A. Hutchings. – Текст : непосредственный // *IEEE Transactions on Information Forensics and Security*. – 2025. – Vol. 20. – Pp. 178–190.

313. *Ricaldi, R.* (2025). Uncovering the Trust Signals Supporting Telegram's Cybercrime Economy / R. Ricaldi, T. Marjanov, L. Allodi, & A. Hutchings. – Текст : непосредственный // *In Proceedings of the 2025 APWG Symposium on Electronic Crime Research (eCrime)*. – Pp. 1–17.

314. *Uricchio, W.* Cultural citizenship in the age of P2P networks / W. Uricchio. – Текст : непосредственный // *Media cultures in a changing Eu-*

rope / ed. By I. Bondebjerg, P. Golding. – Bristol : Intellect Press, 2004. – Pp. 150–166.

315. *Xie, Y. Seeing is no longer believing: a study of Deep Fake identification ability and its social impact* / Y. Xie. – Текст : непосредственный // *Advances in Engineering Innovation*. – 2025. – Pp. 28–40.

Материалы статистики

316. *Итоги* выборочного наблюдения использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей населением в 2024 году // Федеральная служба государственной статистики. – 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt24/index.html. – Текст : электронный.

317. *Статистическая информация о состоянии преступности в Российской Федерации за январь–май 2026 года* // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – 2026. – URL: <https://мвд.рф/news/item/88822025>. – Текст : электронный.

318. *Статистические сведения о состоянии преступности в январе–июне 2026 года* // МВД медиа. – 2026. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyune-2026-goda>. – Текст : электронный.

319. *Состояние преступности в Российской Федерации за январь–июнь 2026 года* // МВД России. – 2026. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/91991192>. – Текст : электронный.

320. *Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года* // МВД России. – 2026. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751>. – Текст : электронный.

321. *Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года* // МВД России. – 2026. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328>. – Текст : электронный.

322. *Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2025 года* // МВД России. – 2026. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182>. – Текст : электронный.

Энциклопедии и справочные издания

323. *Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Большая Российская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Норинт, 2009. – 1456 с. – Текст : непосредственный.

Интернет-источники и электронные ресурсы

324. *«Кровь на асфальте»: психолог рассказал о возможной связи волны агрессии подростков с новым сериалом* // Комсомольская правда. – 2023. URL: <https://www.tomsk.kp.ru/daily/27590/4861627>. – Текст : электронный.

325. *«Кружки» в мессенджерах стали оружием мошенников* // Новые Известия. – 2025. – URL: <https://newizv.ru/news/2025-06-18/ni-na-sekundu-ne-zapodozrila-kruzhki-v-messendzherah-stali-oruzhiem-moshennikov-437213>. – Текст : электронный.

326. *«Я недостойна»: Юлия Финес – откровенное интервью после двух лет молчания* // VC.RU. – 2025. – URL: <https://vc.ru/id5219057/2206333-yuliya-fines-otkrovennoe-intervyu-o-zavisimosti?ysclid=mgyt8gsza554550418>. – Текст : электронный.

327. *52 казахстанца получили наказание за фейки* // 24.kz. – URL: <https://24.kz/ru/news/social/730676-52-kazakhstantsa-poluchili-nakazanie-za-fejki>. – Текст : электронный.

328. *Администраторов Telegram-каналов заподозрили в распространении запрещенных идей* // Lenta.ru. – 2025. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/10/01/administratorov-telegram-kanalov-zapodozrili-v-rasprostranении-zapreshennyh-idey>. – Текст : электронный.

329. *Администраторов Telegram-каналов судят за вымогательства* // Коммерсантъ. – 2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6428797>. – Текст : электронный.

330. *Бастрыкин: в России сокращается число дел о дискредитации армии* // Фонтанка.ру. – URL: <https://www.fontanka.ru/2026/01/14/76214933>. – Текст : электронный.

331. *Блогер устраивал стримы под наркотиками и избивал девушек на камеру* // Lenta. ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2020/10/26/mellstroy>. – Текст : электронный.

332. *Блогер Шабутдинов получил 7 лет колонии за мошенничество на 57 млн рублей* // Парламентская газета. – URL: <https://www.pnp.ru/incident/blogger-shabutdinov-poluchil-7-let-kolonii-za-moshennichestvo-na-57-mln-rublej.html>. – Текст : электронный.

333. *Блогер Mellstroy объявлен в розыск в Казахстане: АФМ раскрывает ключевые детали* // Zakon.kz. – 2025. – URL: <https://www.zakon.kz/sobytiia/6498023-blogger-Mellstroy-obyavlen-v-rozysk-v-kazakhstane-afm-raskryvaet-klyuchevye-detali.html>. – Текст : электронный.

334. *Блогеры получили свой ОКВЭД* // Коммерсантъ. – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7694714>. – Текст : электронный.

335. *Более 4 часов в день: как россияне проводят время в цифровом пространстве* // Telesputnik.ru. – 2025. – URL: <https://telesputnik.ru/materials/trends/news/bolee-4-casov-v-den-kak-rossiyane-provodyat-vremya-v-cifrovom-prostranstve>. – Текст : электронный.

336. *В Белоруссии признали экстремистскими каналы блогера Mellstroy* // РБК.ru. – 2025. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/690cb6dd9a7947ad6a245f29>. – Текст : электронный.

337. *В Казахстане* предложили запретить детям до 16 лет регистрироваться в соцсетях // Коммерсантъ. – 2026. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8363813>. – Текст : электронный.

338. *В Ленинградской области* задержали блогера, сорвавшего флаг России // РИА. – 2025. – URL: <https://ria.ru/20250620/blogger-2024411383.html?ysclid=mhnmk797swm411564716>. – Текст : электронный.

339. *В Москве* проверяют блогера Дзугкоева, который унижает пенсионеров для видео // Вести Московского региона. – 2024. – URL: <https://www.mosregion.info/2024/09/27/v-moskve-proveryat-blogera-dzugkoeva-kotoryj-unizhaet-pensionerov-dlya-video/?ysclid=mgtyt372c772994849>. – Текст : электронный.

340. *В России* за январь–июль 2025 года ущерб от IT-преступлений вырос на 16 % и составил почти 120 млрд рублей // Ассоциация юристов России. – 2025. – URL: <https://alrf.ru/news/v-rossii-za-yanvar-iyul-2025-goda-ushcherb-ot-it-prestupleniy-vyros-na-16-i-sostavil-pochti-120-mlrd>. – Текст : электронный.

341. *В России* запретили Telegram-боты, подделывающие голоса // Новостной портал ЦТЭП ИДУ. – 2025. – URL: <https://news.egov.itmo.ru/25-11-07-751.html>. – Текст : электронный.

342. *В России* объявили в розыск треш-стримера Mellstroy // РБК URL: <https://www.rbc.ru/society/13/02/2024/65cb535a9a794700a79a9894>. – Текст : электронный.

343. *В Сети* появился миллион фейков о частичной мобилизации // РИА. – 2022. – URL: <https://ria.ru/20220923/feyki-1818886306.html?ysclid=mhngpraxe288151574>. – Текст : электронный.

344. *В Узбекистане* разработан проект закона о защите прав пользователей онлайн-платформ // Газета.uz. – 2025. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/05/28/column>. – Текст : электронный.

345. *В Telegram* мошенники используют ИИ для подделки коллег и друзей // Общественная служба новостей URL: <https://www.osnmedia.ru/>

obshchestvo/yurist-solovev-v-telegram-moshenniki-ispolzuyut-ii-dlya-poddelki-kolleg-i-druzej. – Текст : электронный.

346. *Глобальный парадокс: 5,5 миллиарда онлайн, но треть мира в цифровой тени* // SecurityLab. – 2024. – URL: <https://www.securitylab.ru/news/554387.php> и. – Текст : электронный.

347. *Девушка умерла на стриме ради донатов. Блогер Reeflay уже имел дурную славу – теперь ему грозит уголовка* // 360.ru. – 2020. – URL: <https://360.ru/tekst/obshchestvo/umerla-na-strime>. – Текст : электронный.

348. *Декларация принципов поведения журналиста Международной Федерации Журналистов* // Общественная коллегия по жалобам на прессу – URL: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/754-mediaeticheskii-standart-2-0>. – Текст : электронный.

349. *Донаты за садизм. Кто такие треш-стримеры и как найти на них управу* // Aif.ru. – 2021. – URL: https://aif.ru/society/web/donaty_za_sadizm_kto_takie_tresh-strimery_i_kak_nayti_na_nih_upravu. – Текст : электронный.

350. *Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС* // Следственный комитет РФ. – URL: <https://sledcom.ru/search?q=Интервью+Председателя+СК+России+информационному+агентству+ТАСС>. – Текст : электронный.

351. *Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС* // Следственный комитет РФ. – URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/2109837>. – Текст : электронный.

352. *Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС* // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obshchestvo/12495107>. – Текст : электронный.

353. *Интервью с VJLink* // Рабдно. – 2020. – URL: <https://rabdno.media/intervyu-s-vjlink>. – Текст : электронный.

354. *Каждый третий подросток сталкивался с АУЕ-сообществами в соцсетях* // RGRU. – URL: <https://rg.ru/2019/02/05/kazhdyj-tretij-podrostok-stalki>

valsia-s-aue-soobshchestvami-v-socsetiah.html?ysclid=mgyci3y147279645501. –

Текст : электронный.

355. *Как подростки* делают культ из американских стрелков // РИА. – 2017. – URL: <https://ria.ru/20170909/1502116828.html>. – Текст : электронный.

356. *Кибердружины* бросают вызов противоправному контенту // Местное Время. – URL: <https://mvremya.ru/article/29472>. – Текст : электронный.

357. *Киберпатруль* начал свою работу // Кабардино-Балкарская Правда. – URL: <https://kbpravda.ru/node/35818>. – Текст : электронный.

358. *Кого* и как кинул Mellstroy // Газета.ru. – 2024. – URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2024/03/20/18440581.shtml>. – Текст : электронный.

359. *Кодекс* строителей контента: шесть общественных организаций составили рекомендации российским блогерам // ADPASS URL: <https://adpass.ru/reklamnyj-kodeks-dlya-bloggerov-i-mobilnyh-prilozhenij>. – Текст : электронный.

360. *Маргинальный* хоррор во плоти: почему треш-стримы все еще популярны // Постньюс. – 2023. – URL: <https://postnews.ru/a/25963>. – Текст : электронный.

361. Массовые протесты в Непале // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20250909/nepal-2040665686.html>. – Текст : электронный.

362. *Мосгорсуд* признал законным приговор блогерам Наки и Карпуку по делу о фейках про армию РФ // ТАСС. – 2024. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19523777>. – Текст : электронный.

363. *Новые медиа* // Большая Российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/wiki/Новые_медиа. – Текст : электронный.

364. *Новые* риски цифровой эпохи: как мошенники применяют искусственный интеллект // РИА Новости. – 2025. – URL: <https://ria.ru/20250715/ii-2029059218.html?ysclid=mgay5hpy4v26398816>. – Текст : электронный.

365. *Об административной ответственности за «треш-стримы»* // Прокуратура Тюменской области. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_72/activity/legal-education/explain/e1325655. – Текст : электронный.

366. *Ответственность за подписку на экстремистские Telegram-каналы* // Березинская панорама. – 2025. – URL: <https://www.berezino.by/ru/novosti/obshchestvo/item/25331-otvetstvennost-za-podpisku-na-ekstremistskie-telegram-kanaly>. – Текст : электронный.

367. *Полицейские* отпустили приковавшего мужчину к батарее треш-стримера // РЕН ТВ. – 2021. – URL: <https://ren.tv/news/kriminal/910243-izobrazhaet-korolia-sosedi-o-prikovavshem-k-bataree-muzhchinu-strimere>. – Текст : электронный.

368. *Приговор* администраторам Telegram-канала «Что делать?» вступил в силу // ТАСС. – 2024. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22478565>. – Текст : электронный.

369. *Приговор* Басманного районного суда г. Москвы по делу А. Баязитовой и О. Архаровой («Адские бабки») // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – 2023. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/basmannyj/news/v-otnoshenii-aleksandry-bayazitovoj-i-olgi-arharovoj-vynesen-prigovor?ysclid=mordeiln4l19031125>. – Текст : электронный.

370. *Приговор* в отношении блогера А. Шабутдинова // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – 2025. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/presnenskiy/news/bloger-i-predprinimatel-ayaz-shabutdinov-zaslushal-prigovor-po-delu-o-moshennichestve-v-osobo-krupnom-razmere?ysclid=mordf8srw8824905025>. – Текст : электронный.

371. *Приговор* в отношении блогера Е. Блиновской // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – 2025. – URL: <https://msk.mos-gorsud.ru/rs/savelovskij/news/savelovskim-rajonnym-sudom-g-moskvy-provozglashen-prigovor-koroleve-marafonov-blogeru-elene-blinovskoj?ysclid=mordg4whf94551096>. – Текст : электронный.

372. *Приговор* мирового судьи судебного участка № 376 Пресненского района г. Москвы в отношении Бурима А. // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – 2021. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/news/mirovoj-sudya-rassmotrel-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-blogera-andreya-burima>. – Текст : электронный.

373. *Приговор* создателям телеграм-канала NEXTA вступил в силу // РИА Новости. – 2023. – URL: <https://ria.ru/20230518/nexta-1872659889.html>. – Текст : электронный.

374. *Приговор* Хамовнического районного суда г. Москвы по делу администраторов Telegram-каналов «Проект Сканер» и «Riddle» // Официальный портал судов общей юрисдикций города Москвы. – 2023. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/news/hamovnicheskij-rajonnyj-sud-goroda-moskvy-vynes-obvinitelnyj-prigovor-administratoram-telegram-kanalov-proekt-skaner-i-riddle?ysclid=mordd1fmql742054707>. – Текст : электронный.

375. *Против* екатеринбургского youtube-блогера возбудили дело за дискредитацию ВС РФ // Ura.Ru. – 2024. – URL: <https://www.uralweb.ru/news/society/563244-protiv-ekaterinburgskogo-youtube-blogera-vozbudili-delo-za-diskreditaciyuvs-rf.html>. – Текст : электронный.

376. *Путин* о деструктивном контенте в соцсетях: для IT-компаний главное – прибыль // Парламентская газета. – URL: <https://www.pnp.ru/social/putin-o-destruktivnom-kontente-v-socsetyakh-dlya-it-kompaniy-glavnoe-pribyl.html?ysclid=mp2fsl8fun752853498>. – Текст : электронный.

377. *Регистрация* блогеров: Роскомнадзор рассмотрел более 264 тыс. заявок // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – 2025. – URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74942.htm>. – Текст : электронный.

378. *Решение* Нижегородского областного суда от 18.10.2021 по делу № 3а-224/2021 о признании движения «Мужское государство» экстремистским // Нижегородский областной суд. – 2021. – URL:

<https://nnoblsud.ru/index.php/press-sluzhba/novosti/4246-podvedeny-itogi-raboty-sudov-obshchej-yurisdiktsii-za-2020-god-11?ysclid=mordmb98rc558995735>. –

Текст : электронный.

379. *Россиян предупредили об использовании мошенниками ИИ для обмана* // Газета.ру. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/08/24/26564432.shtml?utm_auth=true. – Текст : электронный.

380. *Рэпера Icegergert уличили в пропаганде АУЕ из-за фразы: «Жизнь ворам!»* // Газета.ру. – 2025. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/10/28/27047762.shtml?utm_auth=false. – Текст : электронный.

381. *С начала года Роскомнадзор заблокировал 20 миллионов опасных материалов* // Общественная служба новостей – 2025. – URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/s-nachala-goda-roskomnadzor-zablokiroval-20-millionov-opasnyh-materialov>. – Текст : электронный.

382. *Семь лет за фейки: наказание за дискредитацию СВО ужесточат* // Известия. – 2023. – URL: <https://iz.ru/1477314/shaipova-mariia/sem-let-za-feiki-nakazanie-za-diskreditaciiu-svo-uzhestochat>. – Текст : электронный.

383. *СК возбудил более 600 дел о фейках и дискредитации армии с 2022 года* // Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/03/03/1095542-sk-vozbudil>. – Текст : электронный.

384. *СК и МВД Башкирии проверяют треш-стрим со сценами насилия над мужчиной и женщиной* // Комсомольская правда. – 2023. – URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/27565.5/4833703/?ysclid=mhnjz87aku427314686>. – Текст : электронный.

385. *Смертельный челлендж: 10-летняя девочка умерла, пытаясь повторить испытание из Tik-Tok* // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27230.5/4356467>. – Текст : электронный.

386. *Смерть в прямом эфире, избиения детей и издевательства за 2 миллиона рублей: Как и сколько зарабатывают треш-стримеры в России* //

- Комсомольская правда. – 2021. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27497/4757222>. – Текст : электронный.
387. *Стример избил мать, но она говорит – это норма* // 360.ru. – 2019. – URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/populjarnost-s-durnym-zapahom/?ysclid=mo4i45vyqy438440348>. – Текст : электронный.
388. *Стример Mellstroy уехал из Дубая после оскорбления мусульманина* // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2024/02/13/22327453.shtml?utm_auth=false. – Текст : электронный.
389. *Стример VJLink устроил пьяный стрим с избиением инвалида* // НТВ. – 2021. – URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2512604>. – Текст : электронный.
390. *Стримы треш-блогеров Гобзавра и Людмурика удалены из Сети по решению суда* // Life. – 2023. – URL: <https://life.ru/p/1629486?ysclid=mhmk3wixor529794418>. – Текст : электронный.
391. *Суд отправил за решетку блогера, у которого во время стрима на YouTube умерла девушка* // 161.ru. – 2021. – URL: <https://161.ru/text/criminal/2021/04/27/69888983>. – Текст : электронный.
392. *Таиланд депортирует россиянина, снявшегося в скандальном видеоролике* // РИА Новости. – 2025. – URL: <https://ria.ru/20250926/tailand-2044488859.html?ysclid=mgytzze0ip252657069>. – Текст : электронный.
393. *Треш-стримеры: зачем им чужая смерть в прямом эфире* // РЕН ТВ. – 2023. – URL: <https://ren.tv/longread/1144864-tresh-strimery-kto-takie-i-kak-ikh-khotiat-privlekat-k-otvetstvennosti>. – Текст : электронный.
394. *Управление гневом* // ВЦИОМ. – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-gnevom>. – Текст : электронный.
395. *Фейк-ньюс – и как с ними бороться?* // ВЦИОМ. – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja>. – Текст : электронный.

396. *Фейк*: в России введут налог на бездетность, чтобы поддержать многодетные семьи и СВО // войнасфейками.рф. – 2024. – URL: <https://войнасфейками.рф/civil/fejk-v-rossii-vvedut-nalog-na-bezdetnost-chtoby-podderzhat-mnogodetnye-semi-i-svo/?ysclid=moi9fdhc13728567571>. – Текст : электронный.

397. *Фигуранты* дела телеграм-канала «Что делать?» получили до 8 лет колонии // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/04/2024/660fe52b9a79472985cd4f42?ysclid=miwzhpgr5g868414194>. – Текст : электронный.

398. *Челябинский* суд вынес решение по делу семьи треш-стримеров Гобзавра и Людмурика // Ura.ru. – 2023. – URL: <https://ura.news/news/1052717230>. – Текст : электронный.

399. *Чем жил* самый популярный в России блогер-зэк // Life. – 2019. – URL: <https://life.ru/p/1262064?ysclid=mhnjwcoy6d4566739>. – Текст : электронный.

400. *Юлия* Финесс признана невменяемой: кадры тяжелой жизни треш-блогерши // МК.RU. – 2023. – URL: <https://www.mk.ru/photo/gallery/35342-694558.html>. – Текст : электронный.

401. *Nepalese Gen Z Protests* // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/event/2025-Nepalese-Gen-Z-Protests>. – Текст : электронный.

402. *Research and Commissioned Reports* // Mass Casualty Commission. – URL: <https://masscasualtycommission.ca/documents/commissioned-reports/>. – Текст : электронный.

403. *Teens* warned not to try TikTok 'Pass Out' challenge that 'can result in death' // Mirror. – URL: <https://www.mirror.co.uk/tech/teens-warned-not-try-tiktok-21466792>. – Текст : электронный.

404. *Telegram* и WhatsApp* стали инструментом для организации преступлений // Комсомольская правда. – 2025. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/6521152/>. – Текст : электронный.

405. *The Ultra-Realistic AI Face Swapping Platform Driving Romance Scams* // WIRED. – 2025. – URL: <https://www.wired.com/story/the-ultra-realistic-ai-face-swapping-platform-driving-romance-scams>. – Текст : электронный.

406. *Top social media & live streaming platforms for pc games in Russia* // RMAA URL: <https://russia-promo.com/blog/the-best-social-and-streaming-media-for-pc-games-in-russia>. – Текст : электронный.

407. *Transnational Organized Crime: Convergence of Illicit Markets in the Dark Web and Social Media* // UNODC. – 2024. – URL: https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2024/TOC_Convergence_Report_2024.pdf. – Текст : электронный.

408. *UNODC. Transnational Organized Crime and the Convergence of Cyber-Enabled Fraud, Underground Banking, and Technological Innovation: A Shifting Threat Landscape* // 2024. – URL: <https://www.unodc.org/roseap/en/2024/10/cyberfraud-industry-expands-southeast-asia/story.html>. – Текст : электронный.

Социологический опрос диссертационного исследования

1. Цель опроса: выявление структуры медиапотребления, уровня доверия к новым медиа, оценки респондентами влияния криминальной субкультуры и распространенности имитационных правонарушений и преступлений.
2. Сбор данных: анонимное онлайн-анкетирование с использованием платформы Google Forms¹.
3. Период проведения: апрель–май 2024 г.
4. Способ распространения анкеты: ссылка на опрос распространялась через официальные группы и чаты юридического факультета ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», ориентированные на активно пользующихся цифровыми медиа пользователей.
5. Тип выборки: целевая аудитория. В выборку включались лица, являющиеся активными пользователями цифровых медиа (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги). Репрезентативность для генеральной совокупности населения Российской Федерации не заявляется; полученные данные используются для качественного анализа связей и тенденций внутри выборки.
6. Объем выборки: 217 респондентов, полностью заполнивших анкету.
7. Структура анкеты: 15 закрытых вопросов (с вариантами ответов); 2 открытых вопроса (о примерах экстремистских Telegram-каналов и групп ВКонтакте); 3 социально-демографических вопроса (пол, возраст, род занятий).

¹ *Криминогенность* СМИ: сравнительный криминологическо-правовой анализ // Анкета. – 2024. – URL: https://docs.google.com/forms/d/13gYFNeYm5Sc0ktabP9wERS7Ox_TUR83_WLQxf_XU6n4/edit#response

8. Обработка данных: количественные закрытые вопросы обработаны с помощью встроенных инструментов Google Forms и MS Excel (подсчет долей, построение диаграмм); открытые вопросы подвергнуты тематическому кодированию: все ответы сгруппированы по ключевым темам (упоминание конкретных каналов, групп, отсутствие ответа, «не знаю» и т. д.).

9. Ограничения метода: выборка не является репрезентативной для всего населения Российской Федерации, результаты не подлежат прямому обобщению. Данные используются для выявления качественных закономерностей и иллюстрации тенденций в среде активных пользователей новых медиа.

Анкета социологического опроса

Новые медиа в современных реалиях оказывают информационно-опосредованное влияние на пользователей и могут обладать криминогенным или криминогенно-профилактическим потенциалом, способным повлиять на криминологическую ситуацию. Способность новых медиа изменять поведение людей, делает необходимым выявление криминогенных факторов.

Анкета анонимна. Полученные данные будут использованы в рамках кандидатской диссертации. Цель работы – выявление криминогенного влияния новых медиа на криминологическую ситуацию.

1. **Какими СМК Вы чаще всего пользуетесь?**
 - а) СМИ
 - б) Медиапространство (система интернет: социальные сети)
2. **Какими СМИ Вы чаще всего пользуетесь?**
 - а) Печатными (газеты, журналы)
 - б) Радио
 - в) Интернет
 - г) Телевидение
 - д) Интернет-СМИ
3. **Какими социальными сетями в системе Интернет (медиапространство) Вы пользуетесь?**
 - а) VK (ВКонтакте)
 - б) Telegram
 - в) Инстаграм (запрещен на территории РФ)
 - г) Ок (Одноклассники)
 - д) YouTube
 - е) TikTok (заблокирован на территории РФ)

4. **СМК (СМИ и медиапространство) являются одним из мощных средств манипулирования общественным мнением?**

а) Согласен полностью

б) Сомневаюсь

в) Не согласен

г) Свой вариант: _____

5. **Как Вы считаете, допустимо ли, что СМК (СМИ и медиапространство) манипулируют сознанием человека?**

а) Да

б) Нет

в) Затрудняюсь

г) Свой вариант: _____

6. **Проверяете ли Вы информацию, полученную из СМК (СМИ и медиапространство)?**

а) Проверяю

б) Не всегда

в) Редко

г) Нет

д) Свой вариант: _____

7. **Меняете ли Вы собственное мнение под влиянием СМК (СМИ и медиапространство)?**

Степень влияния	Печатные	Радио	Телевидение	Соц. сети
Да				
Часто				
Редко				
Нет				
Затрудняюсь ответить				

8. **Как Вы считаете, СМК (СМИ и медиапространство) нагнетают панику в обществе?**

Степень влияния	Печатные	Радио	Телевидение	Соц. сети
Да				
Часто				
Редко				
Нет				
Затрудняюсь ответить				

9. **В каких источниках Вы сталкивались с экстремистскими материалами в СМК (СМИ и медиапространство)? (можно выбрать несколько вариантов ответа)**

СМИ:

а) Телевидение

б) Печать

в) Радио

Медиапространство (социальные сети):

- а) VK (ВКонтакте)
- б) Telegram
- в) Инстаграм (запрещен на территории РФ)
- г) Ок (Одноклассники)
- д) YouTube
- е) TikTok (заблокирован на территории РФ)

10. В каких источниках Вы сталкивались с возбуждением ненависти, либо вражды? (можно выбрать несколько вариантов ответа)

СМИ:

- а) Телевидение
- б) Печать
- в) Радио

Медиапространство (социальные сети):

- а) VK (ВКонтакте)
- б) Telegram
- в) Инстаграм (запрещен на территории РФ)
- г) Ок (Одноклассники)
- д) YouTube
- е) TikTok (заблокирован на территории РФ)

11. В каких социальных сетях можно проследить наибольшее количество публикаций со сценами насилия и экстремистскими материалами (можно выбрать несколько вариантов ответа)?

- а) VK (ВКонтакте)
- б) Telegram
- в) Инстаграм (запрещен на территории РФ)
- г) Ок (Одноклассники)
- д) YouTube
- е) TikTok (заблокирован на территории РФ)

12. Существуют ли по Вашему мнению экстремистские Telegram-каналы? Если да, приведите пример данных каналов:

13. Есть ли в VK (ВКонтакте) группы, которые публикуют пропагандистские материалы экстремистского характера? Если да, приведите пример данных групп:

14. Считаете ли Вы, что акцентирование внимания аудитории на жестких, насильственных действиях формирует порочную идеологию и рост преступности?

- а) Да
- б) Нет
- в) Не знаю
- г) Свой вариант: _____

15. Какие, по Вашему мнению, необходимо принять меры для устранения и предупреждения криминогенного воздействия СМК (СМИ и медиапространства)?

- а) Совершенствование законодательства, регулирующего отношения в информационной сфере
- б) Организация государственного контроля над состоянием информационного пространства
- в) Активизация деятельности по выявлению, учету и систематизации криминогенных факторов СМИ и последствий их влияния на личность и общество
- г) Активизация деятельности по выявлению лиц, замышляющих и подготавливающих с помощью СМИ преступные посягательства (лиц с повышенной степенью криминогенности)
- д) Предотвращение и пресечение противоправной деятельности, осуществляемой лицами, отвечающими за выпуск информационной продукции
- е) Своевременность профилактического воздействия на лиц с повышенной степенью криминогенности и виктимности

В заключение укажите некоторые сведения о себе, что важно для построения статистических группировок:

16. Ваш пол:

- а) мужской
- б) женский

17. Ваш возраст:

- а) 18–25 лет
- б) 26–30 лет
- в) 31–40 лет
- г) 41–50 лет
- д) 51–60 лет
- е) 61 год и старше

Род занятий (укажите) _____

Результаты онлайн-анкетирования по теме исследования

Анкетирование проводилось в электронном формате с использованием платформы Google Forms в 2024 г. В опросе приняли участие 217 респондентов. Выборка является целевой и включает лиц, активно пользующихся цифровыми медиа. Ниже представлены социально-демографические характеристики участников.

1. Социально-демографический портрет респондентов.

Таблица 1.1. Распределение респондентов по полу и возрастным группам

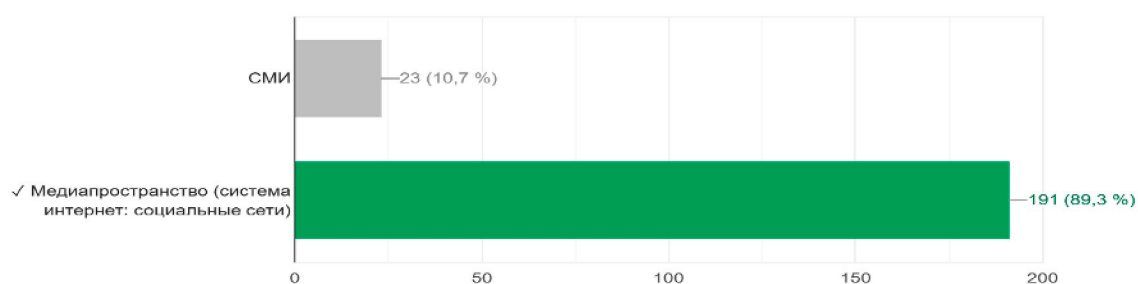
Пол	Доля, %	Возрастная группа	Доля, %
Женщины	71,2	До 25 лет	54,9
Мужчины	28,8	26–35 лет	25,3
		36–45 лет	12,9
		46 лет и старше	6,9

Таблица 1.2. Распределение респондентов по роду занятий

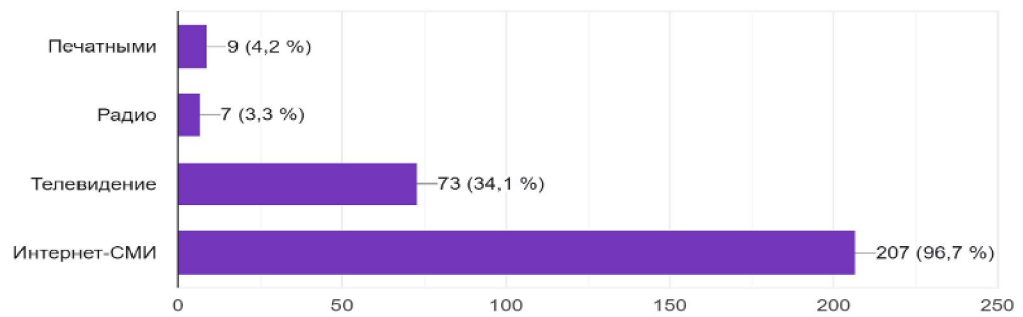
Категория рода занятий	Доля, %
Студенты	31,3
Специалисты (юристы, педагоги, медицинские работники, ИТ)	28,6
Государственные и муниципальные служащие	15,2
Работники коммерческого сектора (менеджеры, продажи)	12,9
Предприниматели (ИП, бизнес)	6,5
Работники правоохранительных органов и силовых структур	3,2
Прочие (пенсионеры, безработные, домохозяйки)	2,3

2. Визуализация результатов анкетирования:

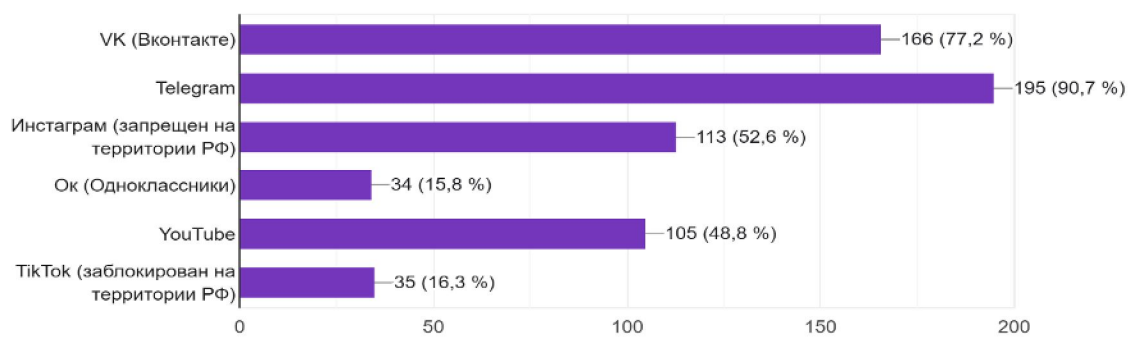
1. Какими СМК Вы чаще всего пользуетесь?

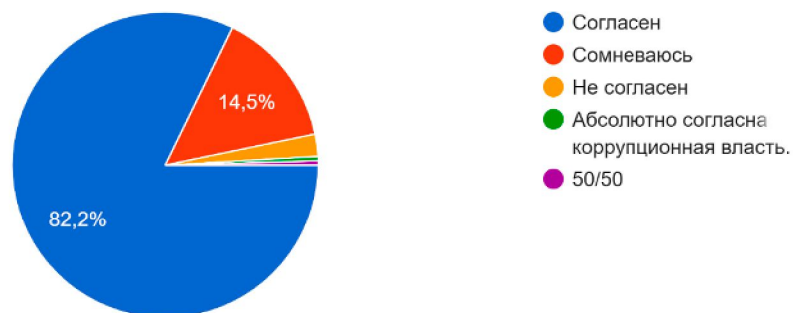
2. Какими СМИ Вы чаще всего пользуетесь?

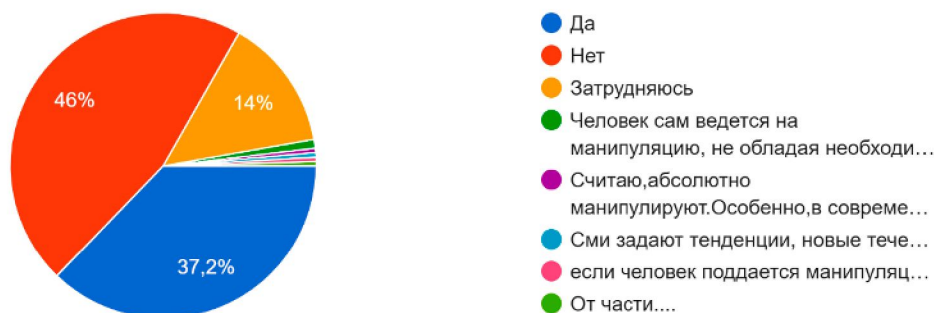
3. Какими социальными сетями в системе интернет (медиапространство) Вы пользуетесь?

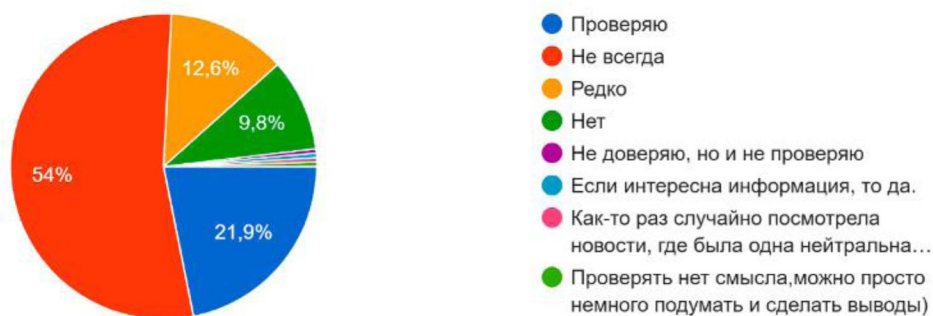
4. СМК (СМИ и медиапространство) являются одним из мощных средств манипулирования общественным мнением?

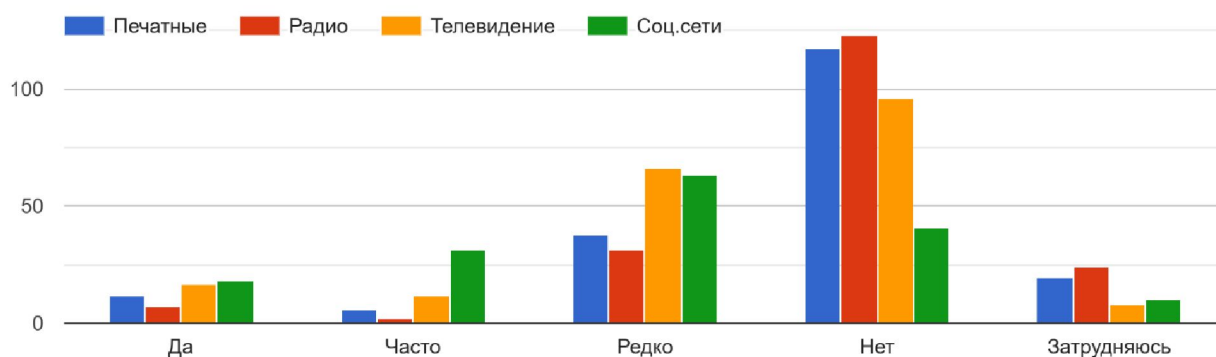
5. Как Вы считаете, допустимо ли, что СМК (СМИ и медиапространство) манипулируют сознанием человека?

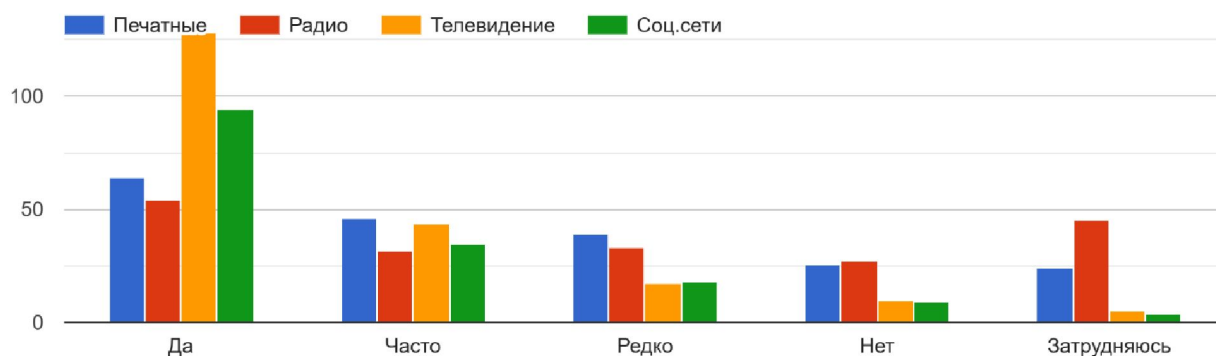
6. Проверяете ли Вы информацию, полученную из СМК (СМИ и медиапространство)?

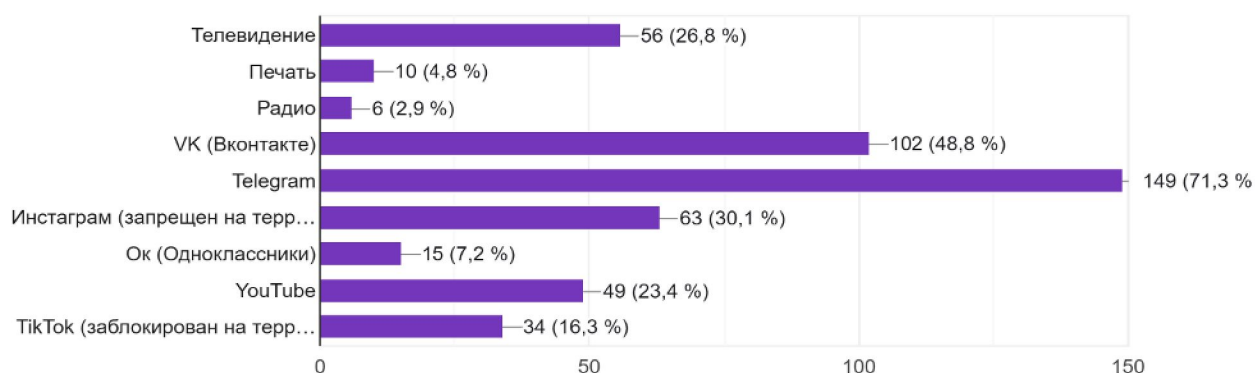
7. Меняете ли Вы собственное мнение под влиянием СМК (СМИ и медиапространство)?

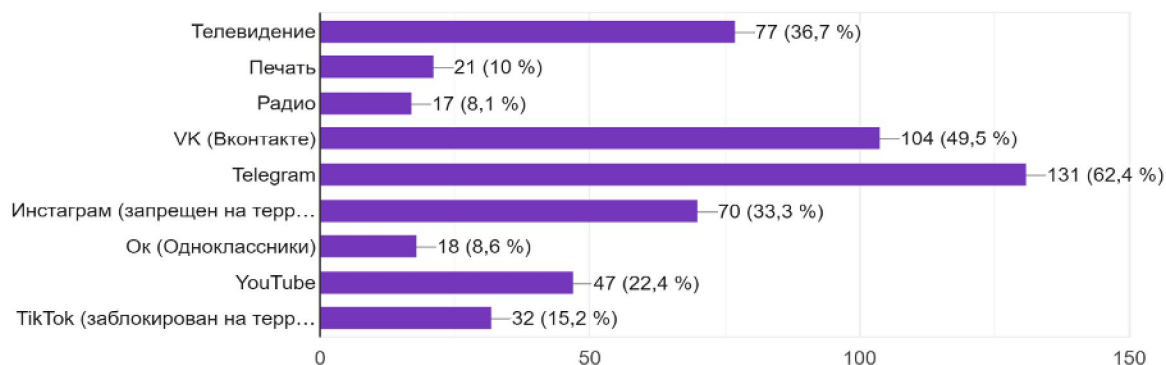
8. Как Вы считаете, СМИ (СМИ и медиапространство) нагнетают панику в обществе?

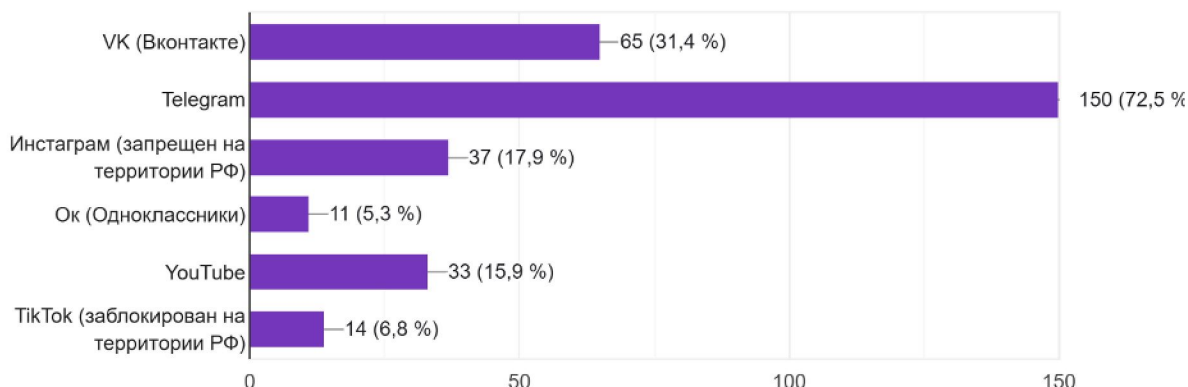
9. В каких источниках Вы сталкивались с экстремистскими материалами в СМИ (СМИ и медиапространство)? (можно выбрать несколько вариантов ответа)

10. В каких источниках вы сталкивались с возбуждением ненависти, либо вражды (можно выбрать несколько вариантов ответа)?

11. В каких социальных сетях можно проследить наибольшее количество публикаций со сценами насилия и экстремистскими материалами...можно выбрать несколько вариантов ответа)?

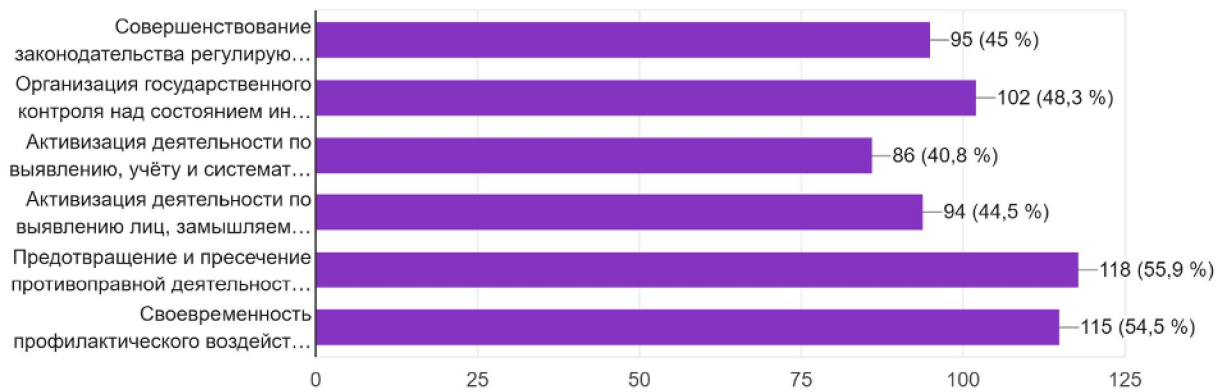
12. Существуют ли по Вашему мнению экстремистские telegram-каналы? Если да, приведите пример данных каналов:

13. Есть ли в VK (ВКонтакте) группы, которые публикуют пропагандистские материалы экстремистского характера? Если да, приведите пример данных групп:

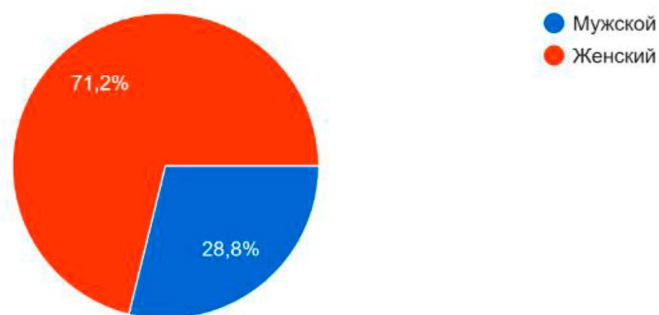
14. Считаете ли Вы, что акцентирование внимания аудитории на жестких, насильственных действиях, формирует порочную идеологию и рост преступности?

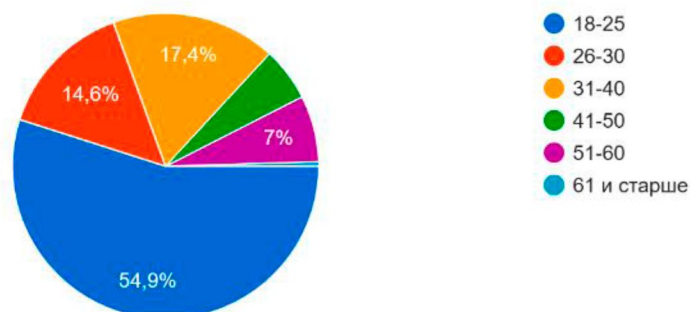
15. Какие, по Вашему мнению, необходимо принять меры для устранения и предупреждения криминогенного воздействия СМК (СМИ и медиапространства)?

16. Ваш пол:

17. Ваш возраст:

**Контент-анализ криминальной тематики
в региональных интернет-СМИ (г. Омск, ноябрь 2025 г.)**

1. Цель анализа: выявление удельного веса, структурных особенностей и стилистических моделей подачи криминального контента в трех крупнейших интернет-СМИ г. Омска.
2. Объект анализа: новостные публикации (статьи) интернет-СМИ «СуперОмск», «NGS55», «БК55» за период с 1 по 30 ноября 2025 года.
3. Единица анализа: отдельная новостная публикация (статья).
4. Единица счета: факт наличия публикации в рубриках, прямо относящихся к криминальной тематике («криминал», «происшествия», «судебные новости»).
5. Объем выборки: всего за исследуемый период проанализировано 3397 публикаций, из которых к криминальной тематике отнесено 410.
6. Процедура кодирования: количественный этап: подсчет общего количества публикаций по каждому изданию в каждой рубрике за ноябрь 2025 года; качественный этап: для выборочной совокупности (не менее 10 % публикаций от каждой рубрики, всего 48 статей) проведена кодировка по 9 параметрам с использованием заранее разработанного кодировочного бланка (кодирование выполнено лично автором диссертационного исследования).
7. Критерии отбора статей для качественного анализа: публикации отбирались методом систематической случайной выборки (каждая 5-я публикация в каждой рубрике).
8. Ограничения метода: анализ проведен за один календарный месяц; выводы о моделях подачи носят качественный характер и не претендуют на исчерпывающее описание всех редакционных стратегий за длительный период.

Результаты контент-анализа криминальной тематики в региональных интернет-СМИ (г. Омск, ноябрь 2025 г.)

1. Исходные данные (количественный срез).

Таблица 2.1. Объем новостного потока и криминального контента в исследуемых интернет-СМИ за ноябрь 2025 г.

Название интернет-СМИ (онлайн-СМИ)	Рубрика	Количество новостей по тегам за ноябрь 2025 г.	Общее количество новостей за ноябрь 2025 г.
«СуперОмск»	Криминальные	32	948
	Происшествия	76	
	Судебные	60	
«NGS55»	Криминал	75	1563
	Происшествия	97	
«БК-55»	Происшествия	70	886

2. Методика качественного анализа.

Для качественного анализа был разработан кодировочный бланк, содержащий 13 параметров (признаков), сгруппированных по тематическим блокам: базовые характеристики, тональность подачи, репрезентация участников событий, источники информации, визуальный ряд. Каждый параметр операционализирован через систему фиксированных кодов.

Таблица 2.2. Система кодов для качественного контент-анализа

Параметр	Код	Значение
Тон заголовка	1	Сенсационный
	2	Нейтральный
	3	Оценочный
	4	Объясняющий
Оценочная лексика в тексте	1	Много
	2	Умеренно

	3	Отсутствует
--	---	-------------

Продолжение таблицы 2.2

Параметр	Код	Значение
Детализация события	1	Высокая
	2	Умеренная
	3	Минимальная
Образ фигуранта (преступника/подозреваемого)	1	Демонизация (акцент на злости, рецидиве)
	2	Гуманизация (мотивы, контекст)
	3	Нейтральный (подсудимая, водитель)
	4	Отсутствует (абстрактный виновник)
Образ жертвы	1	Детализация (страдания)
	2	Факт (упоминание как потерпевшего)
	3	Отсутствует
Визуальный ряд	1	Шок-контент (фото с места происшествия)
	2	Официальный (фото пресс-службы)
	3	Сток/нейтральный (обычная иллюстрация)

3. Результаты количественного анализа.

Таблица 2.3. Удельный вес криминальной тематики в общем новостном потоке

Название интернет-СМИ (онлайн-СМИ)	Сумма новостей криминального блока (S)	Общее количество новостей (T)	Доля криминального контента, % $(S/T \cdot 100 \%)$
«СуперОмск»	168	948	17,7
«NGS55»	172	1563	11,0
«БК-55»	70	886	7,9

Вывод: наибольший удельный вес криминального контента характерен для издания «СуперОмск» (17,7 %), тогда как «БК55» демонстрирует минимальный показатель (7,9 %).

Таблица 2.4. Внутренняя структура криминального контента (по рубрикам)

Название интернет-СМИ (онлайн-СМИ)	Доля рубрики «Криминал» от S	Доля рубрики «Происшествия» от S	Доля рубрики «Суд» от S	Всего (S)
«СуперОмск»	$(X1/S1)*100\%$ 19,0 %	$(X2/S1)*100\%$ 45,2 %	$(X3/S1)*100\%$ 35,7 %	100 %
«NGS55»	$(Y1/S2)*100\%$ 43,6 %	$(Y2/S2)*100\%$ 56,3 %	–	100 %

Вывод: оба издания, имеющие соответствующую рубрику, отдают приоритет новостям категории «Происшествия» (45,2 % и 56,3 % соответственно), что может свидетельствовать об ориентации на события с высокой эмоциональной и визуальной составляющей.

4. Результаты качественного анализа и выявленные модели подачи.

4.1. Интернет-СМИ «СуперОмск»: эмоциональная модель.

Качественный анализ выявил зависимость стилистики от рубрики:

– В рубрике «Происшествия» доминирует сенсационная подача: сенсационные заголовки, шок-контент (фото с места ДТП), высокая детализация, направленная на реакцию.

– В рубрике «Криминальные новости» используется объясняющий подход с гуманизацией фигуранта.

– В рубрике «Судебные новости» – нейтральный констатирующий стиль.

Таблица 2.5. Результаты качественного анализа статей интернет-СМИ «СуперОмск» (фрагмент)

№	Параметр анализа	Статья 1 (Криминал)	Статья 2 (Происшествие)	Статья 3 (Суд)
1	Рубрика	Криминал	Происшествия	Суд
2	Тип события	Имущ. преступление	ДТП (смерть)	Убийство
3	Тон заголовка	4 (Объясняющий)	1 (Сенсационный)	2 (Нейтральный)
4	Оценочная лексика	2 (Умеренно)	1 (Много)	3 (Нет)

5	Детализация	2 (Умеренная)	1 (Высокая)	2 (Умеренная)
6	Образ фигуранта	2 (Гуманизация)	4 (Нет образа)	3 (Нейтральный)
7	Образ жертвы	2 (Факт)	1 (Детализация)	2 (Факт)
8	Визуал	2 (Официальный)	1 (Шок-контент)	3 (Сток)
9	Сенсация	Нет	Да	Нет

Примеры заголовков:

- «Появились кадры с места жуткой смертельной аварии под Омском» (Происшествие).
- «Юной омичке вынесли приговор за убийство новорожденного ребенка» (Судебные новости).

4.2. Интернет-СМИ «NGS55»: нейтральная модель.

Издание придерживается единой протокольной стилистики, не зависящей от рубрики. Наблюдаются нейтральные заголовки, отсутствие оценочной лексики, умеренная детализация, нейтральные образы фигурантов и жертв.

Таблица 2.6. Результаты качественного анализа статей интернет-СМИ «NGS55» (фрагмент)

№	Параметр анализа	Статья 1 (Криминал)	Статья 2 (Происшествие)
1	Рубрика	Криминал	Происшествия
2	Тип события	Фейки, взятка	ДТП (смерть)
3	Тон заголовка	2 (Нейтральный)	2 (Нейтральный)
4	Оценочная лексика	3 (Нет)	3 (Нет)
5	Детализация	2 (Умеренная)	2 (Умеренная)
6	Образ фигуранта	3 (Нейтральный)	3 (Нейтральный)
7	Образ жертвы	3 (Нет)	2 (Факт)
8	Визуал	4 (Нет)	2 (Официальный)
9	Сенсация	Нет	Нет

4.3. Интернет-СМИ «БК55»: минималистская модель.

Характеризуется предельной лаконичностью и фокусом на итоге события. Публикации концентрируются на судебном приговоре, а не на деталях преступления. Заголовки и текст – строгая констатация, визуальное сопровождение часто отсутствует.

Таблица 2.7. Результаты качественного анализа статей интернет-СМИ «БК55» (фрагмент)

№	Параметр анализа	Статья 1 (Происшествия)
1	Рубрика	Происшествия
2	Тип события	Убийство (2 лиц), поджог
3	Тон заголовка	2 (Нейтральный)
4	Оценочная лексика	3 (Нет)
5	Детализация	2 (Умеренная)
6	Образ фигуранта	3 (Нейтральный)
7	Образ жертвы	2 (Факт)
8	Визуал	4 (Нет)
9	Сенсация	Нет

Пример заголовка: «Под Омском мужчина путем поджога дома убил семейную пару».

6. Сводная характеристика выявленных моделей.

Таблица 2.8. Сравнительная характеристика моделей освещения криминальной тематики в интернет-СМИ г. Омска (ноябрь 2025 г.)

Критерий	«СуперОмск»	«NGS55»	«БК55»
Доля криминального контента	Наибольшая (17,7 %)	Средняя (11 %)	Наименьшая (8 %)
Доминирующая рубрика	Происшествия (45,2 %)	Происшествия (56,3 %)	Происшествия (единственная)
Стилистическая модель	Вариативная: эмоциональное вовлечение (сенсация, объяснение, констатация).	Единая: фактологически-нейтральная (протокольный стиль)	Минималистская: информационный итог (лаконичность, ретроспектива)
Тактика привлечения внимания	Эмоциональный шок, драматизация, любопытство к	Фактологическая детализация, указание на	Предоставление итоговой судеб-

	мотивам	собственные источни- ки	ной информации
Характер визуала	Дифференцированный: от шок-контента до стоковых изображений	Сдержанный: официальные фото или их отсутствие	Отсутствует (в анализируемой выборке)
Тип криминогенного воздействия	Аффективный (страх, шок) и социально-тревожный (объяснение мотивов)	Нормализующий, фоновый (криминал как рутина)	Итоговый (криминал как завершенный факт)

7. Выводы.

Проведенный анализ позволил идентифицировать три дискретные модели конструирования криминальной повестки в региональных интернет-СМИ:

1. Модель эмоционального вовлечения («СуперОмск») обладает прямым потенциалом генерации страха и социальной тревоги.
2. Фактологическая модель («NGS55») способствует нормализации криминала как фонового элемента социальной реальности.
3. Минималистская модель («БК55») представляет криминал через призму уже разрешенного, архивного юридического казуса.

Ключевым фактором, универсально ограничивающим позитивное воздействие трех моделей, является отсутствие аналитической глубины и экспертного контекста, что не способствует формированию у аудитории критического понимания криминальных явлений как комплексных социальных проблем.

**Контент-анализ криминальной тематики
в Telegram-каналах (ноябрь 2025 г.)**

1. Цель анализа: выявление объема и удельного веса криминального контента, а также стилистических особенностей его подачи в крупнейших русскоязычных Telegram-каналах новостной направленности.
2. Объект анализа: публикации (статьи) в Telegram-каналах «Топор Live», «Топор +», «BAZA» за период с 1 по 30 ноября 2025 года.
3. Критерии отбора каналов: наличие в официальном перечне персональных страниц и каналов Роскомнадзора (по состоянию на ноябрь 2025 г.); аудитория свыше 1,5 млн подписчиков; различие в заявленной редакционной политике (от информационной до эмоционально-сенсационной).
4. Единица анализа: отдельный пост (текст, визуал: изображение, видео) в канале.
5. Единица счета: факт публикации поста, который по своему содержанию относится к криминальной тематике (освещение преступлений, происшествий, судебных разбирательств, деятельности правоохранительных органов в связи с преступлениями). Посты, содержащие только криминальные анонсы или репосты без комментариев.
6. Выборка каналов: для анализа были выбраны три канала, различающиеся по аудитории и редакционной политике: «Топор Live» (аудитория: > 4 млн подписчиков). Позиционируется как канал нейтральных и оперативных новостей; «Топор +» (аудитория: > 9 млн подписчиков). Заявлен как самый популярный русскоязычный новостной канал; «BAZA» (аудитория: > 1,6 млн подписчиков). В описании акцентирует принципы «правды и эмоции».
7. Объем выборки: «Топор Live»: 2742 поста, из них криминальных – 338; «Топор +»: 682 поста, криминальных – 112; «BAZA»: 377 постов, криминальных – 132.

8. Количественный анализ: просмотр всех постов за ноябрь 2025 года по визуальному просмотру ленты, отнесение к криминальной тематике по формальным и смысловым признакам.

9. Качественный анализ: проведен по 9 параметрам (адаптированный кодировочный бланк) на материале публикаций об обнаружении головы ребенка в рюкзаке в Гольяновском пруду (г. Москва, 16.11.2025).

Результаты контент-анализа криминальной тематики в Telegram-каналах (ноябрь 2025 г.)

Таблица 3.1. Объем и удельный вес криминального контента в Telegram-каналах (ноябрь 2025 г.)

Название	Общее количество постов (новостей) (Т)	Посты криминальной тематики (S)	Удельный вес криминального контента, % $(S/T*100\%)$	Подписчики
«Топор Live»	2742	338	12,3	4 163 085
«Топор +»	682	112	16,4	9 098 497
«BAZA»	377	132	35,0	1 622 402

Ключевые выводы количественного анализа:

1. Абсолютный лидер по удельному весу – канал «BAZA». Каждый третий пост (35,0 %) посвящен криминальной теме, что полностью соответствует его декларируемой редакционной политике, ориентированной на сильные эмоциональные реакции.

2. Селективность «Топор +». Несмотря на меньший общий объем публикаций, данный канал демонстрирует более высокую плотность криминального контента (16,4 %), чем «Топор Live» (12,3 %), – это позволяет предположить более строгий отбор новостей, где криминальные сюжеты рассматриваются как ключевые для удержания массовой аудитории.

3. Модель информационного конвейера «Топор Live». Канал генерирует наибольший объем контента при относительно низкой доле криминальной тематики, включая ее в непрерывный поток разнообразных новостей.

3. Качественный анализ моделей подачи материала на примере резонансного события.

Для углубленного качественного анализа было выбрано одно резонансное криминальное событие: обнаружение головы ребенка в рюкзаке в Гольяновском пруду (г. Москва, 16.11.2025). Проанализированы публикации в трех исследуемых каналах с использованием адаптированного кодировочного бланка (прил. 2).

Таблица 3.2. Сравнительный качественный анализ публикаций о резонансном событии

№	Параметр анализа	«Топор +»	«Топор Live»	«BAZA»
1	Источник	Репост с канала «Москва Live»	Репост с канала «Москва Live»	Оригинальная публикация
2	Тон заголовка	Код 1 (Сенсационный) эмодзи, жирный шрифт на ключевой фразе	Код 1 (Сенсационный) эмодзи, жирный шрифт на ключевой фразе	Код 2 (Нейтральный) Факт без окраски (без эмодзи и выделения текста). Текст ближе к протоколу
3	Оценочная лексика	Код 3 (Отсутствует) Текст фактологичен. Эмоции передаются через эмодзи и оформление	Код 3 (Отсутствует) Текст фактологичен. Эмоции передаются через эмодзи и оформление	Код 3 (Отсутствует) Строго фактологический текст
4	Детализация	Код 2 (Умеренная) Основные факты: что, где, предварительный возраст, возбуждено дело и др.	Код 2 (Умеренная) Основные факты: что, где, предварительный возраст, возбуждено дело и др.	Код 2 (Умеренная) Факты те же, изложение чуть более связное, как единый текст
5	Образ жертвы	Код 1 (Детализация через акцент) Жесткий акцент на объекте («голова ребенка в рюкзаке») и возрасте. Создает образ страдания	Код 1 (Детализация через акцент) Жесткий акцент на объекте («голова ребенка в рюкзаке») и возрасте. Создает образ страдания	Код 2 (Факт) Тот же факт изложен чуть менее акцентированно, но суть та же

№	Параметр анализа	«Топор +»	«Топор Live»	«BAZA»
6	Визуал	Код 1 (Шок-контент, смягченный) Фото с места с блоком, но сам объект узнаваемый и провоцирует шок	Код 1 (Шок-контент, смягченный) Фото с места с блоком, но сам объект узнаваемый и провоцирует шок	Код 1 (Шок-контент, смягченный) Использована та же фотография с блоком
7	Элемент вовлечения	Есть: Эмодзи, выделение жирным шрифтом текста	Есть: Эмодзи, выделение жирным шрифтом текста	Отсутствует: Нет эмодзи и выделения текста, но сам факт выбора темы и фото – инструмент вовлечения
8	Сенсация	Да	Да	Нет. Но содержание само по себе сенсационно
9	Редакционная обработка	Минимальная. Репост с усилением через эмодзи и выделением текста	Минимальная. Репост с усилением через эмодзи и выделением текста	Текст переработан в более связную, но нейтральную форму

Ключевые выводы качественного анализа:

1. Модель сенсационного ретранслятора («Топор +», «Топор Live»). Каналы используют готовый контент из источника («Москва Live»), добавляя к нему минимальные, но мощные маркеры эмоционального вовлечения (эмодзи, жирный шрифт). Цель – мгновенно привлечь внимание и вызвать аффективную реакцию (шок, ужас). Различия между ними несущественны в качественном плане.

2. Модель «эмоционального фактологического гибрида» («BAZA»). Формально тон нейтрален, оценочная лексика отсутствует. Криминогенный эффект достигается за счет:

- селекции контента: выбор крайне жестокой и шокирующей темы;
- использование шок-визуала: несмотря на блок, изображение провоцирует эмоции;

– иллюзии достоверности: оригинальная, протокольная форма подачи текста может усиливать воспринимаемую достоверность и, как следствие, воздействие.

3. Общая черта всех каналов: использование визуального шок-контента (даже смягченного) и акцента на жестоких деталях, что подтверждает ориентацию на эмоциональную провокацию как основной инструмент работы с криминальной повесткой в Telegram-среде.

Контент-анализ освещения резонансного преступления в Telegram-каналах (на примере нападения на школу в Одинцово, декабрь 2025 г.)

1. Цель анализа: идентификация и классификация криминогенных элементов в контенте ведущих Telegram-каналов, включая нарративные стратегии, характер визуальных материалов, использование экстремистской риторики и характер реакций аудитории.
2. Объект анализа: публикации (посты) в 7 крупных русскоязычных Telegram-каналах (обозначенных в анализе буквами А-Г) в период с 16 по 20 декабря 2025 года.
3. Критерии отбора каналов: аудитория канала более 700 тыс. подписчиков; активное освещение инцидента в первые 24 часа (не менее 2 постов); разнообразие редакционных моделей (от фактологических до сенсационных).
4. Единица анализа: отдельный пост (текст, визуал: изображения, видеофрагменты, реакции аудитории в виде комментариев, эмодзи или донатов-подарков).
5. Объем выборки: проанализировано 78 публикаций.
6. Процедура анализа: сбор всех публикаций в указанных каналах за период с 16 по 20 декабря 2025 года; кодирование по качественным категориям: наличие визуального шок-контента, распространение манифеста, символики преступника, наличие признаков героизации преступника, спекулятивные нарративы (этнизация, критика властей, социальный конфликт); фиксация интерактивных реакций аудитории (донаты, одобрительные комментарии).
7. Ограничения метода: исследование носит качественный характер; выводы иллюстрируют механизмы криминогенного воздействия на конкретном примере и не претендуют на автоматическую генерализацию на все

резонансные преступления, хотя выявленные паттерны могут иметь системный характер.

**Результаты контент-анализа освещения резонансного преступления
в Telegram-каналах (на примере нападения на школу в Одинцово,
декабрь 2025 г.)**

1. Количественные показатели освещения события.

Таблица 4.1. Количественные показатели освещения инцидента в исследуемых Telegram-каналах

Наименование канала	Количество подписчиков	Количество постов по инциденту	Основной характер контента
«Кровавая Барыня» (А)	1 121 920	24	Мультимедийный репортаж с элементами расследования и социального комментария
«Топор +» (В)	9 118 327	4	Концентрированный шок-контент с акцентом на идеологию преступника
«Осторожно, Новости» (С)	1 597 100	19	Детализированная хроника с включением эксклюзивных материалов (аудио, видео, манифест)
«BAZA» (D)	1 621 175	11	Фактологическое освещение с элементами визуальной детализации
«Топор Live» (Е)	4 160 841	2	Краткая информационная сводка (репосты)
«Поздняков 3.0» (F)	771 620	14	Публикация шок-материалов с последующими спекулятивными рассуждениями
«Россия 360» (G)	1 476 613	5	Концентрированное освещение с акцентом на визуальный шок-контент и идеологические маркеры преступника

Вывод: Наибольший объем контента сформировали каналы А (24 поста) и С (19 постов), практикующие детализованный, исследовательский подход. Каналы с максимальной аудиторией (В, Е) ограничились краткими, но резонансными публикациями.

2. Качественный анализ: ключевые криминогенные элементы.

Анализ содержания позволил выделить четыре устойчивые категории контента с высоким криминогенным потенциалом.

2.1. Визуальный шок-контент и нарушение этических норм.

Практически все каналы (кроме Е) использовали материалы, нарушающие этические стандарты журналистики:

- Фотографии жертвы и места преступления: селфи преступника на фоне тела погибшего ребенка (каналы В, С, F, G), фотографии оружия преступления (А, С). В большинстве случаев лица жертв и преступника не подвергались обелению (блору) либо блор применялся выборочно.

- Материалы, детализирующие насилие: упоминание или публикация фрагментов видео нападения (С, D, G), скриншоты с момента атаки (F, G).

- Нарушение приватности: демонстрация изображений страданий родственников погибших (А, С, G).

2.2. Распространение идеологии и манифеста преступника.

Наблюдался беспрецедентный уровень интеграции идеологического контекста:

- Символика и атрибутика: фотографии экипировки преступника с нацистскими лозунгами, коловратом, отсылками к известным массовым убийцам (опубликованы в каналах А, В, С, D, F, G).

- Текстовый манифест: каналы В, С и G сообщали о существовании манифеста преступника «Мой Гнев», частично цитируя его содержание, оправдывающее насилие.

- Идеологические маркеры: акцент на надписях на одежде преступника («No Lives Matters»), связь его риторики с праворадикальными сообществами (А, С, G).

2.3. Героизация преступника и формирование деструктивного сообщества:

- Создание культового имиджа: публикация стилизованных изображений преступника в экипировке и маске (А, С, D, F, G).

- Одобрение со стороны аудитории: канал С зафиксировал уникальный феномен: преступнику в первые часы после инцидента было отправлено несколько десятков платных подарков (донатов) на его личный профиль в Telegram с комментариями «Легенда», «Бог», что является прямым индикатором формирования маргинального сообщества, одобряющего насилие.

2.4. Конструирование спекулятивных нарративов.

Ряд каналов (А, С, F, G) выстраивали повествование, выходящее за рамки констатации фактов:

- Этнизация конфликта: активное указание на национальность погибшего и его семьи, что на фоне идеологии преступника смещало фокус с индивидуального преступления в плоскость межнационального конфликта.

- Социально-политическая спекуляция: обвинения в адрес «безнадзорности», «западного влияния» (А, G), противопоставления действий преступника преступлениям мигрантов (А, С, G), критика системы безопасности в школах (А, С, F, G).

3. Общие выводы.

Проведенный анализ демонстрирует, что Telegram-каналы в ходе освещения резонансного преступления функционируют как гибридная среда, совмещающая функции новостного репортажа, нерегулируемой площадки для «расследований» и коммуникационной платформы для маргинальных сообществ.

Ключевые криминогенные эффекты, выявленные в контенте:

1. Одобрение и вирализация деструктивных идеологий, что может служить триггером для лиц, склонных к подражательным действиям.
2. Конструирование образа преступника как «культовой фигуры» для радикализованных групп, подкрепляемое интерактивной обратной связью от аудитории (донаты, комментарии).
3. Дезориентация публичного дискурса путем активного внедрения спекулятивных, этнополитических и конспирологических нарративов, затрудняющих рациональное осмысление причин и последствий трагедии.

Данные выводы подтверждают тезис о том, что структурные особенности платформы Telegram (гибридность, массовость, слабая модерация) обеспечивают реализацию полного криминогенного цикла – от инкубации идей до консолидации вокруг них сообщества и монетизации внимания.

